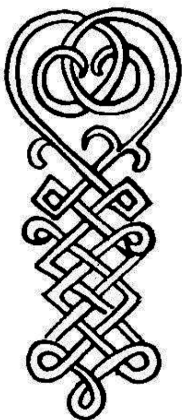
М. Л. КИЧИКОВ

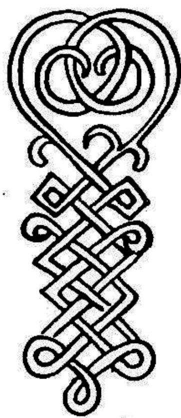
ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

КАЛМЫЦКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. Л. КИЧИКОВ

ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Пособие для учителя по изучению курса истории Калмыкии

2-е издание, переработанное и дополненное

Под редакцией канд. ист. наук А. Н. КОМАНДЖАЕВА
и канд. филол. наук Н. Н. УБУШАЕВА

ЭЛИСТА * КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО * 1994

ББК 63.3(2)4(2Р–6Ка)
К 461

1-е издание выходило в 1966 г. под заглавием: "Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России".

Предисловие *А. Н. Команджаева, Н. Н. Убушаева*

Утверждено департаментом образования Республики Калмыкия в качестве пособия для учителя.

Рецензенты: канд. ист. наук *Ю. О. Оглаев, М. Я. Рекшан, Г. С. Нуркаева*

К $\frac{4306020600 - 031}{М\ 126(03) - 94}$ Без объявл.

ISBN 5-7539-0308-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

История повторяется. После 1917 г. мы с легкостью отреклись от научного исторического наследия, категорически обвинив предшественников в субъективном методе познания, в слепом следовании за источником. Противопоставив этому "подлинно объективную" методологию, мы построили карточный домик исторического познания. Источники, а следовательно, исторический факт стал играть в этой схеме второстепенную, вспомогательную роль. И вновь, как и 77 лет назад, мы начинаем с "белого листа", почти мистически подтверждая тезис о цикличности нашего бытия. Долгие десятилетия столь идеологизированной науки привели нас сегодня к печальному итогу: из сотен трудов по истории Калмыкии, созданных в советский период, мы можем с чистой совестью оставить потомкам лишь единицы. В этом скромном ряду исторических произведений, безусловно, стоит книга М. Кичикова.

В ней, как и должно быть в научных работах, первостепенное значение имеет исторический факт, отсюда и выводы, сделанные по нему, являются не надуманными, а достаточно вескими и аргументированными. Именно это, прежде всего, делает необходимым обращение к пособию М. Кичикова при изучении курса истории Калмыкии. Актуальность его определяется еще и тем, что в наше время активного поиска утерянных критериев национального сознания мы справедливо ищем эти ориентиры в далеком прошлом. Пытаясь познать самих себя, с волнением читаем работы Э. Хара-Давана, Н. Бичурина, Н. Пальмова и других, видя и в давно ушедших личностях монгольских, ойратских, калмыцких правителей, и в той богатой событиями эпохе черты выражения своего национального духа. На трудном пути самопознания большую помощь нам окажет книга профессора М. Кичикова.

Почему сегодня так велико наше внимание к национальным истокам? Безусловно, справедливы мнения, высказываемые на этот счет, о многолетней задавленности национальных вопросов социальной идеей. Эта глыба проблем в различных формах поднялась во всей значимости после отмены приоритетности классовых интересов. Наряду с этим, в переходный период от старой государ-

ственной машины к будущему общественному порядку у нас еще не установлены нормы нового права. Когда же в стране нет писаного права, народ, по справедливому наблюдению Н. Бердяева, обращается к обычаям и традициям. Этот фундамент любого этноса в критической ситуации, каковую мы переживаем сегодня, сможет служить хорошим основанием для возрождения народа.

Одним из главных рецептов в этом благородном деле является извлечение уроков из прошлого. В книге М. Л. Кичикова отражены условия и причины вхождения части ойратов в состав России, скрупулезно очерчены пути перекочевки их через Сибирь и Приуралье в междуречье Волги и Дона. Безусловно, и это автором показано достаточно глубоко, путь был долог и тяжел, изобиловал многочисленными столкновениями с соседними народами, нередки были нарушения договорных обязательств. В довершение всего положение усугублялось междоусобной борьбой различных группировок калмыцких тайшей.[1] И эти негативные стороны средневековой калмыцкой истории, прекрасно проиллюстрированные документами, могут быть достаточно поучительными и для сегодняшней нашей действительности. К примеру, в 1644 г. в горах на территории Кабарды столкновения калмыцких войск с кабардинскими и русскими феодалами стоили жизни без малого десяти тысячам человек, в том числе тайше Хо-Орлюку, его сыну и двум внукам.

Но зачастую объективные условия приводили калмыцких тайшей к необходимости учета народных интересов и заставляли их проявлять государственный подход к решению важных вопросов. Исходя из этих условий, они вынуждены были стремиться к объединению и созданию единого Калмыцкого государства. Ничего удивительного нет в том, что они избрали форму монархического правления в виде самодержавной власти калмыцкого хана. К этому побуждали вековые традиции восточных народов с их стремлением к личной деспотии. В этом смысле Россия многое восприняла у Востока. По сей день в психологии народов России, в том числе русского и калмыцкого, сидит "царь в голове". Иногда исследователю может прийти мысль о том, что демократию западного образца невозможно привить на нашу российскую, в том числе калмыцкую, основу, или же это привитие может идти чрезвычайно болезненно и через неимоверные страдания. Это трудно объяснить с точки зрения европейского "рационализма". Надо знать историю, тради-

---

[1] Титул феодальных правителей.

ции, национальную психологию народа, чтобы понять,что ханская власть в XVII в. была единственной формой самовыражения калмыцкого национального духа с его стремлением к унитарности. Обращение к этим урокам прошлого также не менее актуально.

Несмотря на образование самостоятельного государства в составе России, калмыки не утратили связей со своими единоверцами: более того, учитывая общие традиции, калмыцкие правители приняли самое деятельное участие в Монголо-ойратском съезде 1640 г. и составлении единого для всего монгольского мира свода законов "Ики цааджин бичик". Это, в известной мере, как-то напоминает сегодня нашу тягу к своей "обетованной" родине и объясняет необходимость наших контактов с родственными нам народами.

Мы не будем подробно останавливаться на достоинствах (их великое множество) и возможных упущениях данной работы. Исследователи П. Преображенская и М. Батмаев, признанные знатоки истории Калмыцкого ханства, склонны отодвинуть образование государства у калмыков на более поздний период, нежели определил его М. Л. Кичиков. Уже один этот факт свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения проблемы, тесно связанной с поисками критериев процесса государственного образования, сложения калмыцкой народности. То есть эти вопросы еще будут уточняться, и поиск ответов на них обещает быть трудным.

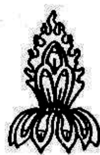
Автор данного пособия, сам долгие годы калмыцкой ссылки работавший учителем, доктор исторических наук М. Кичиков относится к разряду тех ученых, которые без словесного "треска" трудятся над составлением подлинной истории нашего народа и возрождением его культуры. И он не склонен афишировать свои несомненные заслуги.

Не менее важными исследованиями профессора, ветерана Великой Отечественной войны, офицера, являются его книги об участии калмыков в Великой Отечественной войне. Тем самым он внес вклад в работу, связанную с подлинной реабилитацией калмыцкого народа. Его перу принадлежит огромное количество других работ, книг, статей, сборников документов по различным вопросам калмыцкой истории. Продолжительное время он возглавлял сектор истории Калмыцкого НИИЯЛИ (ныне КИОН); под его руководством выросла целая плеяда ученых Калмыкии, созданы такие обобщающие труды, как "Очерки истории Калмыцкой АССР" в двух томах, не потерявшие актуальности и по сей день, выпущены многочисленные сборники научных статей. В последние годы, работая в г. Калуге, М. Л. Кичиков не терял связей с родиной, и вполне

логичным является то, что сегодня он снова занял свое место среди историков Калмыкии.

Наконец, и это читателю должно быть небезразлично, Мерген Лиджинович Кичиков — сын незаслуженно преданного забвению, выдающегося калмыцкого ученого, просветителя, общественного деятеля Номто Очирова, чье имя к нам возвращается сегодня в сиянии заслуженной славы.

А. Н. Команджаев, Н. Н. Убушаев

Номто Очирову посвящается

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

"Образование Калмыцкого ханства" — работа, имеющая актуальное значение для изучения начального периода истории Калмыкии.

Она основывается на анализе статей, брошюр и книг предшественников и материалов Российского государственного архива древних актов периода образования Московского централизованного многонационального государства.

Калмыцкие тайши под предводительством Мончака (Пунцука) в 1664 г. получили от царя Российского государства символы власти: знамя, с изображением двуглавого орла и в кругу — Георгия Победоносца на коне, пронзающего копьем змия, и булаву, украшенную драгоценными камнями.

Точно так же в 1654 г. гетман Малороссии Богдан Хмельницкий был отмечен правительством России: Малороссия была признана государственным образованием в составе Российского царства.

А в 1658 г. атаман донских казаков К. Яковлев получил от правительства такое же знамя и булаву как символы казачьего управления.

Это были государственные образования типа вассалитета, где сюзереном выступало государство Российское.

Почему же правительство России отметило символами власти политические образования Юга России: Малороссию, Донское казачество и Калмыцкое ханство?

Потому что они противостояли недругам России и прочно обеспечивали за ней южные территории от Причерноморья до Баку на Каспии.

В данной работе рассмотрены две концепции прихода ойраткалмыков на Волгу: а) экспансионистская, б) в силу суровой необходимости. В настоящее время одерживает победу последняя.

По нашему глубокому убеждению, Калмыцкое ханство образовалось в 1657–1664 гг. В это время появился калмыцкий термин "тангч", означавший "государственное образование". При знаменитом хане Аюке (1642–1724) Калмыцкое ханство переживало свой расцвет.

В 1771 г. Убуши-хан совместно с ламаистским духовенством увел большую часть калмыков (торгутов) из Поволжья и Приуралья в пределы бывшей Зюнгарии (Джунгарии), разгромленной войсками китайского императора, ставшей провинцией Китая — Син-Цзяном (Синьцзяном). Так было утрачено автономное существование Калмыцкого ханства.

На Волге наступил период безвластия. На правом берегу, под Царицыном, остались дербеты. Вернулись на Волгу некоторые торгутские тайши. Появилась здесь хойтско-хошутская группировка под предводительством Ж. Тюменя, в Сальских степях обосновались остатки зюнгар — это были осколки Хошутского и Зюнгарского ханств, разбитых войсками китайского императора.

Из калмыков, оказавшихся на Волге, правительство России образовало "наместничество ханства" и назначило наместником Чуча Тундутова.

В XIX в. в связи с усилением колониального господства и руссификаторской политикой царизма Калмыкия неуклонно превращалась в колониальную окраину России. Ее общественное развитие подвергалось консервации, а народ был обречен на постепенное вымирание от болезней, нищеты и голода.

Весной 1917 г. князь Данзан Тундутов и адвокат Номто Очиров предприняли шаги по вовлечению астраханских калмыков в казачье сословие, чтобы таким образом избежать колонизации и руссификации, добиться национального самоопределения.

Но, увы, Калмыкия не добилась автономного существования ни от казачества, ни от Временного правительства России. Только рабоче-крестьянское правительство, возглавляемое В. И. Лениным, возникшее в результате социалистической революции, предоставило калмыцкому народу право на самоопределение: в 1920 г. на Чилгирском Общекалмыцком съезде Советов была образована Калмыцкая автономная область в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Благодаря экономическим, культурным и политическим успехам трудящихся, поверивших в осуществление ленинской национальной политики, область в 1935 г. была преобразована в автономную республику. Создано республиканское правительство. Первым Председателем Совнаркома Калмыцкой АССР становится бывший батрак А. Пюрбеев.

Под его руководством началось возрождение народа, перешедшего от кочевого и полукочёвого образа жизни к более передовому оседлому, основанному на новых экономических связях. Возникла столица республики — Элиста.

Однако в условиях культа личности Сталина ожил шовинизм: республика пережила в 1937 и 1938 гг. истребление национальных

кадров, а в годы Великой Отечественной войны подверглась анулированию, ее коренное население было выселено в суровые восточные районы страны.

Исчезновение целого народа, ликвидация его автономии были замечены зарубежными калмыками. Группа под руководством Джапа Наминова-Бурхинова предала гласности этот вопрос на Бандунгской международной конференции в 1955 г. XX съезд КПСС принял историческое решение о возвращении "наказанных" народов в родные места и восстановлении автономных республик, в том числе Калмыцкой АССР.

Вначале была восстановлена Калмыцкая автономная область в составе Ставропольского края, а в следующем 1958 г. — автономная республика в составе РСФСР.

Более 35 лет существует возрожденная республика. В последние годы в Калмыкии возникла президентская власть. В начале 1994 г. принято Степное Уложение (Основной Закон), согласно которому государственность в составе России — Республика Калмыкия — сохраняется. Если в XVII в. Калмыцкое ханство возникло как феодальное автономное образование, то в настоящее время, начиная с 1920 г., Республика Калмыкия существует как автономная республика калмыцкого народа.

Такова вкратце история калмыцкой государственности, которую мне показалось необходимым напомнить читателю перед ознакомлением с работой.

Пособие "Образование Калмыцкого ханства" предназначено для преподавателей школ, его можно рекомендовать учащимся средней школы, студентам и всем, кто изучает историю и культуру родного края.

Автор выражает признательность директору департамента образования Республики Калмыкия Л. Н. Мукаевой, директору Республиканского центра развития образования Л. Д. Мамутовой, заведующему Калмыцким филиалом ИНПО МО РФ Н. Н. Убушаеву и др., которые признали актуальной работу "Образование Калмыцкого ханства" и сделали возможным ее издание.

М. Кичиков

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

1. Обзор литературы и источников

Своеобразная, богатая событиями история образования Калмыцкого государства на Волге не нашла должного отражения ни в русской, ни в западноевропейской, ни в азиатской печати. Произошло это, по-видимому, вследствие недостатка в фактических данных в руках исследователей, слабости и несовершенства методов изучения истории калмыцкого народа.

Нет нужды характеризовать всю историческую литературу о калмыках. Уделим внимание главным трудам, вышедшим в свет в XIX и XX столетиях.

В 1833–1834 гг. в Петербурге вышли в свет работы выдающегося русского синолога Н. Я. Бичурина (монах Иакинф)[1]. Первые исследования по истории ойратов и волжских калмыков основывались главным образом на данных китайского географического сочинения, посвященного Синьцзяну, и тех русских документов, которые опубликованы в "Полном собрании законов Российской империи".

Событиям первой половины XVII в., в частности, поселению калмыков в Приуралье и в Поволжье, в работе Н. Я. Бичурина уделено всего около 10 страниц, причем он дал самый пространный рассказ о событиях, известных нам из дореволюционной литературы. Ни один автор не превзошел Бичурина в объеме материала, посвященного этому периоду. В том же 1834 г. в Петербурге вышла книга Н. Нефедьева "Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте", составленная по материалам его путешествия по Калмыкии. И в этом сочинении, несмотря на немалый общий объем, события первой половины XVII в. нашли весьма краткое и

---

[1] Бичурин Н. Я. Историческое обозрение волжских калмыков // Журн. М-ва внутр. дел. СПб., 1833. Июль; Он же. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПБ, 1834.

поверхностное освещение. Не лучше это получилось у В. Броневского, у А. А. Попова, у барона Ф. Бюллера[1] и других авторов, хотя все эти работы в той или иной мере представляют несомненную ценность для науки.

Во второй половине XIX в. вышли в свет сочинения К. И. Костенкова, М. Новолетова, А. М. Позднеева[2] и других исследователей истории калмыков. Однако и в этих произведениях вопросы о движении калмыков к Волге и образовании Калмыцкого государства не нашли всестороннего освещения.

Большинство упомянутых авторов, особенно Н. Я. Бичурин, В. Броневский, А. М. Позднеев и др., приход калмыков в Россию объясняют осуществлением "обдуманного плана хитрых замыслов", т. е. нашествия с целью "восстановления империи Чингисхана". Руководствуясь этой надуманной концепцией, они не видели объективно-исторически обусловленного процесса вхождения калмыков в состав Российского государства. Весь отрезок времени с начала XVII в. до 1655 г. рассматривался ими как период "непослушания" и экспансии калмыков, которые якобы "смирились" и стали русскими подданными лишь после 1655 г.

Анонимная "История калмыцких ханов", появившаяся в 1843 г., является видным калмыцким историческим произведением. Ее автору были известны монгольские, калмыцкие и русские источники. В 1860 г. русский калмыковед Ю. Лыткин в своем предисловии к переводу этого сочинения справедливо заметил: "Настоящий труд замечателен, во-первых, как труд национальный, во-вторых, как заключающий в себе несколько новых данных, не внесенных в труды русских ученых О. Иакинфа, Нефедьева, А. А. Попова и барона Ф. Бюллера, писавших о поволжских ойратах или калмыках"[3]. Сочинение это приобрело ныне значение весьма ценного источника. Оно не подтверждает концепцию о завоевательных намерениях калмыков, но при всех своих достоин-

---

[1] Броневский В. Описание Донской земли, нравов и обычаев ее жителей. Ч. III. СПб, 1834; Попов А. А. Краткие замечания о поволжских калмыках // Журн. М-ва нар. просвещения. 1839. Ч. XXI; Бюллер Ф. Инородцы Астраханской губернии // Отеч. зап. СПб., 1846. Т. 47 (7). Июль.

[2] Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб, 1870; Новолетов М. Калмыки: Ист. очерк. СПб., 1884; Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журн. М-ва нар. просвещения. 1886. Ч. CCXIV. Март; Он же. Калмыки // Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 27.

[3] История калмыцких ханов / Пер. и примеч. Лыткина. Астрахань, 1862. Оригинал см. в сб.: Позднеев А. М. Памятники исторической литературы Астраханских калмыков. СПб., 1885.

ствах это произведение скупо и местами неточно отражает события XVII в. В нем не показывается начальный этап движения калмыков в пределы России (1608–1630 гг.), не освещается история образования Калмыцкого ханства.

Концепция "нашествия" калмыков на Россию, разумеется, не является единственной. В литературе есть более близкое к действительности мнение, которое объясняет движение калмыков на запад, к Волге, "печальной для них необходимостью". Эта точка зрения нашла некоторое выражение в сочинениях XVIII в. у Василия Бакунина, П. И. Рычкова и Н. Нефедьева, в анонимной "Истории калмыцких ханов" и в примечаниях к ней Ю. Лыткина, в китайской хронике 1867 г. "Мэн-гу-ю-му-цзи", в немецком сочинении Ц. Ф. Кеппена[1]. Однако первая концепция была в дореволюционной исторической литературе XIX–XX вв. преобладающей.

Определенная часть авторов исторических сочинений, излагая события, почти не анализировала причины и характер движения калмыков в Россию. Примером тому могут служить труды П. С. Палласа и др.[2]

Изучив архивные материалы Астраханской губернской канцелярии, М. Новолетов в 1884 г. сделал попытку показать более правдивую историю волжских калмыков и их роль в исторических судьбах России. Однако его очерк вызвал гневную реакцию А. М. Позднеева, который в 1886 г. в журнале Министерства народного просвещения опубликовал резко критическую статью "Астраханские калмыки и их отношение к России". А. М. Позднееву не понравилась основная идея очерков Новолетова. "Если судить калмыков по историческому очерку Новолетова, – пишет он, – они являются чуть ли не благодетелями России, а Россия, в свою очередь, всегда так хорошо понимала калмыков, и отношения к ним были так основательны, что не оставляют по себе ничего лучшего. А между тем, весь период, рассмотренный теперь г. Новолетовым (то есть от времени прихода калмыков из Зюнгарии до 20-х годов настоящего столетия), отличается именно тем, что калмыки за все это время не переставали на каждом шагу обманывать и эксплуатировать Россию, а последняя как бы не хотела

---

[1] Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. 1939. № 3/9; Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. I.; Записки о монгольских кочевьях /Пер. с китайского П. С. Попова. СПб., 1895. С. 143; Koeppen C. F. Die lamaische Hierarchie und Kirche. Berlin, 1859.

[2] Pallas P. S. Samlungen historischer Nachrichten uber die Mongolischen Volkerschaften. SPb. – Jeipzig, 1776; Лепехин И. Дневные записки путешествия 1768–1769 гг. СПб., 1795. Ч. I, II.

изучить и понять этого народа с тем, чтобы выработать себе определенную политику для правильных отношений к нему".

Такова точка зрения А. М. Позднеева на характер русско-калмыцких отношений в XVII и XVIII столетиях. В его суждении полностью отсутствует обязательная для исследователя объективность. Мысль Позднеева о том, что калмыки пришли "обманывать и эксплуатировать Россию", не подтверждается, как мы это увидим, ни русскими актовыми материалами, ни восточными хрониками. Субъективным является его мнение о том, что Россия якобы не хотела "изучить и понять" калмыцкий народ с тем, чтобы "выработать себе определенную политику для правильных отношений". Выражение Позднеева относительно того, что М. Новолетов показал калмыков "чуть ли не благодетелями России", можно объяснить лишь его раздражением.

Мало того, А. М. Позднеев резко и решительно выступает против тех исследователей, которые прикочевку калмыков к Волге и их вступление в подданство России объяснили "печальной для них необходимостью". Здесь наш автор, как видим, совершенно не желает принимать во внимание наличие объективно-исторических условий жизни кочевников и считает, что только такие факторы, как "планы", "замыслы", "дух", были главными побудительными силами движения калмыков в Россию. По его мнению, калмыки преднамеренно двигались к Волге "с общего ведома, одобрения и согласия всех ойратских поколений".[1]

История образования Калмыцкого ханства на юго-востоке России не нашла отражения в трудах А. М. Позднеева. В начале XX в. приверженцами концепции "вторжения" калмыков в Россию оказались Н. Львовский, Н. И. Веселовский, архимандрит Гурий (Степанов) и Е. Чонов.[2]

---

[1] "Все наши исследователи истории держались до сих пор того мнения, что народ этот пришел к нам в силу печальной для него необходимости; в начале XVII в. в Чжунгарии последовательно появились энергичные и деятельные князья (Харахула, сын его Батур-Хунтайджи и др.), которые стремились объединить разрозненные чжунгарские поколения под одной властью; не желая утратить самостоятельности и подчиниться этой власти, Хо-Урлюк собрал своих данников и перекочевал с ними в Россию. Мнение это не подтверждается, однако, ни частными заметками новооткрытых монгольских и калмыцких летописей, ни вообще духом кочевых народов" (Позднеев А. М. Астраханские калмыки... С. 58).

[2] Львовский Н. Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса // Учен. зап. Императ. Казанского ун-та. Казань, 1893. Кн. 5–6; Веселовский Н. И. Лекции по истории монголов (Рукопись). СПб., 1909; Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. СПб., 1914; Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Казань, 1915. Т. I. Ч. II.

Н. Львовский пишет о "самовластном вторжении" калмыков в пределы России с целью "образования самостоятельного и независимого государства". Н. И. Веселовский и архимандрит Гурий, ссылаясь на авторитет Иакинфа (Бичурина), видели в движении калмыков на запад осуществление "хорошо задуманного плана для завоевания новых земель и восстановления империи Чингисхана".[1] Е. Чонов "уточнил" эту концепцию домыслом об экспансии в Россию "торгоутовского хана" Хо-Орлюка в целях "восстановления времен Золотой Орды".[2]

Зарубежная литература, сама по себе немногочисленная, также не дает единого представления об истории прихода калмыков в Россию. Вопросы образования Калмыцкого государства в ней совершенно не отражены. Оригинально представление о прикочевке калмыков в Россию шведского востоковеда Свена Хедина. Во время путешествия по Китаю, посетив буддийский храм Потала, он получил от служителей культа сведения о движении торгутов в Россию и обратном их возвращении. В своем сочинении "Жехол – императорское предместье" Свен Хедин посвящает этому вопросу целую главу[3].

Движение торгутов в Россию и их возвращение представлены им как странствование, как естественно-необходимое явление, связанное с кочевым образом жизни калмыков. Он уподобляет миграцию торгутов движению саранчи или перелету ласточек. Примерно такого же мнения придерживались Ц. Ф. Кеппен и другие авторы, признававшие вынужденность ухода торгутов из Джунгарии и принятия ими русского подданства. Возвращение торгутов из России в опустошенную Джунгарию в 1771 г. они объясняют их сильной приверженностью к ламаизму.

К числу сторонников концепции "нашествия" или "экспансии" калмыков в Россию относятся Бергман, Де Квинси и другие[4]. По мнению последнего, торгуты "совершили агрессию в Россию", которая сравнивается этим автором с египетским походом персидского полководца Камбиза или с нашествием Наполеона.

---

[1] Вот что пишет в "Очерках..." архимандрит Гурий: "Историческое прошлое калмыков ясно показывает, что они шли в Россию не с целью мирной жизни возле русских границ, а с целью господства и завоевания русских городов, быть может, в надежде восстановить свое владычество там, где некогда сидели юртом потомки Чингис-хана, его внуки Батый (от сына Джучия) и др." (Ч. II. С. 12).

[2] Чонов Е. Калмыки в русской армии... С. 3.

[3] Swen Hedin. Jehol, die Keiserstadt. Leipzig, 1932.

[4] Bergmann V. Nomadische Streiferein unter den Kalmuken. Riga, 1804–1805; De Quincei. The spanish military nun and revolt of the Tartars. Oxford, 1909.

Таким образом, среди исследователей как России, так и Западной Европы выявляются в основном две точки зрения по вопросу о причинах и характере движения калмыков к Волге: первая объясняет это движение следствием "печальной необходимости", или органической потребностью кочевого образа жизни, другая усматривает в нем осуществление экспансионистских замыслов, или возрождение "чингисовской идеи панмонголизма".

В 20-х и 30-х гг. XX в. в Астрахани появились первые крупные исследования по истории приволжских калмыков Н. Н. Пальмова: "Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России", "Этюды по истории приволжских калмыков" в пяти частях.

Глубокое изучение русско-ойратских и русско-калмыцких отношений по архивным материалам царского правительства предпринял В. Л. Котвич. В 1919 г. в "Известиях Российской Академии Наук" (серия 14, № 12—15) была опубликована его статья "Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII веках". Кроме указанных работ в эти годы появилось немалое число статей и брошюр по истории, экономике и этнографии калмыков. С. К. Богоявленский в 1939 г. в журнале "Исторические записки" № 5 напечатал специальную работу по истории калмыков в первой половине XVII в.

В. Л. Котвич в своей исследовательской деятельности в области истории калмыков не отмечал фактов, которые подтверждали бы идею воскрешения "чингисханского панмонголизма". Иначе поступает Н. Н. Пальмов, который в III части своих "Этюдов...", используя концепцию приверженцев "теории панмонголизма", дает неверную характеристику русско-калмыцким отношениям 1640—1661 гг. "После возвращения Хо-Урлюка с монгольского хурултая 1640 года, — пишет Н. Н. Пальмов, — на Волге развертываются любопытные события. Под влиянием горячих речей на хурултае о необходимости для монголов воскресить славу времен Чингис-хана и не без подстрекательства со стороны донских казаков, недовольных правительством за решение об Азове, Хо-Урлюк строит смелый план овладеть Астраханью — тогдашним ключом для Москвы в Азию. При благоприятном выполнении замысла монголам открывались бы широкие политические горизонты и, во всяком случае, торгоуты стали бы тогда разговаривать с московским правительством уже не языком случайных забродников в приволжские степи, но языком победителей, имевших все шансы к тому, чтобы обеспечить за собой наиболее выгодные условия на привольных степных кочевьях по соседству с русскими. Как известно, нападение торгоутов на Астрахань в 1644 году было отбито — кочевники понесли большой урон и, главное, лишились

своего энергичного предводителя Хо-Урлюка, убитого при осаде города"[1].

Мысли Н. Н. Пальмова о "нападении торгоутов на Астрахань" и о "случайном забродничестве" не подтверждаются актовыми материалами правительства и местных властей России. Так же неверно его утверждение о времени вступления калмыков в русское подданство, которое он относит к 1661 г.

В 1926 г. концепция о преднамеренном и согласованном "наступлении" калмыков на Россию была подвергнута серьезной критике русским путешественником и исследователем Азии Г. Грумм-Гржимайло[2]. Однако и его критическое выступление не опровергло ошибочную концепцию Бичурина, Позднеева, Веселовского, Гурия и др. В дальнейшем она нашла себе место в трудах С. А. Козина, отчасти в материалах С. К. Богоявленского и некоторых других авторов. В своем введении к исследованию калмыцкого эпоса "Джангариада" С. А. Козин представил приход калмыков в пределы России как экспансию: "Достаточно известны соображения Иакинфа Бичурина, – писал он, – а за ним профессоров Н. И. Веселовского и А. М. Позднеева, приписывающих ойратским предводителям идеи политического преемства наследия юаньских императоров, а также политические замыслы и планы восстановления в XVII столетии, может быть еще раньше, уже при Эсене в XV столетии, восстановления Юаньской империи; концепция эта получает неожиданное подкрепление в столь необычном источнике, как наша эпопея"[3]. Во введении к "Сокровенному сказанию" ("Юань-чао-би-ши") С. А. Козин конкретизирует упомянутую концепцию: "Желая обеспечить себе глубокий тыл, Батур Хунтайджи двинул сильное ойратское племя торгоутов во главе с ханом Хо-Урлюком через казахские степи в пределы Приуралья и Поволжья"[4].

Работа С. К. Богоявленского "Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века" является шагом вперед в деле выяснения подлинной истории движения калмыков в пределы России. На основе данных, почерпнутых из многочисленных архивных документов, автор осветил малоизвестный процесс движе-

---

[1] Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII вв. Ч. 1–4, 5. Астрахань, 1926–1932. Ч. 3. С. 1–5.

Хо-Орлюк был убит в Кабарде *(примеч. авт.)*.

[2] Грумм-Гржимайло Г. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 570–590.

[3] Козин С. А. Джангариада. М.-Л., 1940. С. 79.

[4] Сокровенное сказание / Введ., примеч. и пер. С. А. Козина. М-Л., 1941. С. 60.

ния калмыцких феодальных групп на запад, сообщил много новых фактов и опроверг ошибочное утверждение своих предшественников о гибели Хо-Орлюка под стенами осажденной им Астрахани.[1] Отмечая важные достоинства работы С. К. Богоявленского, необходимо указать и его ошибки.

Во-первых, есть основания думать, что автор статьи склонялся к сторонникам концепции "нашествия" калмыков на Россию, которые, как писал А. М. Позднеев, двигались "с общего ведома и согласия чжунгарских князей последовательно, медленно и самоуверенно". Так, С. К. Богоявленский всячески преувеличивает военную мощь калмыков и изображает торгутского Шукур Дайчина завоевателем Приволжской степи. Он пишет, что Московское правительство было охвачено страхом "перед нашествием многочисленных калмыков", выделяет "контраст" между" мощью калмыков и слабостью русских"; необоснованно подчеркивает, что "...бой на Узени не мог не понизить престижа русской власти и поднять славу калмыцкого оружия". Там же Богоявленский заключает, что "Дайчин, который и раньше невысоко оценивал силу астраханского гарнизона, теперь считает себя хозяином приволжских степей".[2]

Во-вторых, С. К. Богоявленский чрезмерно преувеличивает значение "союзов калмыцких племен", самое существование которых не подтверждается источниками. В эпоху феодализма подобные союзы, если они и существовали, имели весьма относительное значение. В XVII в. группировки калмыцких феодалов, или так называемые "союзы", не отличались ни прочностью, ни длительностью своего существования. Хорошо показав возникновение и деятельность группировки калмыцких тайш под предводительством дербетского князя Далая Батыра, С. К. Богоявленский не заметил ее распада. Стремление к непременному сохранению "союза всех калмыцких племен" привело автора к необоснованному выводу: "в числе союзных тайш находим дербета Далая, торгута Дайчина, зюнгара Сенгула и хошута Куйши, нападения которого боялся Чокур". Документы царского правительства не дают оснований считать Дайчина союзником Далая, тем более нет оснований считать таковым зюнгара Сенгула.[3]

---

[1] Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Ист. зап. М., 1939. № 5. С. 81, 82.

[2] Там же. С. 52, 68, 69.

[3] В "записи приема в Посольском приказе калмыцких послов Балта и Баучина" от 16 апреля 1630 г. упоминается имя "Сюоргул тайша" (см.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. М., 1959. Д. № 76). С. К. Богоявленский, вероятно, принял это за искажение имени Сенгул. Однако искажения здесь нет. Сюоргулом здесь назван сват Далая-тайши – Гушей (см. показания Д. Давлетова и Ф. Кондратьева, д. № 77).

В-третьих, серьезным недостатком труда С. К. Богоявленского является непонимание подлинных причин междоусобной борьбы калмыцких тайшей. Автор считает, что борьба Далая и Куйши против Чокура и его сторонников возникла вследствие нарушения "основного правила калмыцкой политики – не ссориться с русскими и подчиненными им народами". Другим вариантом неудачного объяснения причин распрей является определение: союзные тайши преследовали тех своих собратьев, которые отказывались принимать участие в "общих предприятиях, направленных к обеспечению безопасности калмыков от покушений их соседей". В этом вопросе С. К. Богоявленский упускает из виду наличие таких факторов, как межфеодальные противоречия и экономические потребности феодального общества.

Празднование трехсотпятидесятилетнего юбилея принятия калмыцким народом подданства России в 1959 г. возродило интерес к его истории, в частности, к выяснению действительных причин прихода калмыков в Приуралье и в Поволжье. В связи с этим советские историки Т. И. Беликов, Б. О. Джимбинов, П. С. Преображенская, И. Я. Златкин[1] произвели более или менее удачные попытки раскрыть действительные причины добровольного вступления калмыков в русское подданство.

Но наряду с этим обнаруживается, что снова ожил и дух концепции "экспансии" калмыков в Россию. Например, в брошюрах П. С. Сысоева и И. П. Панькова[2] находим повторение тезиса о "завоевании заволжских степей" калмыками.

В конце 1963 г. появилось солидное исследование П. С. Преображенской "Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства".[3] Автор поставила перед собой задачу всесторонне показать историческую обстановку, объективные и субъективные предпосылки вхождения калмыков в состав Русского государства, а также осветить политику царского правительства по отношению к калмыкам. В основе исследования лежали русские архивные материалы из фондов ЦГАДА и фонда Астраханской приказной палаты из

---

[1] Славное 350-летие // Сов. Калмыкия. 1959. 19 мая; Беликов Т. И. Предисловие // Участие калмыков в войнах России. Элиста, 1960; Джимбинов Б. О. 350 лет вместе с Россией // Зап. Калм. НИИЯЛИ. Вып. I. Элиста, 1960; Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60 годах XVII столетия // Там же; Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.

[2] Сысоев П. С. Из истории соляной промышленности Астраханской губернии. Астрахань, 1958; Паньков И. П. Из истории ставропольских туркмен и калмыков в XVII–XVIII веках. Чарджоу, 1960.

[3] См.: Преображенская П. С. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1963.

архива ЛОИИ. П. С. Преображенская привлекла и использовала огромный документальный материал, значительная часть которого до нее не была введена в научный оборот. Автору удалось дать хорошее историографическое обоснование своему исследованию и осветить историю русско-калмыцких отношений за первую половину XVII в. значительно полнее своих предшественников.

Отмечая несомненные достоинства исследования П. С. Преображенской, нельзя не обратить внимание на недостатки. В работе зачастую обнаруживается некритическое использование документов царской администрации, вследствие чего в тексте довольно часто, в ущерб главной мысли, не в меру подробно излагаются второстепенные факты; в исследовании вовсе не затрагивается вопрос об образовании Калмыцкого ханства — этой своеобразной политической формы организации калмыков в России.

По существу вопроса об образовании Калмыцкого государства на юго-востоке России следует отметить, что подход к его решению исследователями определялся в зависимости от объяснения причины прихода калмыков на Волгу. Те авторы, которые затрагивали этот вопрос, подходили к нему с позиции "экспансии" калмыков в Россию. Например, по мнению К. Костенкова и Е. Чонова, ханство калмыков возникло в результате осуществления "честолюбивой мечты хана Хо-Орлюка", который будто бы желал "восстановить времена Золотой Орды и на развалинах Батыева царства создать еще более могущественное ханство".[1] В советское время С. А. Козин также встал на путь неверного отражения вопроса об образовании Калмыцкого государства. Он считал, что "Приволжский каганат калмыков до середины XVIII столетия составлял лишь западную окраину Джунгарского четырехцарствия..."[2]

Таковы мнения К. Костенкова, Е. Чонова и С. А. Козина по вопросу об образовании Калмыцкого государства в пределах Приуралья и Поволжья. Профессор Казанского университета Н. Львовский, в свою очередь, сформулировал ничем не аргументированную мысль об "образовании самостоятельного и независимого государства" калмыков при Дайчине, который был возведен" в достоинство хана и наместника калмыцкого народа".[3] Существует также версия, что Калмыцкое государство образовалось во времена правления Аюки. Мы видим, таким образом, что подавляющее боль-

---

[1] Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках... С. 4; Чонов Е. Калмыки в русской армии... С. 3.

[2] Козин С. А. Джангариада. С. 60.

[3] Львовский Н. Происхождение и история калмыков Большедербетовского улуса... С. 80.

шинство дореволюционных исследователей и некоторые советские авторы утверждали, что Калмыцкое ханство возникло на берегах Волги в результате экспансии ойратов под предводительством Хо-Орлюка и Дайчина.

Несколько крупных исследований по истории калмыцкого народа принадлежит советскому ученому Н. Н. Пальмову. Однако и ему не были известны все архивные документы правительственных органов России за первую половину XVII в., хранящиеся в Москве и Санкт-Петербурге. Поэтому в его сочинениях не отражен вопрос об образовании Калмыцкого ханства в составе России, хотя высказывается предположение о создании централизованного управления у калмыков уже во времена Дайчина.[1]

Итак, выясняется, что причинно-следственные связи и время образования Калмыцкого ханства на юго-востоке России окончательно и точно в науке еще не определены.

Замечательным пособием для изучения источников о калмыках служит уже упоминавшаяся статья В. Л. Котвича "Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.". В ней даны также краткие описания калмыцких, тюркских и китайских источников, но особо подчеркивается ценность и значение русских архивных документов. Автор отмечает, что сведения восточных хроник имеют менее существенное значение по сравнению с тем, что дают государственные архивы России.

Архивные документы содержат богатейший материал, который позволяет восстановить историческую картину движения калмыков на запад и образования ханства в составе России чуть ли не до мельчайших подробностей. Особенностью русских источников является то, что почти на весь изучаемый период мы имеем подлинные документы различных государственных учреждений России. Царская администрация пристально следила за действиями кочевников и активно развивала с ними различного рода отношения. Официальное же делопроизводство сосредоточивалось как в Москве, так и на местах. Часть калмыков при своем движении из Джунгарии на север и на запад приходила в непосредственное соприкосновение с различными административными органами Сибири, а затем юго-востока России, и это, при широком развитии канцелярского делопроизводства в русских местных и центральных учреждениях XVIII в., порождало обширную переписку воеводских управлений как между собою, так и с Москвой, а также с правителями различных калмыцких улусов.

---

[1] Пальмов Н. Н. Очерки... С. 1, 18.

Следует указать, что архивные документы до Октябрьской революции слабо использовались в исследовательской работе. За все дореволюционное время было опубликовано сравнительно небольшое количество документов по сношениям русской администрации с калмыками. В XIX в., например, в "Полном собрании законов Российской империи" стали появляться некоторые шертные записи и договоры правительства России с калмыцкими тайшами, несколько документов появилось дополнительно в сборниках "Акты исторические"[1], "Сборник князя Хилкова"[2] и других изданиях. То немногое, что было опубликовано, нашло свое отражение в трудах Н. Я. Бичурина, Ф. Бюллера и других авторов, но не могло раскрыть полную картину движения калмыков к Волге и дать подлинную историю русско-калмыцких отношений.

Насколько неполны были знания о калмыках в конце XIX в., свидетельствует статья Н. И. Веселовского "Передовые калмыки на путях к Волге".[3] Автор этой статьи стал в тупик, когда в его руках оказался документ, в котором указывался исторический факт — шертование послов калмыцких тайшей в 1608 г. в Москве на подданство и служение России. Понять и объяснить этот факт он оказался не в состоянии.

Запас фактических сведений по истории калмыков XVII в. пополнялся крайне медленно. Даже те новые материалы, которые использовал С. М. Соловьев в своей капитальной "Истории России", остались незамеченными в последующей специальной литературе.

После Октября 1917 г. глубокое изучение архивных материалов, как мы уже говорили, начал В. Л. Котвич. Однако содержание этих материалов за первую половину XVII в. стало широко известно миру только в 1939 г. благодаря С. К. Богоявленскому, который создал свод сведений по истории калмыков за этот, самый ранний и наименее освещенный, период их пребывания в русских пределах.

После 1954 г. в СССР появилось несколько ценных публикаций архивных документов, посвященных крестьянской войне под предводительством Степана Разина[4], русско-кабардинским отношениям в XVI—XVIII вв.[5], в которых можно найти новые и важные сведения о калмыках. Особую ценность представляют "Материалы

---

1 Акты исторические. Т. 3. СПб., 1841; Т. 4. СПб., 1842.

2 Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

3 Зап. вост. отд. рус. арх. о-ва. 1889. Т. 3. Вып. IV.

4 Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. I и II. М., 1954, 1957.

5 Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. Т. I. М., 1958.

по истории русско-монгольских отношений 1607–1636 годов" (М., 1959), подготовленные Л. М. Гатауллиной, М. И. Гольманом и Г. И. Слесарчук под редакцией докторов исторических наук И. Я. Златкина и Н. В. Устюгова.

Последний сборник содержит ряд исключительно важных документов, которые в значительной мере раскрывают картину движения калмыков на запад вплоть до Эмбы и Яика (Урала). Однако сведения указанных сборников все еще далеко не полностью раскрывают процесс образования Калмыцкого государства в составе России. Только непосредственное изучение материалов делопроизводства различных правительственных учреждений России по сношениям с калмыками дает подробные сведения по рассматриваемому вопросу.

В фондах Посольского и Сибирского приказов, в частности, в Монгольских, Зюнгарских, особенно Калмыцких и Ногайских, Кабардинских и других делах встречаются в большом количестве документы о калмыках, которые можно классифицировать следующим образом:

отчеты и донесения ("отписки") царских воевод различных городов Сибири, Приуралья и Поволжья;

отпуски грамот Посольского приказа и Приказа Казанского дворца;

отчеты и доклады ("статейные списки") русских послов, служилых людей, ездивших к калмыкам;

различные показания пленных, беженцев и торговых людей;

записи приема калмыцких послов в различных русских городах и в Москве;

договоры и шертные записи, а также грамоты царей;

переписка калмыцких тайшей и ногайских мурз с правительственными учреждениями России.

Во всех документах, особенно в Калмыцких и Ногайских делах, обнаруживаются сведения о событиях внутреннего и внешнего значения, вплоть до генеалогических таблиц калмыцких тайшей, а также некоторые данные об экономической, общественно-политической и культурной жизни калмыков.

Значение русских архивных документов для изучения истории калмыцкого народа трудно переоценить. Однако они, как и любой другой источник, требуют критического осмысления и самой тщательной проверки, так как на них запечатлены неизбежные следы субъективизма и политической конъюнктуры.

Уделяя серьезное внимание изучению русских документов, нельзя забывать и источники восточного происхождения. Данные восточных источников подтверждают, в какой-то мере дополняют и уточняют сведения русских архивов; использование тех и других придает исследованию больше достоверности и полноты.

У самих калмыков мало сохранилось сведений по истории XVII в., хотя устные предания и письменная литература у них существовали в довольно развитом виде. Много письменных памятников погибло во время междоусобных войн, а также в столкновениях с казахскими, ногайскими, башкирскими и другими феодалами. Большой ущерб письменным памятникам калмыков был нанесен во время так называемого "бегства" волжских калмыков в пределы опустошенной Джунгарии. Уцелевшие калмыцкие источники были, по-видимому, использованы в сочинениях калмыцкого автора Габан Шараба и Батура-Убуши Тюменя. Население знало свою историю только из уст сказителей. На основе сказаний "знающих людей" из калмыков русский исследователь второй половины XVIII столетия П. И. Рычков в 1762 г. впервые опубликовал краткие исторические сведения о калмыцком народе. В 1776 г. П. С. Паллас опубликовал более подробные исторические сведения о волжских калмыках. Он широко использовал калмыцкие источники: "Великое Уложение" 1640 г., "Сказание об ойратах" Габан Шараба, исторические записки о калмыках, составленные тремя калмыками-демчеями (старшинами), заседавшими в калмыцкой экспедиции при Астраханском губернском правлении. Много важных сведений сообщили Палласу старики.

П. С. Паллас пришел к выводу, что последний калмыцкий хан – наместник Убаши – и окружавшее его высшее духовенство, во время ухода с большей частью своих подвластных в Джунгарию, увезли с собой летопись "Choudschin taka" (вероятно, "Хуучин теуке" – "Древняя история"), которая, как полагает Паллас, погибла в пути.

Некоторое представление о характере исторических источников калмыцкого происхождения можно получить по таким дошедшим до нас памятникам:

а) "Повествование об истории монгольского Убаши-хунтайджи (и его войны с ойратами)"[1].

Эта хроника анонимная. Она рассказывает о противоречиях между монгольскими и ойратскими феодалами конца XVI в., решаемых силой оружия, о существовании различных ойратских феодальных группировок, характеризует их князей и ханов.

б) "Великое Уложение", или Монголо-ойратские законы 1640 г. В тексте, представленном К. Ф. Голстунским,[2] и в копии "Уложе-

---

[1] История Убаши Хунтайджи и его войны с ойратами / Калм. текст и пер. Галсан Гомбоева // Тр. Вост. отд-ния Императ. Арх. о-ва, IV. СПб., 1858.

[2] Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

ния", хранящейся в Калмыцких делах Российского государственного архива древних актов (РГАДА),[1] указывается, что эти "законы" были написаны по инициативе ханов и нойонов "сорока и четырех", т. е. монголов и ойратов.

Калмыцкое "Великое Уложение", как уникальный юридический памятник, характеризует определенный уровень общественных отношений калмыков, жизнь и быт калмыцкого общества.

в) Биография известного буддийского проповедника и общественного деятеля Зая-Пандиты (1599–1662 гг.) содержит краткое изложение истории распространения ламаизма среди калмыков и ряд других важных исторических сведений. Биография не содержит прямых сообщений о причинах и целях перекочевки калмыков в пределы России.

По сообщению профессора В. Л. Котвича, один анонимный экземпляр "Биографии Зая Пандиты" хранится в библиотеке ЛГУ, другой, поступивший из Кобдоского округа Монголии, находится в Азиатском музее. В 1959 г. в Улан-Баторе опубликован монгольский вариант "Биографии", в котором указано имя автора сочинения – Ратнабхадра.[2]

г) "Сказание об ойратах", которое было составлено Габан Шарабом, является хроникальным произведением первой половины XVIII столетия.[3]

В хронике имеются сведения, позволяющие судить о причинах откочевки торгутов из Джунгарии и о времени прихода их на Волгу. Сочинение Габан Шараба не дает повода считать прикочевку торгутов к Волге результатом экспансионистских замыслов калмыцких тайшей.

д) В 1819–1820 гг. хошутский нойон Батур-Убуши Тюмень написал свое "Сказание о Дербен Ойратах".[4] Он использовал сочинение Габан Шараба и другие источники, дополнил их историческими и генеалогическими сведениями о хойтских и хошутских

---

[1] РГАДА, ф. 119, оп. 1, Калмыцкие дела, 1640 (далее: Калмыцкие дела с указанием года, но без указания номера фонда и места хранения).

[2] Ratnabhadra. Rabjamba Cay-a, bandida-yin tugui saran-u gerel kemeku ene metu bolai. Ulanbator, 1959.

[3] "Сказание" опубликовано на калмыцком языке в сборниках "Памятники исторической литературы Астраханских калмыков" (СПб., 1885 г. и 1909 г.), подготовленных проф. А. М. Позднеевым. В фонде библиотеки СПбГУ находится перевод (№ 320/500), по-видимому, сделанный Бакуниным.

[4] "Сказание о Дербен Ойратах" опубликовано в сборнике "Памятники исторической литературы Астраханских калмыков" (СПб., 1885) и в последующих изданиях. Перевел его на русский язык и впервые опубликовал в "Астраханских губернских ведомостях" Ю. Лыткин (1859. №№ 43, 47–50; 1860. № 11).

князьях. Приход калмыков на Волгу Батур-Убуши Тюмень расценивает как необходимость. Он считает, что Хо-Орлюк увел своих подвластных от распрей и поселился на пустующих землях Приуралья и Поволжья.

е) Анонимная "История калмыцких ханов" нам уже известна. Это не только национальное историческое произведение, но и ценнейший источник по истории волжских калмыков.[1]

Следует указать, что калмыцкие хроники не содержат достаточных сведений, связанных с историей становления Калмыцкого государства в составе России.

Монгольские летописи "Эрденийн эрихе"[2], "Эрденийн тобчи" Саган Сецена,[3] анонимная "Шара туджи"[4] и другие хроники дают чрезвычайно краткие сведения об ойратах и ничего не сообщают о калмыках, вступивших в русское подданство.

Тюркские источники рассказывают о волжских калмыках еще меньше, нежели монгольские летописи. К примеру, ургенчский хан Абул-Газы, написавший сочинение "Родословное древо тюрков" (1665 г.), провел целый год у торгутов (1642–1643 гг.) и оставил о них очень скудные сведения.[5] Как монгольские, так и тюркские источники ничего не говорят и о причинах и характере движения калмыков в западном направлении.

Китайские источники, известные нам по переводам, содержат богатые сведения по истории ойратов, значительно меньше данных об ушедших в Россию. Некоторые китайские исторические произведения поддерживают концепцию об экспансионистском характере движения калмыков на Волгу. Другие, напротив, отстаивают мысль о том, что уход калмыков к Волге и их вступление в русское подданство являлись своеобразной эмиграцией. Например, Циший, писавший очерк о переходе торгутов в Россию, отмечает, что они не могли противостоять "великой силе зюнгаров", которые "угнетали" их и "хотели поработить". По этой причине торгуты оставили пределы Джунгарии и удалились в Россию, "присоеди-

---

[1] "История калмыцких ханов" опубликована в сборнике "Памятники исторической литературы Астраханских калмыков", переведена на русский язык (не полностью) Ю. Лыткиным.

[2] См. подлинный текст с переводом и приложениями, подготовленный проф. А. М. Позднеевым. СПб., 1883.

[3] Erdeni-yin Tobci. Mongolian Chronicle by Sagan Secen. Part I–IV. Massachusetts, 1956.

[4] Монгольская летопись XVII в. / Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.-Л., 1957.

[5] Абул-Газы-Бохадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. Казань, 1854.

нившись к числу подданных". Бегство калмыцкого хана Убуши с большей частью подданных Ци-ший расценивает как "безрассудный побег из России в Зюнгарию".[1] Китайское энциклопедическое произведение "Мэн-гу-ю-му-цзи" (Записки о монгольских кочевьях), вышедшее в свет в 1867 г., подтверждает мнение Ци-шия: "...когда джунгарский старшина Батур Хунтайцзи, отец знаменитого впоследствии Галдана, кочевавшего у Алтая, опираясь на свою силу, стал обижать остальных ойратов, тогда Хо-Орлюк, возмущенный, эмигрировал со своим родом в Россию и поселился на реке Волге (Эцзил)". Далее в "Мэн-гу-ю-му-цзи" сообщается, что торгуты стали подданными русского царя. Описания истории движения калмыков в западном направлении и образования Калмыцкого ханства в составе России в китайских источниках не встречается.

Ценное пособие для изучения истории калмыков составил Ю. Лыткин. В своих "Материалах для истории ойратов" он сконцентрировал различные сведения XVII и XVIII вв., почерпнутые в сочинениях Габан Шараба, Саган Сецена, Фишера и Миллера, Батур-Убуши Тюменя и Бичурина, равно в сооощениях Бембе-Габан Цойчжиева, Цецен-Норбо и Цецен-Чжаба Тюменевых, а также в "Истории Монгольских и Туркменских Ванов и Гунов", в которой сказано, что торгуты ушли из Джунгарии в Россию от распрей.[2] Таким образом, "Материалы" Ю. Лыткина не содержат сведений о нелояльном отношении калмыков к России, в то же время в них нет сведений по истории образования Калмыцкого ханства.

Представляют известный интерес материалы по истории калмыков из коллекции библиотеки Саратовской духовной семинарии. Эти материалы были собраны Яковом Вечеровым и опубликованы в Казани в 1910 г. А. С. Лебедевым.[3] Автором многих материалов оказался протоиерей Успенского собора в Царицыне П. Лугарев, который долгое время прожил среди калмыков в качестве миссионера. Сообщения П. Лугарева не подтверждают точку зрения приверженцев теории "панмонголизма" и констатируют факт существования Калмыцкого ханства в составе России.

---

[1] Сочинение китайского князя Ци-шия "О переходе торгутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию" / Пер. С. Липовцева // Сибир. вестн. Ч. 12. 1820. IV. С. 169.

[2] Ю. Лыткин пользовался "Историей Монгольских и Туркменских Ванов и Гунов", принадлежавшей проф. А. Попову. Книга была издана в Китае на монгольском языке.

[3] Материал для истории калмыков // Изв. о-ва арх. истории и этнографии при Императ. Казан. ун-те. Т. 26. Вып. 1–2. 1910.

Народная память донесла до нас эпическое народное произведение "Джангар", которое также может быть использовано в качестве источника по социальным вопросам.[1]

Ценные материалы по истории калмыков, ныне известные в России, в 1919 г. были опубликованы в Лондоне англичанином Дж. Ф. Бэддли ("Russia, Mongolia, China").

Подытоживая обзор опубликованных исторических источников, нельзя не отметить, во-первых, что преобладающая масса документальных и хроникальных источников не подтверждает концепцию приверженцев "теории панмонголизма", т. е. теории "нашествия" калмыков на Россию в целях восстановления Юаньской империи, во-вторых, все они не содержат достаточного количества сведений по вопросу образования Калмыцкого ханства в составе России; в-третьих, внимательное изучение Калмыцких и других дел Российского государственного архива древних актов, а также других хранилищ дает необходимый материал по интересующей нас проблеме.

В современный период по данной теме в области историографии появились работы, вызвавшие значительный интерес. В 1963 г. в Москве в Институте востоковедения АН СССР защищена диссертация "Образование Калмыцкого ханства в составе России"[2]. Она была опубликована в 1966 г. малым тиражом (800 экз.) под названием "Исторические корни дружбы калмыцкого и русского народов. Образование Калмыцкого государства в составе России".

Надо сказать, что эта работа быстро стала библиографической редкостью. Она была известна только некоторым специалистам. Например, этнограф У. Э. Эрдниев в книге "Калмыки", ссылаясь на эту работу, говорит как об историческом факте, что в составе России в силу определенных причин образовалось Калмыцкое ханство, и повторяет эту мысль в своих последующих изданиях.

В 1968 г. вышло пособие для изучающих историю родного края "Калмыкия в истории СССР". В ней также в доказательном плане подается мысль, что в составе России образовалась национальная государственность типа феодальной автономии.

Американский историк-любитель Кольдонга Содном в брошюре "Контуры ойратской истории" пишет: "Трудно различить, являются ли Ойратское калмыцкое ханство и Джунгарское калмыцкое

---

[1] См.: Козин С. А. Джангариада. М.-Л., 1940.

[2] Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства в составе России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963.

ханство одним ханством или двумя разными. Они относятся к одному периоду ойратской истории"[1].

К. Содном живет далеко от России, в условиях "холодной войны" наши научные работы до США не доходили. Автор использовал сочинения Плано Карпини, китайские источники, монгольские хроники и калмыцкие сочинения Габан Шараба, Батур-Убуши Тюменя. Вопрос К. Соднома для нас понятен. Ему не были известны документы архива древних актов России.

В 1993 г. в Элисте вышла книга М. М. Батмаева "Калмыки в XVII–XVIII веках", в которой автор приводит мнение П. С. Преображенской, что Калмыцкое ханство образовалось в составе России при Аюке-тайше в начале XVIII в.[2] Четких доказательств, подтверждающих ее слова, он не дает. Читатель вправе сделать свои выводы о времени образования Калмыцкого ханства.

Откуда "есть пошла" калмыцкая земля, необходимо знать каждому калмыку.

2. О некоторых вопросах историографии общественных отношений у калмыков

Все исследователи истории калмыков в той или иной мере затрагивали проблему их общественных отношений. Заслуживают внимания описания П. С. Палласа, Н. Я. Бичурина (указ. соч.), Н. Нефедьева (указ. соч.), Ф. Бюллера (указ. соч.) и других авторов. В 1912 г. в журнале "Труды Саратовской ученой археологической комиссии" (вып. 29) появилась специальная статья С. Фарфаровского "Социальный состав калмыков", которая затронула область общественного устройства калмыков XVII и XVIII вв. Но и эта статья не дала ничего нового по существу вопроса.

Сильно выраженные родовые пережитки затрудняли выявление действительного общественно-политического устройства калмыков. На этой основе возникло немало путаницы. Такие группировки калмыков, как торгуты, дербеты, хошуты и др., зачастую квалифицируются "племенами", иногда "родами". Калмыцкий термин "аймак" в русской документации XIX–XX вв., как правило, обозначался словом "род".[3]

---

[1] Кольдонга Содном. Контуры ойратской истории. Нью-Брунсвик, Нью-Джерси. США. 1990. 8 янв. С. 1.

[2] Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993. С. 97.

[3] Напр., именные списки Первого и Второго калмыцких полков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. (Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь, 1912).

Прав был Н. Я. Бичурин, когда в своем "Историческом обозрении ойратов или калмыков" пояснял: "...у кочевых народов под Поколением (торгут, хошут и т. д. – *К. М.*) разумеется Владетельный княжеский дом и княжеский удел. Родом называется боковая линия родственников владетельного князя и часть удела, отделенная для содержания оной".[1]

Однако это пояснение Н. Я. Бичурина не было учтено некоторыми авторами 20-х годов нашего столетия. Например, Раскольников и Архинчеев в предисловии к книге Амур-Санана "Мудрешкин сын" (Л., 1925), И. Глухов в брошюре "От патриархальщины к социализму" (Астрахань, 1926) были склонны отрицать существование феодализма в Калмыкии, признавая только патриархально-родовые отношения. Чтобы восстановить более или менее правильное представление об общественных отношениях калмыков, потребовалась статья Г. З. Минкина "О феодализме в Калмыкии"[2], которая отмечала, что к моменту своего прихода в Россию калмыки уже имели развитые формы феодальных отношений. Особое значение приобрело известное сочинение Б. Я. Владимирцова "Общественный строй монголов" (Л., 1934), давшее основополагающие, хорошо аргументированные определения различных сторон их общественных отношений.

Наличные конкретно-исторические материалы не оставляют никаких сомнений в том, что калмыки еще до своего прихода в Приуралье и в Поволжье имели развитые формы феодальных отношений. Труд академика Б. Я. Владимирцова внес ясность в проблему общественного строя монголов и решил спор о стадиях общественного развития калмыков. Из сказанного не следует, что исследование Б. Я. Владимирцова исчерпало все вопросы, связанные с эволюцией социальных отношений у этих народов. Время установления феодальных отношений у ойратов и сейчас не вполне выяснено. Академик Б. Я. Владимирцов полагал, что ойраты по своему социальному развитию стояли ниже монголов, что из народа "лесного", "полуохотничьего", "полукочевого" они превратились в "настоящих номадов" лишь в конце XIV и в начале XV вв.[3] Но убедительных доказательств в пользу этого утверждения он не привел.

С мнением Б. Я. Владимирцова не согласился С. А. Козин. Последний, на основе анализа сочинений Рашид-ад-дина, пришел

---

[1] Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков... С. 3, 4.

[2] Минкин Г. З. О феодализме в Калмыкии // Изв. Саратов. Нижне-Волж. ин-та краеведения им. М. Горького. Т. V. Ист. секция. Саратов, 1932. № 1.

[3] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. С. 149.

к убеждению, что ойраты стали номадами гораздо раньше XV столетия. Вот его аргументы:

"... 1) особые отношения сюзеренитета, связывавшие воедино ойратский союз с империей Чингис-хана;

2) несомненное, по крайней мере, уже для эпохи Чингис-хана, укрепление ойратов на важнейших исторических путях, связывавших Прикаспийские степи с Дальним Востоком;

3) переход общегосударственной власти, уже вскоре после падения Юаньской династии в Китае, из рук преемников Чингис-хана, восточных ханов – тайджиев, в руки ойратских предводителей уже при Махмуде Чоросском (1425 г.), а может быть, и несколько раньше того, и

4) засвидетельствование у Рашид-ад-дина моментов высокого положения ойратских беков – нойонов при дворе персидских ильханов и родство последних с ойратскими ханскими домами".[1]

Вышеуказанное мнение Б. Я. Владимирцова "об ойратском выходе из лесов к началу XV столетия", по-видимому, возникло в связи с термином Рашид-ад-дина "лесные народы", который, как известно, распространялся и на ойратов. Исходя из этого бурятский ученый Д. Банзаров решил, что слово "ойрат" произошло от монгольских слов ОЙ (лес) и АРАТ (народ). Эта этимология Д. Банзарова признана Рамстедтом ненадежной.[2] Б. Я. Владимирцов, по-видимому, учел мнение Д. Банзарова и пришел к упомянутому необоснованному утверждению, которое не только не подтверждается монгольскими, калмыцкими, китайскими хрониками, но и в какой-то мере опровергается ими.

Доводы С. А. Козина и сведения из азиатских хроник дают основание думать, что ойраты имели общие с монголами социальные условия и корни общественного развития, поэтому есть основание считать, что существенных различий в их социальном положении не было ни в XIII, ни в XV, ни в XVII вв.

Некоторые дополнительные данные, подтверждающие и подкрепляющие наше представление о социальном строе предков нынешних калмыков, содержатся в произведении Н. К. Кузьмина "К вопросу о турецко-монгольском феодализме" (М. – Иркутск, 1934) и в статье С. К. Богоявленского "Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в". У последнего общественные отношения калмыков представляются тождественными отноше-

---

[1] Козин С. А. Введение //Джангариада. С. 24, 25.

[2] Рамстедт. Этимология имени ойрат // Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва по отд. этнографии. 1909. № XXXIV.

ниям в русских княжествах в период феодальной раздробленности России в XI–XIII вв.

Вопрос об общественных отношениях у калмыков поднят в 1961 и 1963 гг. Б. О. Джимбиновым[1] и особенно П. С. Преображенской.[2] Более или менее исчерпывающее решение этого вопроса находим в трудах доктора исторических наук И. Я. Златкина.[3] В работах И. Я. Златкина основательно раскрываются существенные стороны феодального строя монголов, равно как и калмыков, приводятся очень важные выводы: во-первых, социально-экономические процессы как у восточных, так и у западных монголов (ойратов), по его мнению, развивались в основном одинаково; во-вторых, калмыцкие группировки (торгуты, дербеты, хойты и др.) – крупные феодальные объединения, владеющие определенными кочевьями; в-третьих, многие исследователи ошибочно отождествляли феодальные фамилии, дома или династии (омоки) калмыцких нойонов и тайшей с родовыми общинами, феодальную структуру калмыцкого общества – с родоплеменной структурой.

В статье П. С. Преображенской на основе анализа русских и калмыцких источников показаны на целом ряде фактов общественно-политическое состояние и классовая структура калмыцкого общества XVII в. Что касается попытки автора обосновать тезис о "повышенной военной активности" калмыков, следует заметить, что здесь его аргументация весьма не убедительна.[4] Общественно-политическая форма организации калмыков в России в статье не отражена.

Такова историография некоторых вопросов общественных отношений калмыков, имеющих существенное значение в раскрытии исторического процесса образования и развития Калмыцкого государства в составе России.

Выводы

Обзор исторической литературы, русской и, отчасти, зарубежной, имеющей прямое или косвеное отношение к истории образования Калмыцкого государства, обнаруживает неизученность

---

[1] Джимбинов Б. О. От феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1961.

[2] Преображенская П. С. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков // История СССР. 1963. № 5.

[3] Златкин И. Я. Некоторые вопросы общественного строя Монголии в XV–XVII вв. // Народы Азии и Африки. 1961. № 6; Он же: История Джунгарского ханства.

[4] Преображенская П. С. Указ. соч. С. 97.

интересующей нас темы. Никто еще конкретно не анализировал условий и времени образования Калмыцкого государства в составе России. До недавних лет господствовало мнение, что государство приволжских калмыков, как указывалось, представляло собой либо попытку реставрации "Батыева царства", либо "западную окраину джунгарского четырех-царствия", либо представлялось как результат "панмонголизма", "политических замыслов и планов восстановления Юаньской империи".

Богатейшие фонды русских архивов содержат огромное количество сведений, которые в сочетании с данными восточных хроник создают достаточную базу для установления подлинной картины калмыцкой истории XVII в. Однако не все материалы русских архивов о калмыках известны миру. Только непосредственное критическое изучение неопубликованных еще документов XVII в. из фондов Монгольских, Джунгарских, особенно Калмыцких и Ногайских дел РГАДА, а также из некоторых фондов РГВИА, наряду с использованием уже опубликованных, дает возможность осветить подлинную историю образования Калмыцкого ханства в составе России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Прослеживая направление движения отдельных кочевых групп вначале на северо-запад по Иртышу, "под сибирские города" Российского государства, затем на запад, в пределы Ишима и Тобола, и далее, в Приуралье и в Поволжье, мы не обнаруживаем здесь признаков преднамеренной экспансии. Материалы Сибирского, Посольского приказов и приказа Казанского дворца дают достаточное количество данных, объясняющих исторически обусловленный, в известной мере вынужденный характер движения той части ойратов, которых мы будем в дальнейшем называть калмыками.

Движение калмыков в Россию совершалось не вдруг и не сразу. В нем отчетливо вырисовываются два этапа. Один из них охватывает период с 1608 по 1630 гг., другой – с 1630 по 1637 гг. Первый этап характерен тем, что царское правительство в нем уделяло больше внимания дербетским правителям, и в этот отрезок времени калмыки кочевали в пределах Ишима и Тобола; на втором этапе центр внимания русских властей переместился на торгутских правителей, которые прикочевали со своими подвластными людьми в приуральские степи и к Волге.

1. Первый этап движения калмыков. Поселение в пределах Иртыша, Ишима и Тобола (1608–1630 гг.)

Калмыки, поселившиеся в России, длительное время продолжали называть себя ойратами. Однако в новых географических, исторических и социально-экономических условиях они с течением времени постепенно стали принимать название "калмыки", которое исторически закрепилось за ними как самоназвание народа.

Первое упоминание об ойратах – предках калмыцкого народа – находим в древней монгольской хронике 1240 г. "Сокровенное

сказание".[1] Тогда ойраты кочевали в северной и северо-западной частях Монгольской империи.

Во второй половине XIV в., когда была низложена династия Чингисидов, некогда могущественная Монгольская империя распалась, образовалось множество независимых друг от друга феодальных княжеств и ханств. Основные владения ойратских феодалов располагались в пределах Западной Монголии, получившей наименование Джунгарии, или Зюнгарии.[2]

К концу XVI в. ойраты подразделялись на несколько кочевых феодальных групп, среди которых самыми многочисленными оказались дербеты, торгуты, хошуты и зюнгары (цоросы). Другие группы – батут, баргу, хойт – к началу XVII столетия распались. В "Великом Уложении" 1640 г. сказано, что часть их оказалась под властью монгольских феодалов, другая – оставалась у ойратов.[3] Для решения общественных вопросов правители съезжались на Ойратский сейм, в котором первенствующая роль принадлежала хошутскому Байбагасу (Байбагишу) хану и джунгарскому нойону Харахуле – главе крупного феодального дома Цорос. Торгутами правил Хо-Орлюк-тайша (по русским документам Урлюк тайша), дербетами – Далай Батыр-тайша.

На рубеже XVI–XVII вв. кочевья ойратов простирались на востоке до озера Баркуль и западных склонов Хангая, на западе они доходили до рек Нарын и Чу. На юге ойраты граничили с Кашгарией и Турфаном, на севере их кочевья простирались по Иртышу до Бухтармы. По Черному Иртышу и около озера Зайсан кочевали дербеты, у южных и западных отрогов Тарбагатая – торгуты.[4]

Ойраты были известны летописцам Сибири в 70-х гг. XVI столетия под наименованием "калмыки" или "калмаки". Например, Строгановская летопись знает калмыков с 1574 г., Ремизовская – с 1591 г.[5] Статский советник Василий Бакунин, проживший длительное время среди волжских калмыков во второй четверти XVIII в., в своем "Описании..." объясняет, что слово "калмык" или

---

[1] Сокровенное сказание. Улан-Батор, 1947.

[2] Названия "Джунгария", "Зюнгария" произошли от монгольского термина "зюн гар" (левая рука, левая сторона).

[3] Уруду һал моһой җил (1614) ээсэ инакши шорой клу (1628) җил куртеле барһу, баатуд, хөйд моңһулдукини моңһулту шиңгеве ойрадукини ойраду шиңгеве (Монголо-ойратские законы... С. 2).

[4] См. прил. к "Материалам по истории русско-монгольских отношений" (М., 1959) – "Монголия и соседние государства в первой четверти XVII в.".

[5] Сибирские летописи. СПб., 1909.

"калмак" так же, как и название "ойрат", имеет собирательное значение. "Примечания достойно, – пишет В. Бакунин, – что хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками не называют, а называют, как выше означено, ойрат. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку, а думают, что их так назвали россияне, но в самом деле видно, что сие слово калмык произошло из языка татарского, ибо татары называли их калмак, что значит отсталых или отстальцев".[1]

Первая часть цитаты В. Бакунина свидетельствует о том, что ойраты сами себя калмыками не называли, а те ойраты, которые переселились на Волгу, называют себя калмыками, т. е. приняли новое название.

Известно, что у тюркоязычного населения Восточной, Западной Сибири и Казахстана бытует термин "халимак" или "калмак", в одном случае выражающий понятие "отделившийся" или "существующий самостоятельно", в другом случае – "иноверец" или "отступник". Можно думать, что впервые термин "калмак" применили татары Сибири, когда там появились первые группы ойратов, отделившихся от основной массы населения Монголии.

Ойратское общество в конце XVI и в начале XVII вв. раздиралось внутренними межфеодальными противоречиями и подвергалось систематическим нападениям извне, главным образом со стороны халхаских, казахских, ногайских и других феодалов. В калмыцком обществе того времени наблюдалась борьба двух тенденций: сепаратизма удельных князей и князьков, с одной стороны, и централизаторских усилий князей Цоросского дома, с другой. Кроме того, в Ойратском сейме имело место политическое соперничество двух крупных феодалов: хошутского правителя Байбагас-хана и крупного джунгарского (цоросского) правителя Харахулы.[2]

В конце XVI столетия часть ойратов (по русским документам уже калмыки) попала под власть казахского правителя Тевекеля,[3] другая, большая часть, подвергалась систематическим нападениям со стороны монгольских феодалов под предводительством Шолой Убаши-хунтайджи. В русских документах он известен под именем Алтын-царь или Алтын-хан.

---

[1] Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа. С. 194.

[2] "Хотя ойратские владельцы и соединились вместе в виду общей опасности, грозящей извне, но лишь только она миновала, начиналась между ними домашняя война, руководителями которой были Хошутовский Байбагас хан и Зюнгарский Харахула" (Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Астрахан. губерн. ведомости. 1861. № 8).

[3] Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков... С. 51.

В конце XVI и в начале XVII вв. дербетский правитель Далай Батыр-тайша и торгутский владелец Хо-Орлюк-тайша, терпя неудачи в межфеодальной борьбе, покинули пределы Джунгарии и двинулись двумя потоками вдоль Иртыша на северо-запад, в сибирские районы Русского государства. В 1604 г. они появились под городом Тара, где вошли в соприкосновение с русскими людьми и нерусским населением, платившим ясак правительству России.[1]

В сентябре 1607 г. торгутский владелец Хо-Орлюк отправил в Тару посольство для установления торговых связей с людьми Русского государства. Послы просили у тарского воеводы разрешения кочевать по рекам Камышлову, Иртышу и посылать в Тару своих торговых людей. Тарский воевода, связавшись с Москвой, получил указание сообщить калмыкам, что правительство России готово разрешить им кочевку по "государевым землям" и торговлю в сибирских городах при условии, если они станут подданными русского царя.[2] Однако вступление этой части ойратов (калмыков) в подданство России в тот год не произошло.

В трудное для России время внутренних смут и польской интервенции русское правительство было особенно озабочено ликвидацией напряженности, возникшей между народностями Сибири и царскими властями вследствие взаимных столкновений русских ратных людей с кочевниками. В начале 1607 г. из Москвы в Тару прибыла царская грамота "О посылке служилых людей в калмыцкие улусы для приведения к шерти (присяге) калмыцких тайшей".[3] Согласно правительственной инструкции, тарский воевода С. И. Гагарин 27 января того же года послал к калмыкам ясачных татар во главе с князем Енобаем с поручением разъяснить тайшам и их улусным людям, чтобы они "были под царскою высокою рукою".[4]

16 июня 1607 г. в Тару прибыло посольство от дербетов в составе 20 человек. Как свидетельствуют документы, улус дербетов состоял из 120 тысяч человек[5] и возглавлялся "пятью большими тайшами", из которых Далай Батыр признавался главнейшим. Всего дер-

---

[1] Тара — городок в Омской области. См.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1607—1636 гг.: Сб. документов. М., 1959. С. 21. (Далее в сносках: Сб. документов.)

[2] Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 52.

Камышлов — ныне не существующий левый приток Иртыша.

[3] Сб. документов. Док. 1.

[4] Там же. Док. 2.

[5] Сибирский приказ, 1607, кн. одиннадцать, л. 100—103. "12 санов, а в сану по 10000 человек". "Сан", вероятно, русское искажение монгольского слова "сомн" или "сумн" (стрелы) — древняя военно-административная единица.

бетских тайшей было 49. В Таре послы шертовали за 49 тайшей и их улусных людей, "оприч Урлюка тайши да Корсугана тайши". Кугонай Тубиев сообщил, что Хо-Орлюк и Корсуган (по-видимому, Кирсан) отошли от остальных калмыков три года тому назад, т. е. в 1604 г., и кочуют отдельно от дербетов вверх по Иртышу.[1]

Политическая основа установления русско-калмыцких отношений изложена в грамоте приказа Казанского дворца, которую получил в 1607 г. тарский воевода С. И. Гагарин:

"... Чтобы калмыцкие князья и мурзы и всякие улусные люди были под нашею царскою высокою рукою и шерть, и утверждение, и заклады дали, чтобы им быть вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и наш ясак с себя платить по вся годы беспереводно и заклады б они в город на Тару дали..."[2]

Придавая немаловажное значение привлечению калмыков на сторону России и установлению торговых отношений с ними, правительство пригласило главных калмыцких тайшей в Москву. В грамоте на имя С. И. Гагарина о посылке служилых людей к калмыцким тайшам для приведения их к шерти даны указния соблюдать осторожность, дабы не отпугнуть их: "А будет они ныне вскоре не поверят и к нам, великому государю, ехати побоятца, и вы б для веры дали закладных людей, сколько человек пригоже и ково они похотят, и сами б есте им слово прямое на том дали, чтоб они ехали к нам безо всякого опасенья, а мы их однолично пожалуем. И ласку и привет держали б есте к ним с великим береженьем, и нашим жалованьем велели их, которые учнут к нам приезжати, кормити и поити, и подарки давали, смотря по людям и по делу".[3]

Торгуты послов на Тару не послали. Воевода С. И. Гагарин получил указание отправить к тайшам Хо-Орлюку и Корсугану служилых людей с предложением, чтобы они стали подданными русского царя. Только после шерти торгутских тайшей воевода мог разрешить им кочевку вблизи сибирских городов. В случае, если эти тайши не пожелают быть "под царскою высокою рукою" и "закладов не дадут", воеводе было предписано, чтобы он вооруженную силу против них не применял, покамест большие калмыцкие тайши (Изеней, Далай Батыр и др.)" не укрепятся в царском жаловании".[4]

---

[1] Сб. документов. Док. 2. См.: Зап. Калм. НИИЯЛИ. Вып. II. К истории образования Калмыцкого ханства в составе России. Элиста, 1962.

[2] Сб. документов. Док. 1.

[3] Там же. Док. 2.

[4] Там же.

Дербетские тайши, воспользовавшись приглашением русского правительства, послали в Москву посольство, которое прибыло в столицу 7 февраля 1608 г. и было принято в Посольском приказе дьяком Василием Телепневым, после чего им была устроена аудиенция у царя.[1]

23 августа Московское правительство отпустило калмыцких послов и направило с ними своих представителей для завершения акта принятия подданства. Правительство указало поверенным передать калмыцким тайшам, присылавшим послов, что их "пожаловали, велели им быти под нашею царскою высокою рукою и велели кочевать на нашей земле по Иртышу и по Камышлову и по Оми, и велели их нашим людям оберегать от их недругов, от Алтына-царя и от казачьи орды и от нагай, и ясак с них велели имать... что у них ведетца верблюды и лошади и коровы и овцы". Для укрепления подданства "большие тайши" должны были ехать на Тару и дать заложников. "Меньшие тайши" и все улусные люди приводились к шерти на реке Оми или на Камышлове.[2]

21 сентября 1608 г. в г. Тару прибыли послы от дербетов, среди которых находился представитель торгутского тайши Шевгея (Шункея), сына Хо-Орлюка. Калмыки соглашались платить ясак верблюдами, лошадьми, рогатым скотом и овцами, а также договорились, что русское правительство поставит на реке Оми острог для сберегания калмыков от Алтын-хана. Вскоре на реку Омь была послана экспедиция во главе с тарским головою А. Ф. Поленовым, которому правительство поручило поставить на реке крепость и приводить к шерти калмыцких тайшей и их улусных людей.[3]

Грамотой 1609 г. 20 августа тарскому воеводе И. В. Масальскому правительство подтвердило, что царь Василий Иванович "их, калмыцких тайшей и всех улусных людей, пожаловали, воевати их нашим служивым людям не велели и велели им кочевати на нашей земле безо всякие боязни". Относительно повинностей калмыцких тайшей воеводе указывалось, чтобы они "служили и прямили во всем", дали "заклады" и "ясак бы они с себя давали лошадьми". Правительство России сочло возможным разрешить им беспошлинную торговлю скотом, главным образом лошадьми, в городах Тобольске, Тюмени, в Перми, Казани и даже в Москве.[4]

---

[1] Сб. документов. Док. 28. В Калмыцком деле 1644 г. № 2, л. 29, имеется упоминание о прибытии калмыцких послов в Москву в 1608 г.: "В прошлом во 116 году приезжали к Москве при государе царе и великом князе Василье Ивановиче всея Руси от калмыцких же тайшей послы Баучин, да Давлет, да Арлай, а с ними кашевар — всего четыре человека".

[2] Сб. документов. Док. 10.

[3] Там же. Док. 3.

[4] Там же. Док. 8.

Группировка Хо-Орлюка, державшаяся до того времени в стороне, решила последовать примеру дербетов. Она в 1608 г. стала просить правительство принять ее в подданство и оказать помощь в борьбе с Алтын-ханом и казахскими феодалами. В том же году Хо-Орлюк вступил в контакт с дербетами и намеревался отправить послов в Москву. Однако из Москвы пришло указание, в котором правительство предлагало тарскому воеводе приводить торгутов к шерти на месте, выслав в их улусы служивых людей с царским пожалованием: "И мы, великий государь царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, их, калмыцких тайшей Урлюка с товарищи, и всех улусных людей пожаловали, воевати их нашим служивым людям не велели, и велели им кочевати на нашей земле без всякой боязни. И они б, калмыцкие тайши Урлюк с товарищи, были под нащею царскою высокою рукою и нам бы, великому государю, служили и прямили во всем, и ясак с себя давали лошадьми".[1]

Крупные тайши группировки Далая Батыра в 1609 г. уклонились от присяги, которую должны были принести в г. Таре, ссылаясь на то, что их послы уже шертовали в 1608 г. в Москве. Группировка Хо-Орлюка приняла присягу на подданство России в г. Тара.[2]

В истории калмыцкого народа 1608–1609 гг. стали знаменательными, так как в это время было положено начало добровольному вхождению калмыков в состав Российского государства. Шерти указанных годов легли в основу русско-калмыцких отношений. С этих знаменательных дат открылась новая полоса истории той части ойратов, которые начали добровольное вхождение в состав России. Эти даты стали историческими вехами, от которых русское правительство и правители волжских калмыков стали вести счет годам вступления в подданство России. Известно, что в 1909 г. отмечалось трехсотлетие вступления калмыков в подданство России.[3] Калмыцкий народ в 1959 г. вместе с русским и другими народами СССР торжественно отметил и трехсотпятидесятилетие совместной жизни.

Присоединение калмыков к России совершалось постепенно, в основном мирным путем. Вхождение в Российскую державу народа малого, резко отличавшегося своим социально-экономическим положением, культурой, религией, правом, обычаями и язы-

---

[1] Сб. документов. Док. 9. С. 36, 37.

[2] Там же. Док. 10. С. 38, 40.

[3] Ульянов И. Астраханские калмыки, их домашний, религиозный быт и общественно-религиозные нужды. СПб., 1910.

ком, не могло проходить в эпоху феодализма скоротечно, гладко, без борьбы и конфликтов. Калмыцким феодалам, привыкшим жить независимо, не хотелось вступать в неравноправные отношения с Русским государством (платить ясак, давать заложников и т. д.) и терпеть ограничения в их внешнеполитической деятельности, которую они исстари привыкли осуществлять самостоятельно; они не желали также терять монополию на эксплуатацию подвластных им людей. В результате отдельные калмыцкие тайши оттягивали акты шертования русскому правительству, а те, которые дали шерть, не желали посылать заложников (аманаты) и платить ясак. Они порой нарушали данную ими шерть, а затем снова шертовали, ибо объективно-исторические условия того времени заставляли калмыцких феодалов, как бы они ни колебались, идти под вассалитет более могущественного Русского государства. Москва, в свою очередь, стремилась удержать их под своей властью. Она требовала от них систематического подтверждения шертей и исполнения шертных условий. Мелкие феодалы и улусные люди должны были присягать на местах перед лицом разъездной администрации.

В 1610 г. калмыцкие князья объединили свои силы и отбили очередной натиск войск Алтын-хана и казахских феодалов. Калмыцкие тайши стали уклоняться от поездок в г. Тару для подтверждения шерти, выдачи ясака и заложников. Тогда правительство России через тарского воеводу Масальского потребовало от тайшей объяснений. Вскоре в Москву поступил ответ, в котором излагался характер объяснений калмыцких тайшей: "Нашему де жалованию они рады, и под вашею де рукою быти хотят. А ныне де они были в походе, ходили Алтына-царя воевати, и им де осенью быти неколи, снеги упали и с торгу на Тару посылати немощно". Вскоре выяснилось, что калмыцкие феодалы не желали платить ясак и давать заложников[1]. Тогда правительство прибегло к угрозам и применило военную силу. В 1612 и 1613 гг. ратные люди сибирских городов разорили некоторые калмыцкие улусы.[2]

Дербеты и торгуты отошли от сибирских городов. Осложнение русско-калмыцких отношений в суровых условиях зимы 1612–1613 гг., надо полагать, нанесло ущерб скотоводству калмыков. В таких случаях охота и звероловство обычно выручали их в трудные времена. Звериная ловля (облава) часто проводилась калмыками в иргизских и эмбинских просторах и считалась не только промыслом, но и своеобразной разведкой новых земель. Во время облав

---

[1] Сб. документов. С. 38.

[2] Там же. Док. 11, 13.

тайши иногда совершали нападения на отдельные улусы ногайских татар, живших по Эмбе, а в 1613 г. они перешли Яик (Урал) и совершили налет на улусы ногайского Кельмамет-мурзы.[1]

Зверовые облавы и мелкие авантюры калмыцких феодалов обнаружили слабость Большой Ногайской Орды, которая, будучи раздираема внутренними противоречиями, приходила к полному упадку.

Неблагоприятная внешняя обстановка заставила группировку Хо-Орлюка идти на контакт с группировкой Далая Батыра. К ним примкнул джунгарский (цоросский) тайша Чокур (Чекур),[2] всю свою жизнь не ладивший со своим отцом Харахулой и другими джунгарскими тайшами. Так в 1612–1613 гг. феодальная группировка калмыков под главенством Далай Батыра пополнилась улусами Хо-Орлюка и Чокура.

Царская Россия, пережившая в 1613 г. польскую интервенцию, жаждала мира и отдохновения. Московское правительство намерено было нормализовать отношения с калмыками. Поводом к этому послужило посольство Тихонова в Персию. В Москве установилась власть новой династии Романовых. Дьяки Посольского приказа вспомнили, что калмыцкие тайши присылали в 1608 г. в Москву послов и "обещались служить великим государям Российским".[3]

Новое правительство России возобновило переговоры с калмыцкими тайшами. Дербетские и торгутские правители, в свою очередь, были рады восстановить мирные и торговые связи с русским населением и кочевать под сибирскими городами, т. к. калмыки испытывали острую земельную тесноту.[4] В 1616 г. они не замедлили отправить в города Тобольск и Тюмень послов с прошением разрешить кочевать и торговать под сибирскими городами. Московское правительство, со своей стороны, поручило местным властям убеждать калмыцких тайшей в том, что русские воеводы не будут им чинить зло и разорение, что калмыцкие тайши могут безбоязненно сноситься с воеводами сибирских городов, а также отправлять своих послов в Москву для принесения шертей.

Правительство России было осведомлено о причинах, вынудив-

---

[1] Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков... С. 37.

[2] Сб. документов. Док. 18. См. генеалогическую таблицу зюнгарских тайшей у Палласа.

[3] Веселовский Н. И. Передовые Калмыки на путях к Волге // Зап. вост. отд. Рус. арх. о-ва. 1889. Т. 3. Вып. IV. С. 368.

[4] Сб. документов. С. 39.

ших калмыков кочевать к сибирским городам, ибо "им тесноту чинит Алтын-царь и ясак с них емлет".[1]

Возвращение калмыков к сибирским городам объяснялось не только земельной теснотой, но и отсутствием свободного доступа к китайским и среднеазиатским рынкам. Россия обнаруживала заинтересованность в предоставлении калмыкам пастбищ и рынков. 5 октября 1616 г. русское правительство запретило сибирским воеводам самостоятельную посылку служивых людей, т. е. войск, против калмыков. Однако, несмотря на мирный курс политики Московского правительства, тюменский воевода князь Ф. С. Коркодинов и его служивые люди продолжали нападать на калмыцкие улусы, за что князь Коркодинов получил строгое предупреждение: "А будет вы вперед учнете воровать и на калмыков без обсылки ис Тобольска посылать войною тюменских служивых людей и татар, и вам от нас быти в великой опале и казни".[2] Из этого следует, что урегулирование русско-калмыцких отношений признавалось Москвой немаловажным делом, не говоря уже о прямой в этом заинтересованности калмыцких тайшей.

Тобольский воевода С. И. Куракин, выполняя указания правительства, отправил для переговоров с калмыками Томилу Петрова и астраханского казака И. Куницына. Тайши приняли русских посланцев с почетом. Т. Петров изложил калмыцким тайшам волю русского правительства: "...чтобы они были под государевою высокою рукою и государю служили и прямили во всем, и в государевы сибирские городы со всякими товары ходили. А что они кочуют близко государевых сибирских городов без государева указу и без обсылки з государевым бояриной и воеводы, и они б о том прислали ко государю бити челом послов своих". Калмыцкие тайши ответили: "...государю служити и во всем радети ради и под его государевою высокою рукою быти готовы".[3]

Т. Петров и И. Куницын во время своего пребывания в калмыцких улусах установили, что главенствует над всеми калмыцкими тайшами Далай Батыр, а Чокур и Хо-Орлюк являются "думчими ближними тайшами", русские посланцы засвидетельствовали также, что калмыки сблизились с казахами и киргизами, платят ясак Алтын-хану.[4] Чтобы не оттолкнуть калмыков, правительство России на этот раз сочло возможным восстановить с ними мирные отношения без сбора ясака и выдачи заложников.

---

1 Калмыцкие дела, 1616, л. 8.
2 Сб. документов. Док. 15.
3 Там же. Док. 18.
4 Там же. Док. 18.

Калмыки воспользовались благосклонностью Московского правительства. В 1617 г. Далай Батыр прислал в Тобольск послов Бугу и Коодана, которые 19 декабря были отправлены в Москву. 20 марта 1618 г. послы, прибыв в Москву, били челом "царскому высочеству", чтобы он тайшей и "всю Калмыцкую орду пожаловал, принял под свою царскую высокую руку и от всех их недругов в оборону". В свою очередь послы от имени калмыцких тайшей и их улусных людей выразили готовность калмыков к службе России в борьбе против ее недругов. Во время переговоров было отмечено, что калмыцкие торговые люди в течение 13 лет "в государевы городы лошадей и корови и всякие животины пригоняют по 200 и 300 голов и тем государевы городы полнят".[1]

В целях укрепления русско-калмыцких отношений царское правительство 14 апреля 1618 г. издало "Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича калмыцкому тайше Далаю Богатырю о принятии его в русское подданство". Грамота призывала царских воевод "быть со всею Колматцкою ордою в любви и дружбе", оберегать ее торговых людей, "чтобы им отнюдь ни от кого ни в чем обид и безчестия не было".[2]

В "Жалованной грамоте" нет упоминаний о заложниках, о ясаке, этот документ больше похож на соглашение. Поступая таким образом, русское правительство, вероятно, рассчитывало приобрести в лице Далая Батыра верного вассала на Востоке. Такой шаг мог сыграть положительную роль в дальнейшем развитии сношений не только с калмыками, но и с другими кочевыми народами.

В 1620 г. калмыцкие улусы снова стали объектом нападения монгольских и казахских феодалов; это обстоятельство вызвало, с одной стороны, дальнейшее улучшение русско-калмыцких отношений, а с другой – новое заметное перемещение калмыков на запад. Под натиском противников калмыцкие тайши Далай Батыр, Хо-Орлюк, Чокур и присоединившиеся к ним хошутские владельцы Байбагас и его брат Дюргечи Кунделен Убаши передвинули свои кочевья на Ишим и Тобол.[3] Перекочевка калмыков к Тобольску, к Тюмени и к Уфе насторожила царское правительство. В своих "отписках" тобольский и уфимский воеводы сообщали, что калмыцкие тайши прикочевали под сибирские города потому, что "воюют де их, калмыцких тайшей, Алтын царь да Казачья орда".[4]

---

[1] Сб. документов. Док. 27.

[2] Там же. Док. 29. Прил. 2.

[3] Там же. Док. 47. С. 101. Калмыцкие дела, 1621, № 1, л. 2: "...и ныне многие тайши с калмыцкими людьми прикочевали блиско твоей царской отчины сибирских городов и кочуют ныне вверх по Ишиму промеж Тоболом".

[4] Там же.

Как же отнеслось Московское правительство к факту перемещения калмыков на Ишим и Тобол? Факты говорят, что приход калмыков под Тобольск, Тюмень и Уфу не обошелся без инцидентов: некоторые мелкие тайши вступили в стычки с башкирами. Для расследования дела из Уфы прибыл к калмыкам сын боярский П. Семенов, который попал в стан Байбагаса, где был принят с почетом. Семенов установил, что калмыки воюют с монгольскими и казахскими феодалами, вследствие чего и живут в состоянии осадного положения.[1] Главные их тайши Далай Батыр, Хо-Орлюк, Чокур, Байбагас и Дюргечи (Торгучей) Кунделен Убаши установили между собой тесные контакты. По случаю приезда русского посла упомянутые тайши собрались на съезд. Выслушав П. Семенова, тайши выработали меры с целью предотвращения набегов калмыков на башкирские и другие волости Русского государства. После съезда калмыцкие тайши отправили в Уфу послов для подтверждения шертей и укрепления торговых связей с сибирским и уральским населением.

23 октября 1620 г. уфимский воевода О. Я. Прончищев доложил в Москву: "... велел я, холоп твой, калматцким послам, которые пришли на Уфу ко мне, холопу твоему, быть к себе и велел их привести к шерти. И шертовали, государь, за тайчей своих за Байбагише (Байбагас – *М. К.)* и за Толая (Далай – *М. К.*), и за Чокура, и за Урлюка, и за Байбагишева брата Тюргучея, и за Байбагишева сына Аркеля и за всех тайчей, и за Ишим-царевича, и за воинских за всех улусных людей на том, что к Уфимскому городу и на Уфимский уезд, на башкирские волости воевать не приходить... и быти под твоею государевою высокою рукою".[2]

Хошутские правители прежде не шертовали русским властям. Переместившись на Ишим и Тобол, все калмыцкие тайши желали получить санкцию правительства России на кочевку в указанных районах и на торговый обмен с населением Сибири и Урала. Калмыцкие послы, прибывшие с этой целью в Уфу, просили

---

[1] Сб. документов. Док. 50. С. 104. Калмыцкие дела, 1620, № 1, л. 27. Отрывок из показаний П. Семенова: "Приходили на них (калмыков – *К. М.)* в прошлом году Казачьей орды Ишим (Есим – *К. М.*) царь войною... да колмацких дву тайшей и многих людей побили. Да нынешнева году перед их приходом приходили на них воинские люди Алтына царя, чорные калмыки и улусы колмацкие повоевали и людей многих побили и взяли де живых дву тайшей, а третий де тайча Байбагишев брат Тергучей утек и прибежал при нем, Путянке, в кочевье к брату своему Байбагишу".

Тергучей – это никто иной, как Дюргечи Кунделен Убаши (см.: Лыткин Ю. Материалы для истории ойратов // Астрахан. губерн. ведомости. 1861, № 20, 10 мая; а также генеалогическую таблицу хошутских князей П. Палласа).

[2] Сб. документов. Док. 52.

пропустить их в Москву. Воевода Прончищев предложил подождать решения правительства. Чтобы не возбудить излишнего недоверия, уфимский воевода по своему усмотрению разрешил калмыкам торги, "велел у них покупать лошадей и менять на рухледь". Правительство одобрило действия уфимского воеводы: "... то добро учинил, что калмыков привел под государеву руку, и впредь бы им с базаром и с торгом приезжать велел и ласку к ним держал и бережение, чтобы им ни от кого обид не было, и торговали б с ними правдою, чтоб их приучать, не отогнати. А в кою пору учнуть приезжать, и он бы жил с великим береженьем неоплошно, а послов колматцких отпустить к Москве".[1]

В феврале 1621 г. калмыцкие послы прибыли в Москву с заверениями в том, что "калмыцкие тайши верность свою Российскому государю вечно сохранят, имея свое на р. Тоболе кочевье".[2]

Таким образом, документы РГАДА свидетельствуют, что прикочевка калмыков на Ишимские и Тобольские земли совершалась с согласия и разрешения царского правительства. Версия Иакинфа (Бичурина), В. Броневского и других о том, что движение калмыков к сибирским городам и к Уралу являлось результатом их экспансии, опровергается актами правительства России.

Обеспечив себе прочный тыл на севере и северо-западе (со стороны России), Далай Батыр, Байбагас, Хо-Орлюк, Чокур и Кунделен Убаши в 1622 г. получили возможность направить все свои усилия на борьбу с Алтын-ханом, который теснил улусы джунгарского тайши Харахулы, и с феодалами казахских жузов. В то время Алтын-хан, хан Большого казахского жуза и некоторые мурзы Большой Ногайской Орды составили против калмыков военную коалицию.[3] Возникшая война приняла ожесточенный характер и охватила огромную территорию от реки Обь и Алтайских гор до Эмбы. Эта была обычная феодальная война большого масштаба. Наступление калмыков вначале было успешным, однако у соляных озер, меж Иртышом и Обью, а затем меж Обью и Томью войска Далая, Байбагаса и Чокура попали в тяжелое положение. Развернувшиеся военные действия вблизи Кузнецкого острога и г. Томска обеспокоили воеводу И. Ф. Шаховского.[4] Неизвестно, каков был исход военных действий в этом районе. Надо полагать, калмыки потерпели неудачу и снова отступили на

---

[1] Сб. документов. Док. 52. Помета.
[2] Калмыцкие дела, 1621, без номера.
[3] Сб. документов. Док. 56. С. 113. "А слажился де Алтын царь с Казацкою ордою, а казацкие люди с нагаи".
[4] Сб. документов. Док. 55.

запад. В начале 1623 г. калмыцкие князья Далай Батыр, Байбагас, Хо-Орлюк с улусами снова оказались на реке Тоболе (в семи днях верховой езды от г. Тюмени), а их мелкие тайши были расставлены заставами против людей Алтын-хана и казахских жузов.[1] К концу 1623 г. они закрепились по Ишиму и Камышлову.[2]

Каковы основные причины войны калмыков с монгольскими и казахскими феодалами?

Одной из главных причин возникновения феодальной войны между ними следует считать земельную тесноту, стремление феодалов к расширению сфер феодальной эксплуатации путем увеличения числа подданных, поголовья скота и подвластной территории для пастбищ.

Другой важной побудительной причиной феодальных войн следовало бы считать борьбу различных феодальных групп за торговые пути к рынкам сбыта скотоводческой продукции и к источникам снабжения кочевников предметами ремесленного, мануфактурного и земледельческого производства.

В те годы войны с монгольско-казахско-ногайской феодальной коалицией калмыки всячески поддерживали мирные отношения с русскими людьми. В 1622 г. послы калмыцких тайшей подтвердили в Уфе шертные обязательства. Некоторые крупные тайши следили, чтобы мелкие феодалы не вызывали эксцессов. Однако джунгарский тайша Сенгул (Исенгул), не присягавший России, подчас нападал на уфимские и башкирские волости.[3] Царские власти сочли, что набеги совершают люди из группировки Далая Батыра. Для расследования эксцессов правительство послало к калмыкам сына боярского В. Волкова, который прибыл в улус Мангита-тайши (брат Далая Батыра). Здесь он установил, что Далай Батыр находится в походе против монгольского Алтын-хана. Он вручил Мангиту царскую грамоту и изложил претензии русского правительства.

Мангит-тайша ответил, что приходил в Уфимский уезд на государевы ясачные башкирские волости Сангул-тайша, который "яунгарского (т. е. джунгарского – *М. К.)* улусу и кочует де себе своим улусы", а что касается дербетов, то они "верны прежней своей шерти, и впредь так будут стоять".[4] По возвращении Далая Батыра

---

[1] Сб. документов. Док. 60.

[2] Там же. Док. 63. "А ныне де тайши калмыцкие: Богатырь, Козеняк, Зенгул, Байбуга, Кайша, Ишим-царевич кочуют на Ишиме, а тех тайшей по Ишиму выше колмацкие ж тайши Урлюк, Чокур. А збираются они все тайши к Камышлову, промеж Иртышем и Ишимом, тут де у них скот и живот, а наряжаются де они все тайши войною на мунгальских людей, а жен своих и детей и скот и живот оставляют на Камышлове".

[3] Сб. документов. Док. 61, 63.

[4] Там же. Док. 64.

дербеты послали в Уфу с В. Волковым своих людей для подтверждения присяги. Уфимский воевода, согласно присланным из Москвы указаниям, направил Волкова с калмыцкими послами в столицу Русского государства. Во Владимире Волков с послами был задержан.[1] В своей докладной Волков давал объяснения по поводу того, что "дербетовские тайши у них в послушании и в холопстве", т. е. в подданстве,[2] что на башкирцев нападали не дербеты, а Сенгул из джунгарских улусов, который кочует отдельно от улусов Далая Батыра. Лишь после разъяснений Волкова, надо полагать, русское правительство стало более четко различать группировки калмыков. Вскоре калмыцкое посольство вместе с русским посланцем было препровождено в Москву.[3] Установив лояльность группировки Далая Батыра, правительство России предоставило тобольскому воеводе полную самостоятельность в решении всех калмыцких дел.[4]

В 1625 г. среди калмыков разгорелась ожесточенная междоусобная борьба. В тот год умер брат Чокура – Чин-тайша. Его улусами завладел третий их брат Байбагиш,[5] который кочевал вместе с отцом Харахулой. Чокур попытался отобрать у Байбагиша улусы Чина. Между братьями возникла война. Чтобы примирить братьев и разделить между ними улусы Чина, в распрю вмешались их отец Харахула и Далай Батыр. Однако мира не получилось. Чокур привлек на свою сторону других калмыцких тайшей – Табытая,[6] Мерген-Тэмена,[7] Куяна (Батыра Буяна),[8] напал на брата у соленых озер и разгромил его отряды. Помощь Харахулы, по-видимому, не подоспела. Байбагиш пал в борьбе, а его улусами завладел Чокур.[9]

Так возникла еще одна группировка калмыков под руководством Чокура- тайши. Источники ничего не говорят о том, где в это время находились торгутский Хо-Орлюк и хошутский Байбагас. Установлено, что Далай Батыр и Хо-Орлюк вскоре стали преследовать группировку Чокура. В одном из сражений с Чокуром Хо-Орлюк потерпел неудачу и удалился с улусами под Тару.[10]

---

1 Сб. документов. Док. 65.
2 Там же. Док. 66.
3 Там же. Док. 67, 68.
4 Там же. Док. 70.
5 Не путать с Байбагишем (Байбагасом) хошутским.
6 Табутай, Табытай – джунгарский тайша (см.: Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков... С. 100).
7 Мерген-Тэмен – торгутский тайша (см.: Монголо-ойратские законы 1640 г. ...СПб, 1880. С. 74).
8 Куян, Баты-Куян – возможно, это русское искажение имени Батыр-Буяна. В литературе известен такой хошутский тайша Буян Батыр (см.: Габан Шараб. Сказание об ойратах. Л. 199, б.; генеалогическая таблица Палласа; Лыткин Ю. Материалы... // Астрахан. губерн. ведомости. 1861. № 8).
9 Сб. документов. Док. 77.
10 Там же. Док. 72, 73.

По сообщению тобольского воеводы, Чокур со своими сторонниками, уходя от преследователей, в 1628 г. перешел Ишим, Тобол и остановился в верховьях Яика. Здесь к ним примкнули алтыульские татары,[1] которые ушли из-под Астрахани, не захотев быть подданными русского царя. Пользуясь слабостью Большой Ногайской Орды, раздираемой внутренними противоречиями, Чокур, Мерген-Тэмен и другие тайши, по наущению алтыульских мурз, потеснили на запад улусы ногайского князя Каная.[2]

Летом 1628 г. 300 всадников из улуса Чокура напали на Карабатынскую волость Уфимского уезда и увели 60 человек башкир. В Уфе решили, что набег совершен людьми Далая Батыра, так как у русских воевод все еще существовало мнение, что Далай Батыр – "царь" над всеми калмыками. Для расследования дела русская администрация направила в калмыцкие улусы сына боярского А. Гладышева с толмачом Ф. Кондратьевым. Русские посланцы нашли Далая Батыра у Иртыша.

Дербетский князь прибыл сюда для мирных переговоров с послами Алтын-хана. Надо полагать, Алтын-хан опасался нового слияния сил джунгарских и дербетских феодалов, поэтому всячески добивался того, чтобы дербетский правитель не оказывал поддержки джунгарским тайшам.[3] А. Гладышев установил, что в Уфимский уезд в Карабатынскую волость Далай Батыр своих людей не посылал. Дербетский князь в знак большого уважения к русской миссии подарил А. Гладышеву несколько лошадей, крепостных калмыков мужского и женского пола и лисьи шубы.

Русские посланцы оказались свидетелями установления родственных отношений между Далаем Батыром и, по-видимому, хошутским князем Гуши (Гушей, Куйша). Династийные браки среди калмыцких князей, так же как в средневековой Европе,

---

[1] Алтыульские татары – астраханские татары, потомки золотоордынских татар.

[2] Сб. документов. Док. 76. "И послы говорили, что приходили де на Каная-князя и на нурадына на Каракел -Мамет-мурзу и на иных мурз калмыцкие Чокур-тайша, да Мерген-Темен-тайш со своими калмыцкими людьми... а с ними алтыульские мурзы Шейяк мурза с братею..." (С. 149).

[3] Там же. Док. 77. "И при них де у Талая-тайши в улусах были мунгальские послы и про то им сказывали, да и Талай-тайша то ж, что у них у мунгал с еунгарским улусом война. И еунгарского же улуса калмыки на Яик для войны пойдут, что далеко, да Талай-тайша их не пропустит, что им всем людьми силен, да и самим им стало до себя. А мунгальские де послы о том к Талаю-тайше приходили, чтоб он еунгарским калмыкам не помогал, людей своих на помощь не давал".

служили средством укрепления союза феодалов. Такой союз был установлен в 1629 г. между Далаем Батыром и Гуши.[1]

Под предлогом "службы" государю и преследования его "непослушников", напавших на русских подданных – башкирцев и ногайцев, Далай Батыр и Гуши в 1629 г. вышли к Яику и напали на улусы Чокура, Мерген-Тэмена и Куяна Батыра.[2] Последние, потерпев поражение, спаслись бегством и вскоре подчинились торгутскому тайше Дайчину (Шукур Дайчин), старшему сыну Хо-Орлюка, который к тому времени прикочевал к Яику.[3]

Так на основании изучения архивных документов выявляется ситуация, приведшая отдельные группы калмыков к Яику.

К 30-м годам XVII столетия Приэмбинские и Приуральские степи пустовали. Большая Ногайская Орда распалась на несколько феодальных групп и фактически прекратила свое существование. Искусно разжигая и поддерживая межфеодальные распри, царские воеводы укрепили свое влияние на ногайских мурз группировки князя Каная, другие же группы ногайских феодалов уходили за Волгу, в Малый Ногай, под покровительство крымского хана.[4]

Разгромив группировку Чокура, союзные тайши Далай Батыр и Гуши, видимо, не прочь были воспользоваться степными просторами по Эмбе и Яику, однако земли эти находились под контролем Русского государства, без ведома которого калмыки не могли ими пользоваться. Чтобы получить такое право, Далай Батыр отправил с Гладышевым в Москву послов Балта и Аючи. В Уфу направился его сын Доржи.[5] Калмыцкие послы были приняты в Посольском приказе думными дьяками Ефимом Телепневым и Максимом Матюшкиным, которые передали царю просьбы Далая Батыра о принятии его в холопство и о кочевьях в Приуралье.[6]

Московское правительство не разрешило дербетам кочевку в Приуралье. Оно также не позволило им кочевку по Эмбе. Ссылки калмыцких послов на то, что Далай Батыр "смирил непослушников" и "дурна от них никакого не было", не помогли. Не считаясь

---

1 Сб. документов. Док. 77, 81.

2 Там же.

3 Габан Шараб. Указ. соч. Л. 215 об. Калмыцкие дела, 1629, № 1, л. 286.

4 См.: Ногайские дела, 1622, № 3, 4; 1629, № 1.

5 Сб. документов. Док. 76.

6 Там же. "И калмытцкие послы Балта и Аючи диаком думным Ефиму Телепневу да Максиму Матюшкину сказали, что прислали их ко государю тайша их Талай-тайш бити челом, чтоб государь его пожаловал, велел его приняти под свою царскую высокую руку в холопство и велел бы ему кочевать блиско Уфимского города, и своим государевым уфимским русским людем и башкирцом обиды ему чинити не велел".

с доводами и просьбами калмыцких тайшей, русское правительство предложило им вернуться в "дальние кочевья", т. е. под сибирские города.

Вскоре из Москвы в Уфу поступило указание, запрещавшее калмыкам кочевку по Яику и Эмбе, обязавшее воевод требовать от них "заклады".[1] Время уступок калмыцким феодалам приходило к концу.

В первой половине 30-х годов XVII в. улусы Далая Батыра, Гуши, Байбагаса и Кунделена Убаши кочевали по Тоболу, Ишиму и в прилегающих местностях. В 1632 г. погиб в междоусобной борьбе Байбагас.[2] В 1637 г. умер Далай Батыр.[3]

После смерти Далая Батыра его крупное княжество распалось на уделы. После 1635 г. русские источники ничего определенного не говорят о Гуши.

Так закончился первый этап движения калмыков к Волге, в котором Московское правительство первоочередное внимание уделяло крупной калмыцкой группировке под главенством Далая Батыра-тайши. В этот исторический отрезок времени (1608–1630 гг.) калмыки получили права кочевки по Иртышу, затем по Ишиму и Тоболу. Их попытка получить кочевья в пустующих степях Приуралья и близ Эмбы не имела успеха. Только остатки разгромленной группировки Чокура-тайши, самовольно проникшей в Приуралье, притаились у Каспия между Яиком и Эмбой. Приход в Прикаспийские степи Дайчина-тайши ознаменовал начало нового этапа движения калмыков на запад, который завершился их поселением в степях Приуралья и в междуречье Волги и Яика.

2. Второй этап движения калмыков. Поселение в Приуралье и в междуречье Яика и Волги (1630–1637 гг.)

Время поселения калмыков в Приуралье и в Поволжье давно интересует исследователей истории калмыцкого народа. Ссылаясь на переписку по делу о посольстве Тиханова в Персию, Н. И. Веселовский считал районы Эмбы и Иргиза местом кочевий калмы-

---

1 Сб. документов. Док. 80.

2 Там же. Док. 87.

3 См.: Калмыцкие дела, 1636–1637, № 2 "Переписка Тобольских воевод с калмыцкими тайшами".

ков с 1613 г.[1] А. А. Гераклитов[2] не соглашается с Веселовским. Профессор Н. Н. Пальмов, вплотную занимавшийся выяснением времени появления калмыков на Волге, склонен поддерживать мнение Веселовского, ибо оно в какой-то мере помогло установить пути движения калмыков к Волге.[3] Ссылаясь на сообщения Габан Шараба, историческую записку о калмыках, составленную 8 марта 1774 г. тремя демчеями для академика П. С. Палласа, Пальмов приходит к твердому убеждению, что Хо-Орлюк со своими подвластными пришел на Волгу в 1632 г.[4], тогда как Гераклитов это событие относит к 1634 г.[5]

Из-за отсутствия достаточно убедительных фактов этот спор фактически остался не решенным. Внимательное изучение фондов Калмыцких и Ногайских дел РГАДА дает более точную и подробную картину поселения калмыков в Приуралье и в междуречье Яика и Волги, которое, на наш взгляд, совершилось в 1630–1636 гг. Степные же пространства Поволжья (по обеим сторонам Волги) калмыки получили лишь через 20 лет, в 1657 г.

В 1613 г. калмыки не кочевали в районе Эмбы и Иргиза, хотя и ходили туда для облавной охоты. Весть о появлении большой массы калмыков на Эмбе принадлежит астраханскому воеводе Ф. Куракину, который в 1629 г. обнаружил их в низовьях реки и сообщил в Москву об их намерении двигаться к Яику и через Яик.[6] Куракину не были известны имена главных тайшей, приведших свои улусы к Каспию. Можно полагать, во главе их стояли Чокур, Мерген-Тэмен, Куян Батыр и их сподвижники, уходившие от преследований Батыра и Гуши. В своей отписке в Посольский приказ астраханский воевода объясняет причины перехода калмыков в Приэмбинские и Приуральские степи так: "Ныне другой год учинясь, они с своею братиею с калмыки меж себя рознь и войну, пришли с улусы своими на реку Эмбу, а ныне кочуют блиско Яика..." Далее поясняется, что калмыки опасаются войны не только с Далаем Батыром, Гушеем и Дургечи (Кунделен Убаши – *М. К.*), а также с феодалами Казахской орды.

---

1 Веселовский Н. И. Передовые калмыки на путях к Волге...
2 Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVII вв. Саратов, 1923.
3 Пальмов Н. Н. Этюды... Т. 1.
4 Там же. С. 6.
5 Гераклитов А. А. Указ. соч. С. 211.
6 Ногайские дела, 1629, № 1: "... а калмыки прикочевали к реке Эмбе и кочуют на низ по Эмбе блиско моря. А алтыульские де мурзы кочуют с калмыки ж вместе, хотят итти к Яику и через Яик перейти и приходить на ногайских мурз..." (л. 286).

Калмыцкие тайши сообщили астраханскому воеводе, что они желают быть "в холопстве" (т. е. в подданстве) и просят разрешения на кочевку по Эмбе и по Яику.[1]

Ф. Куракин ответил, что калмыков могут принять "в холопство", но без права кочевки в Приуральских степях. При этом воевода потребовал от калмыков выдачи аманатов (заложников).[2] Калмыки не удовлетворились таким ответом и прервали переговоры.

Как известно, группировка Чокура была разгромлена у Яика войсками Далая Батыра и Гуши. Попытка Далая Батыра получить кочевья в степях Приуралья оказалась безуспешной. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что разгромленные калмыцкие тайши Чокур, Мерген-Тэмен, Батыр Куян и др. с остатками своих улусных людей нашли пристанище у Каспийского побережья между Эмбою и Яиком.

О времени появления торгутов в Прикаспийских степях калмыцкий хронист Габан Шараб сообщает: "Лаузанг (один из сыновей Хо-Орлюка – *М. К.*) ойратским владельцам представил намерение свое от них отлучиться, в 1629 году действительно отошел. В 1630 году перешел Яик и Волгу, завоевал татар, в том же году Хо-Орлюк и Дайчин пришли к Яику..."[3] Однако данные Габан Шараба не во всем совпадают с данными архивных материалов. Имя Лаузана в русских документах за 30-е гг. XVII в. не встречается. О Дайчине (Тайчи) первое сообщение находим в грамоте из приказа Казанского дворца от 5 ноября 1632 г. тюменскому воеводе С. И. Жеребцову: "... он, Тайча, кочюет о себе и отца своего ни в чем не слушает".[4] Каких-либо сообщений о переходе Волги и завоевании татар калмыками в 1630 г. в русских источниках нет. По "отписке" астраханского воеводы И. Салтыкова в Посольский приказ за 1633 г. установлено, что Дайчин уже в 1631 г. находился у Яика и пытался установить дипломатические связи с ногайским князем Канаем.[5]

Есть основания думать, что потерпевшие неудачу тайши Чокур и др. подчинились торгутскому Дайчину и таким образом создали новую группировку калмыков у берегов Яика. Об этом свидетельствуют документы Калмыцких и Ногайских дел РГАДА за 31 – 35-е гг. XVII столетия, где указывается, что Чокур и Батыр (по-

---

[1] Чокур, Мерген-Тэмен, Куян не были подданными русского царя.
[2] Ногайские дела, 1629, № 1, л. 291–294.
[3] Габан Шараб. Указ. соч. Л. 215.
[4] Сб. документов. Док. 94.
[5] Ногайские дела, 1633, № 1, л. 161.

видимому, Куян), а также лама (Мерген-Тэмен) кочуют совместно с Дайчином.[1]

Группировка калмыцких тайшей под предводительством Дайчина, соединившись с алтыульскими мурзами, вступила в переговоры с феодалами едисанских татар.[2] В это время распространился слух о том, что тайши совместно с ногайскими мурзами собираются совершить нападение на Астрахань. До русской администрации дошел и другой слух, что Дайчин принуждает едисанского Борис-мурзу подчиниться его власти. Однако эти слухи не подтвердились. Астраханский воевода установил, что едисанский Борис-мурза вел переговоры с Дайчином о мирном распределении кочевий между татарами и калмыками.[3] Только группировка ногайских феодалов под главенством князя Каная не пожелала делить кочевья с калмыками по Ногайской стороне (земли Большой Ногайской Орды). Неуступчивость ногайского князя Каная, по-видимому, послужила поводом для нападения калмыцких отрядов на его улусы. Князь Канай обратился к астраханскому воеводе за помощью. Последний прежде всего укрепил заслоны по Волге, чтоб ногайские татары не переправились на правый берег, затем послал подкрепление Канаю.[4] 22 апреля 1632 г. ногайские мурзы и русские ратные люди дали бой калмыкам у р. Большая Узень. Не сохранив за собой инициативы, они заключили перемирие с калмыками. Во время переговоров выяснилось, что калмыцкие тайши "с государевыми русскими людьми биться не хотят", а на ногайские улусы приходили войною потому, что "им досада была на князя Каная и на мурз".[5]

Калмыцкие тайши по просьбе ногайских мурз вернули весь захваченный ясырь (пленных) и снова стали мирно сноситься с русскими людьми и татарами. Сообразуясь с правительственным указанием о недопущении калмыков в пределы Приуралья, астраханский воевода послал к калмыкам стрельцов с требованием освободить территорию Приуральских степей. Приняв с почестями русских посланцев, Дайчин напомнил им, что "отец ево Урлюк тайша и он, Дайчин тайш – холопи царского величества". Свой приход к ногайским феодалам он объяснил выполнением задания

---

[1] Калмыцкие дела, 1633, № 1, л. 5–9. Мерген-Тэмен среди торгутов был одним из первых проповедников ламаизма.

[2] Едисанские татары – одна из феодальных группировок Большой Ногайской Орды.

[3] Ногайские дела, 1633, № 1, л. 52–55, 95–97.

[4] Там же, л. 104–107.

[5] Там же, л. 122, 123, 161.

отца, который "наведал, что ногайские мурзы и улусные люди – холопи царского величества".

Дайчин признал вину калмыков и обещал не посылать более своих людей на ногайские улусы. Закончив переговоры с русскими посланцами, Дайчин отправился на совет к Хо-Орлюку, после чего они прислали в г. Астрахань своих послов "бить челом", чтобы "царь снял с них вину" и считал их "вековешными холопи".[1]

Во время переговоров астраханский воевода предъявил калмыкам жесткие условия: он потребовал откочевки из пределов междуречья Яика и Волги[2] и Приуралья, запрещал сношения калмыков с ногайскими и едисанскими мурзами, живущими по обеим сторонам р. Волги.[3] Несмотря на это, калмыцкие послы дали шерть верности России и произвели своеобразный клятвенный обряд: "... ссекли собаку желтую да прошли меж сабли и пищали и ножевое острие лизали, чтобы им быть ссечеными как та собака и сабля головы им поотсекла, а ис пищали б убитым быти, а ножом бы зарезатца". Улусные люди, так же как и тайши, должны были "дать шерть по своей вере". Для приведения к шерти улусных людей воевода направил к калмыкам сына боярского Г. Русакова.[4] Вскоре царским властям стало известно, что Дайчин и Хо-Орлюк не имеют возможности уйти за пределы Яика и Эмбы, что их приход в Прикаспийские степи был вызван острой необходимостью. Правительство России предложило Дайчину кочевья под Уфой, от чего последний отказался и выразил желание кочевать "под государевою отчиною, под Астраханью", по-видимому, потому, что на Урале корма для скота в зимнее время нет и башкирцев много. В 1635 г. Дайчин с улусами кочевал в районе р. Бузан,[5] отец его Хо-Орлюк кочевал за Яиком, по Эмбе, алтыульские мурзы "с улусы своими" кочевали вниз по Яику, к морю.[6]

Почему же торгуты прикочевали к Яику и к Эмбе?

По "отписке" тарского воеводы С. И. Исленьева, в 1625 г. и в 1626 г. торгутские улусы Хо-Орлюка кочевали по Иртышу, в районе Камышлова, затем Каратуни. Все эти места были заселены ясачными людьми русского государя. Царская администрация не разрешала торгутам кочевку по Иртышу.[7] Верховья Иртыша находились во власти джунгарских феодалов. Дружественные связи Хо-

---

[1] Калмыцкие дела, 1640, № 3, л. 1–11.
[2] Междуречье Яика и Волги далее будет называться просто "междуречьем".
[3] Калмыцкие дела, 1640, № 3, л. 17, 18.
[4] Там же, л. 18, 19.
[5] Левый рукав дельты Волги.
[6] Калмыцкие дела, 1635, № 1, л. 9, 10, 16.
[7] Сб. документов. Док. 71.

Орлюка с дербетским правителем Далаем Батыром в то время были прерваны.[1] Анонимная "История калмыцких ханов" сообщает, что вследствие раздоров среди ойратов Хо-Орлюк со своими подвластными в 1628 г. отошел от Джунгарии и двинулся на запад, к Яику, заведомо зная, что земли там никем не заняты. Габан Шараб сообщает, что Хо-Орлюк перед тем, как отправиться на Яик, послал туда своих сыновей Дайчина и Лаузана, а сам двигался вслед, не извещая об этом правительство России (Сказание... Л. 215 об.). В 1632 г. царские служивые люди обнаружили улусы Хо-Орлюка в верховьях р. Тобола. Можно полагать, что какая-то часть его улусных людей вышла к верховьям Яика.[2]

Двигаясь на Яик, Хо-Орлюк беспрестанно заботился о поддержании добрых отношений с русскими людьми. Когда улусные люди дербетского правителя Далая Батыра ограбили в Тюменском уезде некоторых ясачных людей Русского государства, Хо-Орлюк доказал непричастность торгутов к этому делу и заверил русских посланцев, что он и "детям своим, и внучатам, и улусным своим людям и иным тайшам, которые с ним вместе кочуют, с государевыми людьми задору чинить не велит". В том же году торгутский правитель и его братья Беле Эрдени, Ельде и Урукту отправили послов и торговых людей с лошадьми в Тюмень, где калмыки получили право вести торговлю с городским и окрестным населением уезда.[3]

Хо-Орлюк недолго кочевал в верховьях Тобола. Весной 1635 г. его настигли джунгарские и дербетские тайши, а вместе с ними и казахские ратные люди, возглавляемые султаном Джахангиром (в русских документах Янгир). Они оттеснили Хо-Орлюка к Эмбе, затем к низовьям Яика. Об этих событиях астраханский воевода сообщил в Москву следующее: "... сею весны приходили на Дайчина-тайшина отца, на Урлюка тайшу, войною дважды чекурские калмыки,[4] да казацкие орды Янгир-царевич, и многих калмыцких людей Урлюка тайши побили и живых поймали, и Урлюк де тайша хочет з востальными своими улусы прикочевать к сыну своему к Дайчину тайше. А Дайчин де тайша ныне с калмыцкими людьми кочуют по Яику".[5]

---

[1] Богоявленский С. К. Указ. соч.

[2] Сб. документов. Док. 94.

[3] Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб, 1875. № 138. XII. С. 470–475.

[4] "Чекурские" калмыки – имеются в виду джунгарские, возможно, дербетские и хошутские люди.

[5] Калмыцкие дела, 1635, № 1, л. 1.

Так калмыки не вдруг и не сразу прикочевали в Приуральские степи, а в течение 1630–1635 гг. Главные причины прихода калмыков в Приуралье становятся очевидными: прежде всего, это земельная теснота и поиски свободных земель, установление постоянного обмена на рынках России, неудачи в межфеодальных распрях.

Выяснение вопроса поселения калмыков в междуречье требует обстоятельного учета политической обстановки, сложившейся на юго-востоке России в 30-е годы.

Астрахань – хорошо укрепленный город, окруженный со всех сторон водными преградами – многочисленными рукавами дельты Волги, был превращен русскими властями в важный стратегический, административный и торговый пункт на юго-востоке России. На восточном берегу реки Волги, называемой "ногайской стороной", размещались потомки золотоордынских татар – большие ногаи; на западе, в "крымской стороне", жили малые ногаи. Ногайские татары вступили в русское подданство еще при Иване Грозном. Их феодалы – мурзы не сразу покорились царской власти. Некоторые из них длительное время проявляли непокорность русским властям. Ногайский мурза Казый, образовав в конце XVI в. крупную феодальную группировку, неоднократно нападал на московские владения, затем вошел в сношения с крымским ханом Казы-Гиреем. В 1604 г. Казый расположил свои улусы по р. Кубань и побережью Азовского моря.[1] Эта часть татар в русских документах получила название "казыевские татары" или "казыевские улусы".

К началу XVII в. ногайцы уже не были столь могущественны, как во времена Грозного. Постоянные междоусобия, голод, войны, стихийные бедствия и русско-татарские конфликты уменьшили численность ногайских улусов.[2]

В XVII в. татары дробились на несколько феодальных группировок. Так, например, вблизи Астрахани жили юртовские, алтыульские, едисанские, енбулуцкие и другие татары. Пользуясь постоянными междоусобными распрями, астраханские воеводы все больше закабаляли их. Порой они сознательно сеяли рознь между ними, чтобы привести их к окончательному разорению. Вот что об этом писал в 1619 г. астраханский воевода: "Мы, видя у них такую многую недружбу меж них на обе стороны, ссорим порознь, таясь от них друг от друга, чтобы та наша ссора была им не явна, и недружбу им подкрепляем всякими обычаи, а приводим к тому, что ту рознь и войну привести к конечному их разорению".[3]

---

[1] Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVIIв. М.-Л., 1948.

[2] Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 211.

[3] Богоявленский С. К. Указ. соч.

В 20-х годах XVII в. группировка ногайских мурз, возглавляемая князем Канаем и Нурадыном Каракельмаметом, придерживалась прорусской ориентации и использовалась царским правительством для борьбы с казыевскими татарами и другими мурзами, не подчинявшимися Русскому государству.[1]

Первыми из татар, которые не пожелали быть холопами русского царя и ушли на восток к Яику и Эмбе, были алтыульские мурзы. В 1628 г. они, как известно, примкнули к группировке Чокура. Царское правительство, во избежание новых сношений ногайских мурз с крымскими феодалами и их агентами, запретило перемещение больших ногаев на "крымскую сторону" реки Волги. Одновременно были приняты меры для возвращения тех татар, которые ранее успели перейти Волгу.[2]

Вольные просторы "крымской стороны" Волги давно привлекали кочевников обильными травами, реками и озерами, богатыми рыбой, тучными стадами сайгаков и теплым климатом. В начале 30-х гг. XVII в. рискнули пробраться на крымскую сторону юртовские татары. Их положение на ногайской стороне, вблизи Астрахани, было крайне тяжелым. На крымской стороне они расположились на Мочагах. Царское правительство приказало астраханским стрельцам "сбить" их оттуда и вернуть на прежние места, где они вскоре "вконец погибли: а животина их помирала с голоду".[3]

Московское государство превратило город Астрахань в удобную базу и форпост для обеспечения господствующего положения царской администрации в Нижнем Поволжье. Адам Олеарий, посетивший Астрахань в 1636 г., увидел хорошо укрепленный город с большим гарнизоном в 4500 стрельцов при 500 орудиях.[4]

За нарушение шерти и нападение на окраинные города России совместно с людьми крымского хана царское правительство не раз учиняло расправу над татарами.[5] В 1634 г. возле Астрахани вспыхнуло волнение ногайских татар, вызванное произволом и насилием, чинимыми царской администрацией. Часть ногайцев под предводительством мурзы Кейкувата отошла из-под Астрахани, подалась на Кубань, где Кейкуват вошел в контакт с крымским ханом.[6]

Используя ситуацию, Дайчин приблизился к Астрахани, вступил в переговоры с астраханским воеводою о торговле и предложил

---

1 Ногайские дела, 1622–1623, № 3, 4; 1625, № 3.
2 Там же, 1629, № 1.
3 Там же, 1633, № 1, л. 12–14.
4 Reise von Adam Olearius. Schlezwig, 1647. S 400, 402.
5 Ногайские дела, 1634, № 2.
6 Там же, № 3; 1635, № 6.

свои военные услуги против "государевых изменников".[1] К этому делу он призвал отца и братьев,которые собрали свои отряды и сосредоточили их у реки Бузан и в Рын-песках.[2]

Правительство России не решалось использовать калмыков в борьбе с "государевыми недругами и изменниками", поэтому переговоры между сторонами приняли затяжной характер. Калмыцкие тайши вместе с алтыульскими мурзами ходатайствовали перед астраханским воеводою о разрешении им кочевать между Яиком и Волгою, вблизи Астрахани. Эту просьбу они объяснили тем, что "боятца на себя калмыцкого приходу, которые кочуют в дальних кочевьях под сибирскими городами". Опасения их были не напрасны. Так называемые в русских документах "дальние"[3] калмыки, используя древние традиционные связи, все настойчивее требовали от торгутских владельцев повиновения, выдачи недругов Чокура и алтыульского мурзы Салманая.[4] Неповиновение означало войну.

Когда же волнение татар было подавлено и опасность новых набегов со стороны феодалов Крымского ханства была временно ликвидирована, правительство сочло нужным добиваться удаления калмыков от Волги и Астрахани в места прежних кочевий. С этой целью в улусы Дайчина был направлен посол Л. Степанов, который сказал калмыцкому правителю, что он со своими людьми не должен ходить за Волгу на казыевских и ногайских татар, так как они якобы "учинились холопами" русского государя. Затем он потребовал, чтобы пришлые калмыки ушли в свои дальние кочевья и дали в Астрахань аманатов. Дайчин заявил, что без "государева указу войною на крымскую сторону на ногайские улусы не пой-

---

[1] Калмыцкие дела, 1636, № 1, л. 7. "... Без государского повеления ходити не станут и учнут в Астрахань приезжати для торгу с лошадьми и з живностью. А будет де укажет им государь с своими государевыми ратными русскими людьми итти за Волгу на ногайские и на казыевские улусы войной и они де с русскими людьми на ногайские и на казыевские улусы тотчас пойдут и аманаты в Астрахань дадут добрые".

[2] Рын-пески (Нарын-пески) – песчаные пространства между Яиком и Волгою в Прикаспийской низменности.

[3] "Дальние" калмыки, в отличие от калмыков, прикочевавших в Приуралье, жили под сибирскими городами и в Джунгарии.

[4] Калмыцкие дела, 1636, № 1, л. 2–13, 31, 59. "Сее де осени калмыцкий Дайчин тайша с отцом своим Урлюком тайшею, з братею и з детми и с племянники и с алтыульскими мурзы... послали в Астрахань едисанского татарина Абдулмурзина улусу Тиникеева Ялабердайка для того, что им, калмыкам, быти в холопстве у великого государя и кочевати бы им под Астрахани в ближних кочевьях потому, что они боятся на себя калмыцкого приходу, которые кочуют в дальних кочевьях под сибирскими городами".

дет", а предложение относительно дачи аманатов и ухода в дальние кочевья он отклонил.[1]

Вскоре калмыки предложили представителям царской администрации назначить новые переговоры для "подлинного договора", которые состоялись летом 1636 г. в местечке Берекет у реки Бузан. Однако стороны не пришли к соглашению по основным вопросам. Например, по вопросу о заложниках Дайчин соглашался только на двустороннее аманатство в период совместной войны против государевых недругов на крымской стороне Волги. В обычных условиях им предлагалось обоюдное заложничество сроком на 5—10 лет при условии, что калмыки будут кочевать между Волгой и Яиком с правом торговли в российских городах. Свой отказ от ухода в дальние кочевья торгутский правитель мотивировал тем, что "чекурские калмыки" и "Далай тайша з братею" ему враги и поэтому торгуты не только не могут идти в дальние кочевья, но вынуждены просить помощи у астраханского воеводы.[2]

Представители русской администрации не согласились с предложениями Дайчина-тайши. Неуступчивость царского правительства вынудила тайшей пойти на похищение толмача Кузьмы Артемьева, которого они через некоторое время отпустили в Астрахань передать заявление, что тайши, оставаясь в послушании, просят положительного решения вопроса о кочевьях между Волгою и Яиком, а также о торговле вблизи Астрахани. Их заявление заканчивалось предупреждением, что в случае отказа калмыцкие тайши вынуждены будут установить контакты с ногайскими и казыевскими мурзами крымской стороны.[3]

Часть ногайских и едисанских мурз, не согласных с политикой князя Каная, примкнула к Дайчину-тайше и кочевала в междуречье совместно с калмыками. Есть основания думать, что часть ногайских и едисанских мурз пыталась обострять русско-калмыцкие отношения.[4] Сообщение о намерениях калмыков установить контакты с "недругами" обеспокоило астраханского воеводу. Он не

---

[1] Калмыцкие дела, 1663, № 1, л. 61—67.

[2] Там же, л. 65, 66. "Да им де недруги чекурские калмыки, Далай тайша з братею. И им бы де давати из Астрахани на тех ево недругов твоих государевых ратных людей с вогненным боем. А из Астрахани на ково на твоих государевых непослушников учнут посылать твоих государевых ратных людей и он де, Дайчин, потому ж с твоими государевыми ратными людьми итти готов".

[3] Калмыцкие дела, 1663, № 1, л. 67, 68.

[4] Там же, л. 73. "И те де ногайские и едисанские татаровя калмыцкого Дайчина тайшу наводят на всякое дурно и велят ему Дайчину с улусы кочевать меж Волгою и Яиком блиско Астрахани и аманат в Астрахань давати не велят и везде бывают в вожах у калмык".

располагал достаточными военными силами, чтобы оттеснить калмыков в дальние кочевья.[1]

Упорная борьба Московского государства с Крымом и его союзниками в 1634–1636 гг., недостаток русских вооруженных сил в Астрахани, полный распад Большой Ногайской Орды и опустение степных пространств между Волгой и Яиком,[2] с одной стороны, готовность Дайчина участвовать на стороне Москвы в борьбе с ее "недругами и изменники" в счет предоставления калмыкам в междуречье территории для кочевания, с другой, были обстоятельствами, которые, несомненно, учитывались русским правительством, принявшим решение разрешить калмыкам кочевку между Яиком и Волгою.

В переписке тобольского воеводы с калмыцкими тайшами за 1636–1637 гг. есть сообщение о том, что государь "велел ему (Дайчину – *М. К.*) кочевать по Яику и по Волге, Астрахани блиско..."[3] Это сообщение подтверждает расчеты А. А. Гераклитова и Н. Н. Пальмова, согласно которым калмыки прикочевали к Волге в первой половине 30-х гг. XVII столетия.

Однако калмыки недолго кочевали у Волги, вблизи Астрахани. Калмыцкие улусы откочевали от Астрахани и Волги и расположились главным образом по Яику и по "ишимским вершинам".[4] Главных тайшей потянуло на восток, что объясняется изменением обстановки в Сибири и Средней Азии, где в 1637 г. наступило затишье в межфеодальной борьбе. К тому же пребывание калмыков в низовьях Волги осложнилось возвращением в район Астрахани из-под "крымского владения" отдельных татарских мурз с их улусами.[5]

Так заканчивается второй этап движения калмыков на запад, к Волге.

---

[1] Калмыцкие дела, 1663, № 1, л. 68. "... Калмыцкие люди, бояся на свои улусы приходу войною Чекурских калмыков, с ногайскими и с казыевскими мурзы на соеди начались. А калмыцких, государь, людей войною твоих государевых ратных людей, чтоб их, калмыцких людей, от Астрахани отогнать в дальние их кочевья, за безлюдством послати некого".

[2] Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 223–241.

[3] Калмыцкие дела, 1636–1637, № 2, л. 106, 107.

[4] Там же, л. 93. "А ныне де он, Урлюк тайша, ис под Астрахани прикочевал на ишимские вершины... для того, чтоб де у нево с Кушею тайшею недружба, и ныне де Кушина и его Урлюкова улуса лабы (ламы – *М. К.*) хотят их мирить.

[5] Ногайские дела, 1639, № 1.

Выводы

Прослеживая путь движения калмыков из Джунгарии в Сибирь, а затем в Приуралье и дальше к берегам Волги, мы не находим фактов, могущих подтвердить концепцию Н. Я. Бичурина (Иакинфа), А. М. Позднеева, Н. И. Веселовского, архимандрита Гурия, С. А. Козина и других авторов, которые видели в этом движении реализацию планов калмыцкой "экспансии" в российские пределы.

Напротив, актовые и другие документальные материалы правительства и местных властей России, равно как и калмыцкие источники, полностью опровергают эту концепцию, позволяют восстановить более или менее полную и подлинную картину движения кочевых групп калмыков к Волге, вскрывают объективные исторические условия и причины добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства. При этом ясно прослеживаются основные направления движения калмыков: вначале на север и северо-запад, к Таре, Тюмени и к Тоболу, затем на запад, к Уралу, и, наконец, к Волге.

Калмыки в начале 1632 г. пришли в Приуралье и вошли в соприкосновение с ногайскими и едисанскими мурзами. После инцидентов 1632 г. на р. Большая Узень царская администрация потребовала от калмыцких тайшей освобождения территории междуречья. Калмыцкие улусы сосредоточились по восточному побережью Яика и по Эмбе, но вскоре были оттеснены тайшами "дальних" калмыков и казахскими феодалами в верховья Яика и в отроги Урала. Однако отсутствие кормов для скота в зимнее время и конфликты с башкирскими правителями вынудили калмыков снова спуститься к низовьям Яика и в междуречье на пастбища, где скот мог находиться на подножном корму. В результате неоднократных переговоров с властями царской России калмыки получили в конце концов разрешение на кочевку между Волгою и Яиком.

Учитывая сложную обстановку на юго-востоке России в связи с массовым переходом ногайских, едисанских и казыевских татар под власть крымского хана, Дайчин стал предлагать Московскому правительству свои военные услуги. Русское государство в то время не располагало достаточными силами на юго-востоке, поэтому не могло не принять во внимание эти предложения калмыков. Сказанным объясняется, почему, видимо, уже в 1636 г. правительство России разрешило калмыкам кочевать в Приуралье и в междуречье.

Основными причинами, определившими движение калмыков к Волге, были следующие:

1. Постоянное увеличение числа членов феодальных фамилий вело к непрерывному дроблению феодальных уделов, что наряду с

естественным ростом поголовья скота создавало нехватку земли и требовало увеличения пастбищных территорий для кочевий.

Отсутствие пастбищных резервов внутри ойратских владений толкало их правителей на путь междоусобной борьбы и внешней экспансии в сторону кочевий монгольских, казахских, киргизских, ногайских и других феодалов. Последние, в свою очередь и по тем же причинам, частенько совершали набеги на калмыцкие кочевья. Земельная теснота, военные неудачи во внутренних распрях и в период внешних столкновений вновь и вновь толкали отдельные группы тайшей к поискам новых пастбищных территорий в Телеутских, Барабинских и Ишимских степях, и далее на запад к Уралу, находившихся в ведении или под контролем Московского государства.

2. Иртышские, ишимские и тобольские земли к 30-м гг. XVII в. были заселены в основном ясачными людьми Московского государства и отчасти джунгарскими, хошутскими и дербетскими тайшами, то вступавшими в подданство русского царя, то отрекавшимися от него. Торгутским правителям не нашлось в тех местах гарантированных привольных пространств для кочевий. Относительно редкая заселенность территории Приуралья и Поволжья, возникшая вследствие упадка Большой Ногайской Орды, привлекла внимание калмыков и определила их движение к Волге.

3. Кочевой народ, занимавшийся скотоводством и охотой, постоянно нуждался в обмене продуктов своего производства на предметы промышленного и земледельческого производства. Калмыки, двигавшиеся на запад, постепенно утрачивали торговые связи с традиционными рынками Восточной Азии. Обмен на рынках Бухары, Ургенча и Кызылбаша (Персия) все более затруднялся. Сократилась торговля торгутских тайшей и с сибирскими городами. Поселение калмыков в Приуралье и междуречье обеспечивало им возможность постоянных торговых сношений с населением Урала, Поволжья, Дона и Центральной России. Это обстоятельство составило второй (после проблемы пастбищ) важный экономический фактор, определивший их движение в Приуралье, к Волге.

4. Русское государство, со своей стороны, было экономически заинтересовано в поставках лошадей для армии, рабочего и продуктивного скота для крестьянского и феодально-помещичьего хозяйства России. С приходом калмыков в Россию возрос спрос на предметы промышленного, кустарного и сельскохозяйственного производства, усилился товарный обмен внутри государства.

Окончательное заселение полупустынных степных пространств Приуралья, а в дальнейшем и Поволжья кочевым народом, богатым табунами лошадей, стадами крупного рогатого скота и много-

численными отарами овец, несло прямую экономическую выгоду государству,[1] способствовало дальнейшему расширению всероссийского рынка.

5. Международная обстановка на западе и юге Русского государства складывалась в то время неблагоприятно. В этих условиях обострение отношений с кочевниками Сибири и прилегающих к ней земель было для России нежелательно. Военные конфликты с калмыками в 1607, 1611–1613 и в 1632 гг. создавали излишнюю напряженность на востоке и юго-востоке Русского государства. Учитывая это, Московское правительство в большинстве случаев прибегало к мирным средствам решения спорных вопросов с кочевниками. Пользуясь недостатком пастбищных земель у калмыков и их заинтересованностью в установлении постоянного товарооборота, Москва разрешила им свободное передвижение "под сибирскими городами, где похотят", шла им навстречу в вопросах торговли, освобождала от ясака, обещала оборонять их от недругов и т. п., требуя за это одного – "быть в вечном холопстве" (т. е. подданстве) и в "послушании", служить русскому государю "неотступно". Приход калмыков в Приуралье, а затем в междуречье был вначале встречен недоброжелательно, но в середине 30-х гг. XVII в., когда усилились волнения ногайских татар и обострились отношения с Крымским ханством, Московское правительство, учитывая полезное интересам государства стремление Дайчина вести борьбу "с государевыми изменниками и недругами" на юго-востоке России, сочло для себя выгодным разрешить калмыкам кочевку в междуречье Яика и Волги.

Таковы, на наш взгляд, условия, определившие движение части ойратов, т. е. калмыков, к Волге. С этого момента получили свое развитие процессы формирования особой калмыцкой государственности и складывания новой, монголоязычной, калмыцкой народности в пределах России.

---

[1] Страхов А. Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа. СПб, 1810. С. 42; Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России. С. 17.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

История образования Калмыцкого государства в составе России — вопрос сложный и недостаточно исследованный.

Исторически обусловленный процесс становления Калмыцкого ханства в составе России, на наш взгляд, начался в 40-х гг. XVII столетия, когда остро встал территориальный вопрос и возник политический кризис в калмыцком обществе. В конце 50-х и в начале 60-х гг. калмыцкое общество обретает первые признаки государственности: официально определилась территория для кочевий, ясно выразились черты монархической власти, укрепилась феодально-иерархическая структура управления, унаследованная у ойратов и нашедшая яркое отражение в Монголо-ойратских законах 1640 г. В данной главе отражены общественно-экономические и внешнеполитические факторы, определившие процесс образования Калмыцкого ханства, вассально зависимого по отношению к России.

1. Кризисная обстановка 40-х годов

Поселение калмыков в междуречье Яика и Волги в первой половине 30-х годов XVII столетия было еще непрочным и неокончательным. Политическая форма организации той группировки калмыцких тайшей, которая прикочевала к Волге, еще не определилась, традиционные связи этих тайшей с Джунгарией не были прерваны. Находясь в Приуралье и в междуречье, они еще не чувствовали себя здесь постоянными обитателями. Естественно, поэтому, как только утихли феодальные распри в ойратском обществе Джунгарии и установились мирные отношения между местными феодалами и казахскими султанами, калмыцкие тайши потянулись к кочевьям своих сородичей в Джунгарии и восстановили торговые связи с казахскими жузами, с Бухарой и Ургенчем,[1] открыв их купцам безопасные торговые пути в Астрахань и в другие города России.[2] Сын Хо-Орлюка тайша Ельден в 1636—

---

[1] Ногайские дела, 1638, № 1, л. 37. В улусах Дайчина-тайши находились послы бухарского хана Букея, "юргенского Исфандияра царя", и "от казацкого царя", и они говорили "об миру, чтоб им меж себя в миру и в совете и торги бы меж ими были повольные".

[2] Калмыцкие дела, 1636, № 1, л. 72, 73.

1637 гг. развернул большую торговлю в Бухаре, а сам Хо-Орлюк и три его брата с улусами прикочевали в верховья Ишима. Тобольский воевода заинтересовался причиной перемещения торгутов на восток и через своих представителей установил: во-первых, что Хо-Орлюк прибыл в верховья Ишима в урочище Аман-Карагай (Кош-Карагай) на съезд, подготовленный ойратскими ламами, для примирения с Далаем Батыром, Гуши и другими тайшами, мирил их хутухта (кутукта);[1] во-вторых, "Урлюк прикочевал из ногайской стороны на Черные пески для того, что у него и у детей ево Дайчина с братею в улусах многие люди, и им кочевьем своим по Волге и в Ногайской степи уместитца негде"; в третьих, "в ногайской стороне торговать не с кем, а с бухарскими де людьми у них ныне великие торги".[2]

Таковы сообщения, полученные тобольским воеводой, о причинах перекочевки Хо-Орлюка на восток, к верховьям Ишима и к Каракуму.

Торговые связи калмыков с русскими городами Приуралья и Поволжья хотя и не прекращались, однако в то время заметно ослабли. Одной из главных причин наметившегося упадка русско-калмыцкой торговли послужил царский указ о "заповедных товарах", согласно которому население русских городов и волостей лишилось права продажи калмыкам пороха, оружия, рубящих и режущих изделий.[3]

Накануне 1640 г. межфеодальные противоречия и усобицы в ойратском обществе несколько ослабли. Помирившись с правителями "дальних" калмыков, т. е. ойратов Джунгарии, Хо-Орлюк в 1639 г. продвигался близ сибирских городов к Джунгарии, куда был приглашен с двумя сыновьями на предстоящий съезд халхаских и ойратских князей.

5 сентября 1640 г. в урочище Шибегийн-Улан-Бура у Тарбагатайских гор начал свою работу так называемый монголо-ойратский съезд князей и ханов.[4] На съезд прибыли представители высшего

---

[1] Хутухта (кутукта) – наместник Далай-ламы. Ю. Лыткин в примечании к "Истории Калмыцких ханов" сообщает, что первым наместником Далай-ламы среди ойратов был Инзен (Инза) Римбоче, родом из Тибета. В 1639 г. ему на смену Далай-лама послал Хутухтуин Гегена, т. е. Зая-Пандиту, родом из хошутов (см.: Указ. соч. С. 7).

[2] Калмыцкие дела, 1636–1637, № 2, л. 57, 84, 93, 103–108.

[3] Там же, 1639, № 1, л. 24.

[4] Монголо-ойратские законы 1640 г. ... С. 96.

ламаистского духовенства – Инза Римбоче, Ашобия Манчжушири, Хутухтуин Геген (Зая-Пандита) и др., а также представители халха-монгольской и ойратской феодальной знати. Всего на съезде присутствовало 28 халха-монгольских и ойратских владетельных князей и ханов. В списке участников съезда указываются имена халхаских Засакту-хана, Тушету-хана, кукунорского Гуши-хана, джунгарского Батура-хунтайджи, торгутских нойонов Хо-Орлюка и его сыновей Дайчина и Ельдена.[1]

Съезд выработал и утвердил монголо-ойратские законы "Ики Цааджи", т. е. "Великое Уложение",[2] в котором главное внимание было уделено созданию юридических гарантий для предотвращения новых междоусобиц. Участники съезда дали клятвенное обещание не производить никаких распрей и несогласий.[3] Торгутские тайши в знак примирения заключили здесь брачные союзы с джунгарским правителем Батуром-хунтайджи[4] и другими крупными тайшами, после чего отправились в обратный путь к своим кочевьям, взяв с собой "Великое Уложение", постановлениями которого руководствовались во взаимоотношениях между собой и другими тайшами, а также при управлении своими подвластными.[5]

Джунгарский съезд, как казалось, должен был надолго положить конец межфеодальным распрям, создавая условия для возвращения торгутов в "дальние кочевья" (т. е. в Джунгарию), чего так настойчиво в то время добивалось царское правительство. Обстановка в Средней Азии также благоприятствовала этому – торгутские тайши приняли участие в династической борьбе ургенчских ханов[6] и упрочили торговые связи со среднеазиатскими рынками.

---

[1] Монголо-ойратские законы 1640 г. ... См. также: Калмыцкие дела, 1640, 5 сент., № 1, л. 2, 2 б.

[2] Там же. См.: Зап. Калм. НИИЯЛИ. Вып. 2. 1962. С. 46.

[3] Тюмень Батур-Убуши. Сказание о Дербен-ойратах // Астрахан. губерн. ведомости. 1861, № 53, С. 3.

[4] История Калмыцких ханов. С. 3. Примеч. 4. Сын Дайчина – Пунцук (Бунчук, Мончак) женился на дочери Батура-хунтайджи. У новобрачных родился сын Аюка, который жил в Джунгарии до 1654 г.

[5] Оригинал "Великого Уложения" не сохранился. В РГАДА в калмыцком фонде в деле № 1 за 1640 г. имеется "копия (на мунгальском языке) с уложения или прав Мунгальских и Калмыцких народов, полученная при доношении полковника Беклемишева".

[6] В 1641 г. в улусе Чункея (Шункея, Сюнкея) зимовал ургенчский Абул-Газы (Абал-Касим-царевич), который бежал из Ургенча "от убийства брата своего Исфедеяра царя в Кизыл-баш", а оттуда пришел к калмыкам. Абул-Газы просил у Чункея ратных людей для борьбы с братом. Калмыцкие тайши помогли ему вернуться в Ургенч, где в то время был посажен их ставленник алтыульский мурза Айтек. Исфендиар находился в Хиве (см.: Абул-Газы. Родословное дерево тюрков. Казань, 1906. С. 283).

Однако мирная жизнь калмыцких феодалов продолжалась недолго. Не успели Хо-Орлюк, Дайчин и Ельден вернуться из Джунгарии в свои улусы, как снова ожили противоречия между различными ойратскими феодальными группами. В 1642 г. дербетский Дайчин-хошучи (сын Далая Батыра) нарушил мирные отношения с торгутскими правителями. Дочь Хо-Орлюка, будучи женой Дайчина-хошучи дербетского, порвав супружеские узы, ушла от мужа и вернулась в улусы отца, приведя с собой, по сведениям П. С. Палласа, до 2 тысяч подвластных ей людей и семилетнего внука Далая Батыра – Солом-Церена.[1]

Дайчин-хошучи пустился в погоню за беглецами и погиб в одном из сражений с торгутами. Есть основание полагать, что все его улусные люди общей численностью до 7 тысяч человек достались победителям.[2]

Дербето-торгутский конфликт 1642 г. и гибель Дайчина-хошучи были восприняты другими крупными нойонами – участниками съезда 1640 г. – как грубое нарушение мира и единства монгольских и ойратских феодалов, что, согласно "Великому Уложению", каралось полной или частичной конфискацией имущества.[3] Это обстоятельство дало повод джунгарским правителям начать войну против отделившихся калмыцких тайшей. В то же время феодалы "Балхинского царства", т. е. Бухарского ханства, совершили нападение на торгутов и "многие улусы повоевали и конские и животинные стада отогнали".[4] Эти обстоятельства заставили торгутов сосредоточиться по Яику и возобновить торговлю с Астраханью.[5]

В 1642 г. крупные тайши "дальних калмыков" (так русские архивные документы часто именовали обитателей Джунгарского ханства) совершили безуспешное нападение на улусы Дайчина и Лаузана. Опасаясь нового прихода "дальних калмыков", торгутские тайши подались за Яик. Хо-Орлюк расположился в "Индерских горах" (на правом берегу Яика), сыновья Дайчина – Даян-Эрке и Нама-Серен (в документах иногда именуемый Мамасрен) кочева-

---

1 Pallas P. S. Samlungen... S. 148.

2 Архив РАН. Ф. Миллера, № 271, ч. II, д. № 5. Генеалогическая таблица дербетовских тайшей.

3 "Если какой-либо человек, разрушивший это правило (т. е. установленный порядок управления), побьет людей и разграбит большой аймак, то Монголы и Ойраты должны соединиться и, оставивши только его самого (разорителя), все другое (имение) его должны взять, одну половину отдать остающимся (от разорения), остальное разделить пополам" (Монголо-ойратские законы... Пер. К. Ф. Голстунского. С. 36).

4 Калмыцкие дела, 1641, № 1, л. 20.

5 Там же, л. 24.

ли по Камыш-Самаре. Шункей и Санжиб кочевали в верховьях Яика. Дайчин вскоре после стычки с джунгарскими феодалами отправился в Лхасу на богомолье, а также, возможно, с целью апелляции к главе ламаистской церкви на незаконные действия обидчиков.[1]

1643–1644 гг. ознаменовались на юго-востоке России возмущениями ногайских татар, феодальными авантюрами калмыцких тайшей и ответными репрессивными мероприятиями царских властей. Все началось с событий под Астраханью, куда, порвав с крымским ханом, вернулись с повинной ногайские мурзы Иштереков с братьями, Салтанаш, Салтаналы и другие. Они привели с собой к Астрахани около 10 тысяч подвластных людей и снова приняли русское подданство. Астраханский воевода князь Ф. Телятевский не принял во внимание повинные мятежных мурз, арестовал главных из них и заточил их в крепость и в другие темницы, а улусных их людей обобрал. В ответ на это мелкие ногайские и едисанские мурзы, оставшиеся на свободе, обратились в Москву с жалобой на князя Телятевского. Жалобы поступили к царю через астраханского архиерея А. Пахомия.[2]

Жалобщики не только просили царя избавить их от притеснений астраханской администрации, они предупреждали его также о том, что жестокий произвол астраханского воеводы вынуждает ногайских и едисанских татар идти в подчинение к калмыкам. Некоторые едисанские мурзы действительно установили тайные сношения с Даян-Эрке-тайшою (сын Дайчина), с которым договорились организовать побег из-под надзора астраханских стрельцов. 19 февраля 1643 г. едисанские татары, жившие подле Астрахани, уничтожили стрелецкую охрану и под прикрытием калмыцкой конницы переправились с семьями и со скотом через реку Кутумовку,[3] затем, вместе с калмыками, ушли к Яику. Юртовские татары тоже намеревались пуститься в бегство, однако не смогли одолеть охрану стрельцов.[4]

---

[1] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 254–268. "И тому де другой год поехал Дайчин тайша из улусов своих из-за Яика реки, из дальних кочевых мест с урочища с Аман-Карагая по своей калмыцкой вере молитца к Мекке за сибирские города". (Показания едисанского татарина, служившего при дворе Дайчина-тайши.)

А. М. Позднеев считает, что Дайчин отправился в Тибет в 1646 г., что не соответствует действительности.

[2] Ногайские дела, 1643, № 1. "Переводы о подданных Астраханскому Архиерею Пахомию на имя государево челобитеи от ногайских мурз Кейкувата, Би-Мурзы, Салтанаша и от едисанских мурз в обидах,налогах и насильствах, причиненных им от воеводы князя Телятевского". (См. также: Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 47–87.)

[3] Река Кутумовка (Кутум) – восточный рукав дельты Волги.

[4] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 24–36, 403.

С. К. Богоявленский подробно описал сражение на реке Кутумовке, но тенденциозно осветил причины и значение этого события (указ. соч. С. 79, 80).

Чтобы смягчить последствия инцидента на реке Кутумовка, Даян-Эрке через некоторое время прислал в Астрахань письмо, в котором объяснял, что приходил под Астрахань по просьбе едисанских мурз, признавал свою вину перед государем и просил произвести обмен пленными, объясняя свое вмешательство в указанные события просьбой едисанских мурз.[1]

Вскоре из Москвы пришла царская грамота, по которой большая часть заключенных "начальных" мурз освобождалась из астраханской крепости и аманатного двора, а воевода Ф. Телятевский отстранялся от должности. Всех ногайских и едисанских мурз царь "миловал" и повелевал архиепископу Пахомию и новому воеводе Г. Траханиотову их "оберегать". Татары успокоились, однако у Астрахани оставаться не захотели: часть из них удалилась на крымскую сторону и направилась к Тереку, другая же часть подалась на север, к Царицыну и Саратову, где стала кочевать совместно с калмыками.[2] Калмыцкие тайши договорились с ногайскими и едисанскими мурзами о совместных походах на Казыевские улусы и заручились их поддержкой в случае, если на калмыков придут войною джунгарские тайши.[3]

Их опасения не были напрасны; джунгарские тайши действительно готовились к войне с торгутами. Хо-Орлюк снова ушел за Яик и стал кочевать по "астраханской стороне", а Лаузан, Чункей (Шункей) и Даян-Эрке тайши с улусными людьми кочевали по Узени и по Камыш-Самаре.[4] Алтыульские и едисанские мурзы с улусами стали кочевать вверх по Волге.[5]

В связи с волнениями ногайских и едисанских татар русско-калмыцкие отношения несколько обострились. Летом 1643 г. калмыцкие тайши пять раз вступали в переговоры с самарским воеводою Т. Шушериным, пытаясь установить контакт с царским правительством, нормализовать отношения с русскими властями и наладить торговые связи с населением приволжских городов. Но правительство России не удовлетворило просьбы калмыков, потре-

---

[1] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 36. Ногайские дела, 1644, № 1, л. 71. "Отец де Ерке тайши Дайчин тайша поехал по своей вере молитца к Мекке, а приказал сыну своему Ерке тайше у тебя, великого государя, быть в послушанье; а приходил де под Астрахань Ерке тайша по присылке едисанских мурз и их улусных людей, а не собою, и в том Ерке тайша перед тобою, великим государем, виноват. То он сделал с младоумья".

[2] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 70–76, 121–128, 278, 279, 315–320; Ногайские дела, 1644, № 1, л. 11, 12.

[3] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 331.

[4] Река Узень и озеро Камыш-Самара находятся между Волгою и Яиком.

[5] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 441, 442.

бовало от тайшей аманатов, выдачи едисанских и ногайских "изменников" и откочевки за Яик.

Калмыцкие тайши ответили: во-первых, что не отказываются выдать аманатов, что выдадут и татар, если те сами пожелают вернуться на прежние места под Астрахань, что откочевать в дальние кочевья, к сибирским городам, они не могут, "потому что де на старых кочевьях стоят недруги их кара-калмыки",[1] т. е тайши Джунгарии.

Осенью 1643 г. калмыцкие тайши совместно с ногайскими и едисанскими мурзами совершали самовольные вылазки за Волгу на Казыевские улусы и на ногайцев, ушедших на Терек. Вылазки совершались тремя группами. Первой выступила группа, возглавляемая Лаузаном. Переправившись через Волгу ниже Царицына, она двинулась на Кубань, где разгромила улусы казыевского Карашеима-мурзы и вернулась обратно. Другая татаро-калмыцкая группа, возглавляемая Даяном-Эрке, направилась к Тереку с намерением присоединить ту часть ногайских татар, которая ушла с Кейкуватом-мурзою. Она перешла Волгу в 70-ти верстах выше г. Астрахани и дошла до Терека, но не обнаружила там улусов Кейкувата-мурзы; как выяснилось, последние ушли в горы. На обратном пути у Волги эта группа была встречена астраханскими ратными людьми, но ей удалось избежать столкновения с русским войском. Третья группа выступила в поход на Казыевские улусы под руководством Хо-Орлюка через несколько дней после Даяна-Эрке. Она вступила в горы Кабарды, но здесь ее постигла неудача. Группа Хо-Орлюка в феврале 1644 г. была наголову разбита в теснинах русскими, кабардинскими, черкесскими (черкасскими), казыевскими и ногайскими людьми; причем сам Хо-Орлюк, его сын Кересан и двое внуков погибли на поле битвы. Из 10 тысяч участников этого похода вернулась в улусы за Волгу только тысяча человек, остальные пали в сражениях или были взяты в плен.[2]

В статье С. К. Богоявленского рассказывается, что некоторые казыевские мурзы купили у черкессов прах упомянутых тайшей, повезли к Лаузану-тайше "на окуп". Астраханские ратные люди

---

[1] Калмыцкие дела, 1643, № 1, л. 487–532; 1644, № 1, л. 17, 150. "Кара-калмыки" – джунгарские калмыки (т. е. ойраты), которые, в отличие от "белых калмыков" (телеутов), назывались "черными"

[2] Ногайские дела, 1645, л. 106–113. Кабардинские дела, 1644, № 1, л. 157. Калмыцкие дела, 1644, № 1, л. 61. Версия о гибели Хо-Орлюка под стенами Астрахани, якобы во время осады, опровергается материалами РГАДА. Эта ошибочная версия впервые была опровергнута С. К. Богоявленским (см.: Указ. соч. С. 81, 82).

задержали путников у Волги. Так "кости Урлюковы" попали в г. Астрахань.[1]

Царское правительство, возмущенное авантюрами калмыцких и ногайских феодалов, решило покарать их. В этих целях в Самаре и Астрахани были сосредоточены войска, которые под командованием воевод Л. Плещеева и Ф. Волконского напали на калмыцкие улусы, захватили там более 20 тысяч лошадей и до 3 тысяч человек.[2] Калмыки и присоединившиеся к ним татары отступили за Яик. И только летом 1644 г. они получили передышку, расположив остатки своих улусов по рекам Илеку, Уилу (Оилу) и Сагизу.[3] Вытеснение калмыков из степных районов междуречья и Приуралья лишило их пастбищных территорий. Возник земельный кризис, т. к. "ничейных" степных просторов к середине XVII в. в этом районе уже не было. Желая довести до конца разгром непослушных тайшей, правительство России пыталось убедить правителя Джунгарии Батура-хунтайджи выступить против них, но не добилось успеха. Батур-хунтайджи решительно отказался участвовать в войне против Хо-Орлюка и его сыновей.[4]

Феодальные войны и междоусобные распри, затеваемые калмыцкими феодалами, обрекали эксплуатируемые массы калмыков на лишения и страдания. Военные авантюры 1643–1644 гг. наряду с карательными мерами царского правительства довели трудящихся калмыков до отчаяния. Полный и окончательный переход калмыков в подданство Русского государства объективно обеспечивал калмыцкому населению гарантированную территорию для кочевий и более спокойную жизнь по сравнению с той, которую калмыки имели под властью кочевой аристократии. Эта мысль все более осознавалась народными массами, распространяясь вширь и вглубь. Об этом достаточно ярко и убедительно свидетельствуют источники. Так, например, "улусные черные люди" Даяна-Эрке-тайши, доведенные до отчаяния, самовольно покинули своего правителя и сами направились "на государево имя". Даян-Эрке-тайша пустился в погоню и настиг их, но, не имея сил принудить их вернуться, вынужден был пойти на уговоры, убеждая их не оставлять его, обещая за это активно ходатайствовать, чтобы

---

[1] Калмыцкие дела, 1644, № 2, л. 61, 62.

[2] РГВИА, ф. ВУА, ч. 1, № 18416, л. 8, 9.

[3] Ногайские дела, 1645, № 1, л. 1–51. Реки Илек и Уил (Оил), Сагиз протекают в Актюбинской и Гурьевской областях Казахстана.

[4] Златкин И. Я. История Джунгарского ханства... С. 170, 190.

государь России принял их всех в "вековешное холопство", разрешил кочевать "вблиз Уфы, по Яику и по Сакмаре и к вершинам по Белой реке". Беглецы согласились вернуться к тайше. Даян-Эрке действительно вступил в переговоры с уфимским воеводой, обещая последнему дать аманатов. Ходатайство Даяна-Эрке было доведено до сведения Москвы, но царское правительство не торопилось с ответом.[1] О тяжелой участи эксплуатируемых калмыков С. К. Богоявленский писал: "Уход черных людей из улусов Даяна-Эрке в русские города и готовность раскрывать русским послам секретные намерения тайшей, сообщать о количестве в улусах воинских людей и пр. свидетельствует о том, что черным людям жилось нелегко у калмыцких феодалов".[2]

Переговоры Даяна-Эрке в Уфе о "холопстве" и его согласие на выдачу аманатов возмутили его дядю Лаузана-тайшу, который вначале хотел было идти войною на его улусы, но потом отказался от этого намерения и, как сообщает бежавший из плена стрелецкий пятидесятник Д. Брызгалов, иным путем, с помощью ламаистского духовенства, ликвидировал прорусские настроения улусных людей. Даян-Эрке был отравлен, а его улусные люди были отданы другому брату – Нама-Серену (Мам-Серен).[3]

В силу указанных событий положение калмыцкого народа к середине 40-х годов становилось все более тяжелым. Сокращение территорий для кочевания, для выпаса скота, для нормальной жизни создавало острую кризисную обстановку. Земельная теснота достигла к этому времени наивысшего предела. В этих условиях среди некоторых тайшей зародилась мысль о возвращении в Джунгарию.[4]

Итак, приведенные нами материалы неопровержимо свидетельствуют о том, что версия Н. Н. Пальмова и других исследователей, утверждавших, что Хо-Орлюк в 1643 г. вынашивал смелый план овладения Астраханью под влиянием "горячих речей" на курултае 1640 г., чтобы "воскресить славу времени Чингис-хана",[5] оказывается несостоятельной.

---

[1] Калмыцкие дела, 1644, № 1, л. 1–18. С. К. Богоявленский сообщает, что черные люди Даяна-Эрке "пошли за взятыми женами и детьми и собирались передаться на царское имя" (см: Указ. соч. С. 83).

[2] Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 85.

[3] Калмыцкие дела, 1644, № 1, л. 33.

[4] Златкин И. Я. История... С. 170, 171.

[5] Пальмов Н. Н. Этюды... Ч. III. С. 2.

2. Территориальный вопрос и окончательное поселение калмыков в Поволжье

О событиях 1643–1644 гг. Дайчин узнал по пути в Лхасу. Он принял срочные меры для восстановления мирных отношений с русскими властями. В июне 1645 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство во главе с "бакши Собинова"[1] и Кулачи Тарханом Азраевым, присланное от Дайчина и Ельдена "бить челом о принятии их под Российскую державу в послушание".[2]

Дьяки Посольского приказа составили царю доклад, в котором кратко сообщалось о событиях 1643–1644 гг. в изложении калмыцких послов, а также их просьбы. Послы решительно отклоняли обвинения в изменнических планах и делах, в насильственном захвате и задержании ногайских и едисанских татар. Они, в свою очередь, приводили факты, свидетельствующие о произволе русских воевод, в результате чего возникли смуты в Поволжье, о добровольном переходе татар на сторону калмыков: "А они де (т. е. калмыки), государь, николи не изменивали и городов его царского величества отчины не воевали и людей в полон не имывали, разве де где государевы люди на них найдут, и они де никого не задерут. А ногайских едисанов они не грабливали и не подговаривали, а прикочевали де к ним едисанские нагаи з женами и з детьми и со всем свои кочевьи сами от насильства астраханских людей".[3]

Показания калмыцких послов в Москве подтверждаются документами из фонда Ногайских дел РГАДА за 1643–1644 гг., в частности, челобитными Кейкувата, Би-мурзы, Салтанаша и других мурз "в обидах, налогах и насильствах, причиненных им от воеводы князя Телятевского".[4]

Несомненно, послы Дайчина стремились смягчить некоторые острые моменты в тогдашних русско-калмыцких отношениях, возникавшие по вине калмыцких феодалов, но не следует недооценивать и такие факты, которые свидетельствуют о хищничестве и злоупотреблениях местных представителей царской власти.

Дайчин и Ельден просили царя, "... чтобы государь велел им быть под своею царскою высокою рукою в холопстве, а они ему, великому государю, учнут служить и во всем добра хотети". Они также просили о возврате угнанного у них улусного населения и

---

[1] Совинг бакша – младший наставник.
[2] Калмыцкие дела, 1644, № 2.
[3] Там же, л. 24–26.
[4] Ногайские дела, 1643, № 1, 2; 1644, № 1.

скота, о передаче останков Хо-Орлюка, его сына и двух внуков, которые попали в Астрахань из рук казыевских мурз.[1]

Царское правительство выражало готовность выполнить просьбы Дайчина и Ельдена при условии, что названные тайши дадут аманатов. По этому вопросу послы не имели указаний от Дайчина, вследствие чего переговоры зашли в тупик.

Отпуская из Москвы калмыцких послов, царское правительство направило с ними своего представителя Алферия Кудрявцева для продолжения переговоров и для учинения договора, чтобы "быть им Российскому государству покорными", дать аманатов и идти в поход против крымского хана.[2] Как видим, Московское правительство уже в 1645 г. учитывало важность использования военной силы калмыков для борьбы против Крыма.

Миссия А. Кудрявцева не имела успеха. Калмыцкие феодалы не желали выдавать аманатов и не имели единого мнения по вопросу о вступлении в подданство к русскому царю. Ярым противником такого подданства был, в частности, Лаузан-тайша. Он послов в Москву не посылал, а в отсутствие Дайчина, который в это время находился в Тибете, выполнял роль главного тайши. Архивные акты говорят, что Лаузан питал надежду на установление мирных отношений с джунгарскими нойонами и мечтал о возвращении в Джунгарию.[3]

Пользуясь, хотя бы и временно, до возвращения Дайчина, правами старшего, он, безусловно, отрицательно влиял на ход переговоров с Алферием Кудрявцевым. Эти переговоры велись на р. Ори и в конце концов закончились провалом. Тайши отклонили предложения и требования царского правительства. Суть их возражений сводилась к тому, что они ходатайствовали только о мире, но не просили о принятии в "холопство" и быть там не намерены.

На требование А. Кудрявцева "быть под государевою рукою в повелении и в послушании и аманаты дать в Астрахань и Уфу" тайши под главенством Лаузана ответили отказом: "...то де мы знаем, что де нам быть в неволе... Наши деды, прадеды и отцы наши и мы прежним государем аманатов не давывали из веку ни за тайшей, ни черных людей. Тово у нас не повелось. А и нонче де нам аманатов дать нельзя ж, да и впред де у нас тово не будет".[4]

Столь решительная позиция тайшей в этом вопросе может быть объяснена тем, что они видели в выдаче аманатов угрозу своей

---

1 Калмыцкие дела, 1644, № 2, л. 27, 61, 62.
2 Там же, 1645, № 2.
3 Там же, № 1, л. 119.
4 Там же, 1645, № 2, л. 292.

самостоятельности, а поступаться ею они в то время никак не хотели. Тогда Кудрявцев, действуя согласно правительственной инструкции, перешел к угрозам и заявил, что российский государь пошлет на них ратных людей, башкир и татар. Тайши были возмущены таким заявлением, грозились избить А. Кудрявцева и продать его в Бухару. Такой оборот дела мог бы кончиться новой трагедией для калмыков, и, видимо, это хорошо понимали "черные улусные люди", равно как и мелкие феодалы, сторонники Дайчина-тайши. Они оградили русского посланника от неприятностей, дали ему приют и помогли добраться до Уфы. "Черные улусные люди" и мелкие тайши больше всего нуждались в решении вопроса о территории для кочевания и пастбищ, а это требовало быстрейшей нормализации русско-калмыцких отношений.

Провожая А. Кудрявцева, улусные люди говорили: "...а тайши нашего, Дайчина, в улусах нету, пошел по нашей вере молитца, и нам де, черным людям, без его, Дайчина, учинить того нельзя, что нам мимо тайшей государева повеления ждать. Как де будет Дайчин тайша и мы де о государеве деле о всем станем говорить".[1]

Осенью 1645 г. к тайшам Лаузану, Ельдену, Шункею и Нама-Серену прибыло посольство от джунгарского правителя Батура-хунтайджи и от нойона Кунделена Убаши и Хутухты. В русских архивных источниках сказано: "...ембулуцким татарам, чтоб они со своими улусами шли на сход для того, чтоб проводить вместе послов от дальних калмык, которые были у них с осени 153 года (1645 г.) от Комтайши да от Колденел тайши, кутукты с товарищи".[2] О каком "кутукте" здесь идет речь – не вполне ясно. Имея в виду, что он назван в одном ряду с "Комтайшей", т. е. Батуром-хунтайджи и Кунделеном, можно полагать, что "кутукта" – Зая-Пандита.

По всем данным, они обвиняли торгутских тайшей в нарушении клятвы и законов, принятых на съезде 1640 г. в Джунгарии. С этого времени переговоры между джунгарскими и калмыцкими нойонами велись неоднократно. Ультимативные, грабительские условия, предъявляемые джунгарскими феодалами торгутским тайшам за прежнюю "недружбу и кровь", фактически лишали последних политической и экономической самостоятельности.[3] Лаузан не мог

---

[1] Калмыцкие дела, 1646, № 2, л. 1–13.

[2] Ногайские дела, 1646, № 2, л. 58 и 74.

[3] Калмыцкие дела, 1645, №1, л. 89. "...Тысячу душ ясырю, десять тысяч лошадей и тысячу верблюдов, пятьсот человек калмыков з женами и з детьми и з дворами; да на договоре же де просили дальние калмыки у Лаузана их едисанцев да енбулуков, да Батырь тайшу".

принять эти условия целиком, но и не мог отказаться от них, ибо это означало бы войну. В Астрахань дошли слухи, что калмыки "хотят с астраханскими людьми мириться и аманаты дать, потому что им от дальних калмыков стала теснота, и хотят сее зимы кочевать на сей стороне реки Яика".[1] Лаузану, в конечном счете, удалось договориться с джунгарскими феодалами о сокращении размеров штрафа до "пятьсот лучших татар, пятьсот куяков (панцирей), добрых коней пятьсот голов, тысячу верблюдов и тысячу плохих коней". Но правители Джунгарии на этом не успокоились, через некоторое время они прислали к Лаузану еще более солидное посольство, состоявшее из шестидесяти лам и цорджи и трехсот сопровождающих лиц. Послы предложили торгутским тайшам присоединиться к джунгарским феодалам и выплатить им пеню в два раза большую, нежели та, которую они внесли. Кроме того, они потребовали от них выдачи из своих улусов всех дербетов и всех едисанских, ногайских и енбулуцких татар.

Лаузану пришлось в конце концов согласиться с этими требованиями пришельцев. Так монголо-ойратские законы, выработанные для обеспечения единства ойратских князей и ханов, были использованы правителями Джунгарии в целях внутренней борьбы. Ввиду этого возвращение той части ойратских феодалов, которые в начале XVII в. ушли из пределов Джунгарии на запад, т. е. калмыцких нойонов, практически стало невозможным. Конфликты и военные столкновения различных феодальных групп на путях, связывающих их с Джунгарией, а также противоречия, ослабляющие политические и экономические связи между отделившимися и оставшимися в Джунгарии ойратскими феодалами, создали серьезные препятствия для восстановления их былого единства.

В этих условиях калмыцкие тайши вынуждены были искать соглашения с правительством России. В том же году Шункей, Ельден, Нама-Серен и другие тайши начали новые переговоры в Астрахани. Астраханский воевода докладывал в Москву, что "ближние" калмыки с "дальними" калмыками мириться и вместе кочевать не могут, потому что у них есть "прежняя недружба и кровь".[2] Калмыцкие послы просили разрешения кочевать по Яику и по Волге, обещая выдать властям улусы едисанских татар, бежавших от произвола царской администрации, если, однако, они "сами похотят итти под Астрахань".[3]

---

[1] Калмыцкие дела, 1645, № 1, л. 89.
[2] Там же. л. 10.
[3] Там же, 1646, № 1, л. 10–18.

Тайши вели переговоры не только в Астрахани, но и в Уфе. Речь в них шла о мире, о торгах, о помощи ратными людьми против джунгарских феодалов и о кочевьях по Яику и в междуречье. Царская администрация была занята урегулированием русско-ногайских отношений, опасаясь расширения контактов между калмыцкими и ногайскими феодалами. По этой причине ее представители запретили калмыкам приход под Астрахань и кочевку по Яику и в междуречье.[1]

В 1646 г. в Москве образовалось правительство Алексея Михайловича, которое решило нормализовать русско-калмыцкие отношения. Астраханский воевода получил указание сообщить калмыцким тайшам, что государь их "пожалует", "вины их, в чем они были перед отцом его... виноваты, отдати велит и под свою царского величества высокую руку их велит принять по-прежнему..."[2]

В. Бакунин сообщает, что уже в 1646 г. "...великий государь калмыцких Шукур Дайчина и протчих тайшей и их улусы изволит держать в своем государском милостивом жалованьи и призрении и им улусным людям со всякими их товары и с лошадьми и с животиною под Астрахань и под Уфу и под иные городы приходить и торговать велит повольно и беспошлинно, и назад их в калмыцкие улусы отпускать без всякого задержания и зацепки".[3]

Однако нормализация русско-калмыцких отношений в этот период еще не означала возвращения калмыков на Яик и в междуречье. Их территориальная проблема оставалась все еще нерешенной. Документы из Калмыцких и Ногайских дел за 1645–46 гг. говорят, что хошуто-дербетская группировка Кунделена Убаши и некоторых "далай-тайшиных детей" потеснила улусы Лаузана, Шункея, Ельдена, Нама-Серена с Илека, Оила и Сагиза. Упомянутые тайши вынуждены были вновь начинать перекочевку на Яик и в междуречье.

Астраханский толмач Андрей Сафонов, год проживший у калмыков, сообщает, почему некоторые тайши перешли в междуречье: "Да и то де он, Ондрей, своею мыслью чает, что калмыцкие Лайзан и Мансерень тайши с улусными своими людьми из-за Яика перешли на астраханскую сторону в ближние места для того – боятца на себя приходу дальних калмыков. А ныне сказывают, что дальние калмыки с улусы своими кочуют на урочище Аракум-Каракум, на тех местах, на которых прошлые зимы Лаузан Тайша з братею и с улусными людьми зимовали".[4] Другой информатор

---

[1] Ногайские дела, 1646, № 3, л. 36, 52, 53, 56.
[2] Там же, № 3, л. 110, 111.
[3] Бакунин В. Указ. соч. С. 194.
[4] Ногайские дела, 1646, № 1, л. 106.

подтверждает, что "за Яик кочевать им итти нельзя, потому что дальние де калмыки с улусы своими из дальних мест подвигаются на их ближние кочевные места, и они де от них боятца".[1]

Кунделен Убаши и "далаевы дети" в свою очередь тоже вступили в переговоры с правительством России с целью получить его санкцию для нападения на торгутские улусы, как на "государевых непослушников".[2] Но царское правительство отклонило их домогательства. Несмотря на это, торгутские тайши продолжали опасаться нападения со стороны джунгарских тайшей, ввиду чего установили контакты с казыевскими и ногайскими мурзами на западном побережье Волги, рассчитывая в случае нужды на их помощь. Между тем как казыевские, так и ногайские мурзы не особенно доверяли калмыцким тайшам; однако внутренние противоречия, существовавшие между различными татарскими феодальными группировками, а также происки царской администрации вынуждали некоторых мурз прибегать к сговору то с калмыцкими, то с крымскими феодалами.

Крымский хан в 1646 г. активизировал действия против России. Снова начались волнения ногайских, казыевских и азовских татар. Московское правительство концентрировало войска на южных границах государства.[3] Калмыцкие тайши надеялись, что их могут использовать в действиях против Крыма. Они начали было сноситься по этому вопросу с Астраханью, но правительство и на этот раз не разрешило калмыцким тайшам переходить Волгу; оно все еще считало своей главной задачей получить от них аманатов, добиться выдачи едисанских, ногайских и енбулуцких татар, кочевавших с калмыками.[4]

Московское правительство направило свою армию на борьбу с крымскими феодалами и мобилизовало против них подвластных ему юртовских, едисанских и ногайских татар. Однако первый же поход русско-татарских войск в 1647 г. под командованием князя Пожарского кончился неудачей. Татары, по всей вероятности, не хотели проливать кровь за интересы Московского государства, а принудительная мобилизация вызвала волнение "холопских едисан".[5] Эти события коренным образом отразились на дальнейшем развитии русско-калмыцких отношений.

---

[1] Калмыцкие дела, 1646, № 1, л. 107.

[2] Там же, 1645, № 1, л. 140–143; 1646, № 1, л. 113–117.

[3] Ногайские дела, 1646, № 2 и № 3.

[4] Калмыцкие дела, 1646, № 1, л. 128–157.

[5] Ногайские дела, 1647, № 1, л. 215–220.

Дайчин-тайша вернулся из Тибета в свои улусы в конце 1647 г. С 1648 г. его имя фигурирует во всех актах Калмыцких и Ногайских дел. Как свидетельствуют эти документы, новый правитель калмыков со всей энергией принялся за решение территориальной проблемы. Из-за земель по рекам Ори, Сакмаре и в верховьях Яика между башкирскими и калмыцкими феодалами разгорелись острые противоречия. Правительство вмешалось в башкирско-калмыцкий конфликт. Оно запретило башкирам совершать нападения на калмыцкие улусы под страхом смертной казни, а калмыкам не разрешило кочевать по рекам Ори, Сакмаре и в верховьях Яика.[1] Калмыцкие улусы стеснились по Иргизу, Эмбе и в низовьях Яика.

Земельный кризис вынуждал калмыков время от времени кочевать явочным порядком не только по Яику, но и в междуречье. Осложнение русско-ногайских дел почти всегда использовалось калмыцкими тайшами для проникновения в междуречье.

Зимой 1648 г. Дайчин с 10-ю тысячами всадников под предлогом мести "за кровь Урлюка" совершил рейд за Волгу на казыевских татар, но до их улусов не дошел, т. к. зима оказалась слишком снежной и суровой. Калмыки побывали на Дону, установили с донскими казаками торговые связи и вернулись в свои улусы.[2] Можно полагать, рейд Дайчина был совершен с целью разведывания земель и выяснения обстановки на "крымской" стороне Волги, а также для демонстрации возможного участия калмыков в конфликтах этого края. Молчаливое наблюдение царского правительства за рейдом Дайчина, вероятно, было не случайным.

В конце 1648 г. правительство России предприняло шаги к установлению более тесных отношений с правителем калмыков. С этой целью оно отправило к Дайчину посольство В. Голубцова. Переговоры русского посланца с главным тайшою прошли гладко и закончились отправлением в Уфу калмыцкого посла Дуралы-Тархана для подтверждения верноподданнических отношений Дайчина.[3]

Правительство России приходило к убеждению, что Дайчин верен своей политике, которую начал осуществлять с 30-х годов, ибо на время поездки в Тибет он завещал сыновьям "жить с государевыми людьми в миру и в совете, и в послушании".

---

[1] Ногайские дела, 1648, № 1, л. 56–62.

[2] Ногайские дела, 1648, № 2, л. 1–18; РГВИА, ф. ВУА, ч. I, № 18416; Богданович. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в землях Войска Донского. 1835.

[3] Калмыцкие дела, 1649, № 1, л. 1–15.

В 1649 г. Дайчин получил из рук царского посланца И. Суслова лист с пожалованием в "милости государевой", при этом правитель калмыков в знак признательности и дружбы снял шапку, чего прежде калмыцкие тайши не делали. Он заверил русского посланца в том, что калмыки "на всякие промыслы войною", "ссоры и задору" с государевыми людьми чинить не станут, а кочевать они будут у Яика и за Яиком, ибо прежние кочевья заняты "недругами – черными калмыками".

Через некоторое время его послы присягали в Астрахани в том, что он, Дайчин-тайша, "от высокой руки отступать не будет" и обещает чинить расправу над теми калмыками, которые нарушат шерть или "учнут воровать". Со своей стороны, Дайчин просил царя, чтобы он наказывал тех людей, которые "дурно какое учинят калмыкам или лошади и животину учнут отгонять".[1]

В 1649 г., в связи с перемещением большого числа хошутов и дербетов из Джунгарии на запад, стесненность калмыков в пастбищных территориях достигла критической стадии. Дело в том, что хошутский владелец Кунделен Убаши совместно с дербетским тайшою Даяном-Омбо (сын Далая), заключив военный союз с казахским султаном Джахангиром, повел междоусобную войну с джунгарским правителем Батуром-хунтайджи. В начале 1649 г. казахи, хошуты и дербеты потерпели поражение. Кунделен Убаши и Даян-Омбо с остатками своих подвластных (около 20 тыс.) отступили на запад к рекам Эмбе и Сырту. Обстоятельства заставили хошутского и дербетского правителей вступить в переговоры с недавними своими недругами – торгутскими тайшами. Астраханский воевода сообщил в Москву, что "Дайчин тайша Кенделену тайше честь учинил, собирает съезд всех тайш и мурз, которые кочуют с Дайчином тайшею для договору с Кенделеном тайшею..." Дайчин и Лаузан тайши были в курсе событий, разразившихся в Джунгарии и в казахской степи.[2] Междоусобная борьба за власть в Джунгарии избавила калмыков от захватнических устремлений джунгарских феодалов.

Царское правительство, как уже указывалось, неодобрительно относилось к перекочевке калмыков в междуречье, и, несмотря на многократные о том просьбы калмыцких тайшей, оно неизменно запрещало им кочевать между Волгою и Яиком. Тем не менее калмыки, испытывая исключительный недостаток пастбищных

---

[1] Ногайские дела, 1649, № 1, л. 4–6, 126–133; Акты исторические. Т. 4. СПб, 1842. С. 32, 110.

[2] Ногайские дела, 1649, № 1, л. 11, 12, 141, 142, 156, 157.

территорий, волей-неволей нарушали царские запреты. Однако в конце 40-х годов нарушители не наказывались царскими властями, фактически тем самым разрешавшими калмыкам осваивать земли в междуречье. С прикочевкой улусов Кунделена Убаши и Даяна-Омбо на Эмбу сложилась обстановка, вынудившая тайшей снова просить правительство России о разрешении калмыкам кочевать не только в междуречье, но и по обеим сторонам Волги. С этой целью было отправлено посольство Дайчина в Астрахань, где его послы объяснили воеводе, что с приходом улусов Кунделена Убаши и Даяна-Омбо калмыкам "всем меж Яиком и Эмбой и меж Волгой и Яиком на ногайской степи кочевать не уместиться".[1]

Через некоторое время прислал в Астрахань послов и Лаузан-тайша. Воевода арестовал их. Тогда люди Лаузана-тайши совершили налет на окрестное население города. Русско-калмыцкие отношения в 1650 г. в связи с этим вновь усложнились. Для выяснения причин конфликта и принятия возможных мер к его ликвидации из Астрахани был послан к Дайчину-тайше русский посланник Иван Онучин. В "отписке" астраханского воеводы в Посольский приказ сохранилась запись его разговора с Дайчином, которая проливает свет на существо дела.

На вопрос Онучина, почему калмыки ходили под Астрахань, Дайчин ответил: "Наперед де сего ходили лаузановы послы в Астрахань и тех де лаузановых послов в Астрахани боярин посадил в тюрьму, и он де, Лаузан за то ходил под Астрахань и повоевал государевых русских людей и ногайских татар".

Выяснилось, что Лаузановы послы были посажены в тюрьму за то, что "лаузановы люди побили и в полон поймали государевых людей, которые шли с Москвы в Астрахань". Оказалось, что побил тех людей дербетский тайша Субантай, который кочевал с Лаузаном вместе и жил "под его повеленьем". У Онучина возник вопрос: "Дербетец Субантай кочует с Лаузаном вместе и живет под его лаузановским повелением, если бы не по его велению, смел бы он без его ведома государевых людей побить?"

Заслуживает внимания ответ Дайчина, переданный Онучиным: "Мы де прежде сего за Субантаем воровства не ведали, а ныне де то сведали, что он, Субантай своровал государевых людей и побил. У государя де служивые люди без государева указа воруют, а государю про их воровство не ведомо. Так же де у нас Субантай своровал без нашего ведома".

Онучин предложил казнить Субантая. Дайчин ответил, что у калмыков "не повелось што смертью казнить", "окромя тово, что

---

[1] Ногайские дела, 1649, № 1, л. 141–157.

животы грабят".[1] Царский посланник потребовал, чтобы калмыки ушли с государевой земли "в дальние кочевья на черные пески и на Иргиз-реку". На это Дайчин ответил: "Земля де и воды божьи, а прежде сего та земля, на которой мы и ногайцы ныне кочуем, была ногайскою, а не государева". Далее Дайчин заявил, что "кочевать де нам окроме тех мест негде".[2]

Приведенные выдержки из беседы Дайчина и Ивана Онучина свидетельствуют, во-первых, о том, что в 1649 г. Дайчин уже выступает в качестве главного лица, ответственного перед русским правительством за все дела и поступки калмыков, хотя он еще не имел полной власти над Лаузаном-тайшою; во-вторых, Дайчин все еще пытался найти какое-либо юридическое обоснование прав на земли, по которым кочевали его подвластные; в-третьих, он доказывает необходимость кочевки калмыков в междуречье потому, что кочевать им "окромя тех мест негде".

Переговоры о кочевьях в междуречье Дайчин вел и с уфимским воеводою Милославским. Уфимский воевода докладывал, что Дайчин со своими подвластными кочует главным образом по Яику, по Самаре, по Илеку, по Оилу и Ори. Он заявил калмыцким послам, что "эти земли царские: Уфимского, Самарского уездов русских людей, башкирцев, чувашев и черемисов", которые платят государству ясак, а калмыков раньше здесь не было. Калмыцкие послы шертовали за Дайчина-тайшу "оприч Лаузана", что его люди будут мирно кочевать в этих землях. "А за Лаузана де тайшу и за ногайцев, которые с ним кочуют, шерти не дают потому, что Лаузан с братом своим Дайчином не в совете и не в чем его не слушает".[3]

Правительство России в 1650 г., установив, что улусы калмыков разделены на две группы, послало к ним два посольства: одно – к Дайчину-тайше, другое – к Лаузану-тайше. Переговоры вскоре были перенесены в Астрахань. Дайчин упорно добивался разрешения кочевать по ногайской стороне реки Волги, т. е. в междуречье, и "посылать людей своих с ордобазарными лошадьми" в русские города. Решение вопросов о кочевьях и торговле русские власти вновь поставили в зависимость от старых условий: выдачи аманатов и примкнувших к калмыкам едисанских и ногайских татар. Если тайши примут эти условия и если на то будет "государев

---

[1] В "Монголо-ойратских законах 1640 г. "смертная казнь как мера наказания исключена. Высшей мерой наказания преступника считалась полная конфискация имущества.

[2] Калмыцкие дела, 1650, № 2, л. 16–23.

[3] Там же, л. 5–10.

указ", воеводы разрешат калмыкам кочевать в междуречье и торговать в городах.

Невзирая на такой ответ, послы Дайчина учинили шерть, что калмыки будут " в вечном послушании", готовы "служити и прямити" и "з государевыми изменники и непослушными битися до смерти, не щадя голов своих".[1]

Временами калмыки совершали вылазки за Волгу ("на крымскую сторону") для облавной охоты, для торговли скотом с донскими казаками или для нападения на Казыевские улусы под предлогом мести "за кровь Урлюкова". Хотя царское правительство запрещало калмыкам кочевку по Волге, но в начале 50-х годов, в связи с назревающей угрозой со стороны Крыма, оно стало допускать сближение калмыков с донскими казаками. В Калмыцком деле 1650 г. имеются сведения о царском указе, по которому донским атаманам было велено "посылать от себя к калмыцким тайшам нарочных своих посыльщиков – приказывать (посылать) калмыцких людей де войною на Крым". Донские атаманы трижды посылали к калмыкам своих "посыльщиков" и установили с ними контакты.[2]

"Задоры и неправды", чинимые Лаузаном-тайшою, а также стычки между калмыцкими и башкирскими феодалами давали повод царским властям настаивать, чтобы калмыцкие тайши выдали в Астрахань аманатов и кочевали в своих "дальних кочевьях". Дайчин-тайша в то время прилагал немало усилий, чтобы сохранить мирные отношения с астраханскими и уфимскими людьми, в то же время он вынужден был обращаться в Москву с жалобами на башкирских феодалов.[3]

Лаузана-тайшу он не раз удерживал от набегов на русских подданных, причем на этой почве у них неоднократно возникали серьезные ссоры.[4] Дайчин заверял царскую администрацию в своей непричастности к действиям Лаузана, а свою кочевку в междуречье объяснял следующим образом: "...кочевать де пришел между Волги и Яиком по нужде потому, что де дальние калмыки, которые кочуют под Сибирью, те меня потеснили..."[5]

Между тем ослабление торговых связей с оседлым населением России, а также с Ургенчем и Бухарой, явившееся следствием непрекращавшихся смут и конфликтов, заметно ухудшало и без

---

[1] Калмыцкие дела, 1650, № 3.

[2] Там же, № 1 и 2, л. 330–352, 361, 362; РГВИА, ф. ВУА, ч. I, № 1841, примеч. 10.

[3] Калмыцкие дела, 1649, № 3, л. 1–7.

[4] Там же, 1650, № 1, ч. 1, 2, л. 5, 7, 13,21–23.

[5] Там же, № 2, л. 4–10, 196.

того тяжелое экономическое положение калмыков. Настоятельная необходимость решения территориальной проблемы и расширения постоянных торговых связей с городами России вынуждала калмыков, помимо других путей, прибегать к помощи русской православной церкви. В Калмыцких делах имеются письма калмыцкого хутухты (имя не указано) к архимандриту московскому с просьбой, чтобы он вошел в ходатайство перед царем по этим жизненно важным для калмыков вопросам, прося царя пойти им навстречу.[1] Однако как это, так и другие ходатайства 1650–1653 гг. оказывались безрезультатными: калмыцкие тайши не хотели давать аманатов, некоторые из них продолжали "чинить шкоту" и проявлять "непослушание", а царское правительство без аманатов не соглашалось удовлетворить просьбы тайшей.

Сообщения шведского комиссара в Москве И. Родеса, использованные в "Этюдах..." Н. Н. Пальмовым, о "серьезной военной опасности" для России и об осаде Самары, Саратова и Камышина калмыками преувеличены и не подтверждаются архивными материалами Калмыцких дел.[2] Напротив, источники свидетельствуют о том, что правительство России все решительнее становилось в эти годы на путь использования калмыков в борьбе против Крыма и Турции.

Начавшаяся война России за Украину и Белоруссию объективно способствовала ускорению решения давно назревшей территориальной проблемы для калмыков. Война России с Речью Посполитой вскоре превратилась в крупный международный конфликт, в котором приняли участие Швеция, Турция и вассальные государства – Молдавия и Крымское ханство.[3] Война потребовала мобилизации всех сил Российского государства. Возникла настоятельная необходимость привлечь военные силы калмыков на борьбу за общегосударственные интересы России.

После воссоединения Левобережной Украины с Россией агрессивные действия Турции и Крыма заметно усиливались. Дайчин и его сын Пунцук (Бунчук, Мончак) возобновили переговоры с царскими властями, заявили о своем намерении служить Русскому государству "прямою правдою". Правительство России пошло на заметное улучшение торговых и посольских связей с калмыками. Заключению военного соглашения предшествовал целый год подготовительных переговоров с тайшами, достаточно подробно опи-

---

[1] Калмыцкие дела, 1650, № 1, ч. 1, 2, л. 3–29, 136,137, 318–320.

[2] Пальмов Н. Н. Этюды... Ч. III. С. 4.

[3] Всемирная история. М. 1958, Т . V. С. 177.

санных П. С. Преображенской.[1] Воеводы поволжских городов установили, что Дайчин "...з детьми и с племянники и со всеми своими улусными калмыцкими людьми у великого государя в вечном послушании быти ради... и с государевыми ратными людьми на государевых непослушников быти готов".[2]

4 февраля 1655 г. в Бальчинском городке под Астраханью калмыцкие послы Серен-тайша, Дуралы-Тархан и Чокула-Зайсанг "по своей калмыцкой вере шерть учинили за Дайчина и за Лаузана тайшей, и за братею их, и за детей, и за племянников, и за всех калмыцких улусных людей; бурхан свой, книгу-бичик и четки, что на шеях у себя носят, положа на шапки свои, подымали на головы свои, и, прикладываясь, целовали и поклонялись по своей вере шертной записи". Калмыцкий поверенный Батырка подписал шертную грамоту калмыцким письмом.[3] Содержание этой грамоты, в основном, сводилось к обязательствам: быть у царя "в вечном послушании", не иметь связей с неприятелями и изменниками России, ходить с русскими ратными людьми против неприятелей России и "биться до смерти, не щадя голов своих", не грабить подданных царя, выдавать пленников – подданных России, отправлять обратно изменников – ногайских, едисанских и енбулуцких татар, которые перешли из-под Астрахани к калмыкам, если кто пожелает, и впредь их не принимать, "не бесчестить и отпускать без малейшего задержания" посланцев царского правительства.[4]

Следует отметить, что шертная грамота 1655 г., подготовленная царскими властями, требовала от калмыков "послушания" и участия в борьбе с неприятелями России без выдачи заложников, т. е. аманатов.

Весной 1655 г. Московское правительство провело в Поволжье мобилизацию стрельцов и назначило главнокомандующим русской армией князя Ф. Волконского. Тут же последовал царский указ "о посылке калмыцких воинских людей" на Крым. Воеводам было наказано калмыков "не ожесточать" и от "государевой милости не отгонять". Калмыцкие ратники должны были идти на соединение с донскими казаками и с гетманом войска запорожского Богданом Хмельницким.[5]

---

[1] Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений... С. 61–63.
[2] Калмыцкие дела, 1655, № 1, л. 49, 50.
[3] Там же. Л. 49–56, 63–66.
[4] Шертная грамота 1655 г. опубликована в "Полном собрании законов Российской империи" (т. 1, № 145, С. 356, 357).
[5] Калмыцкие дела, 1655, № 1, л. 80–88, 94; № 2, л. 19–96.

Для осуществления плана привлечения калмыков к борьбе с Крымом и Турцией правительство России отправило послов: Зиму Волкова – к Дайчину-тайше, а Ивана Горохова – к Лаузану-тайше. Относительно заложников было указано, что на время военной службы калмыцкие тайши Дайчин и Лаузан должны дать русским властям аманатов, а астраханский воевода даст своих аманатов калмыкам; но если калмыки аманатов не дадут, то пусть служат так.[1]

В 1655 г. Богдан Хмельницкий в письме боярину В. Б. Шереметьеву сообщал: "Калмыки совместно с ними живут и на сей стороне Волги... Добро бы, чтоб калмыки полем, а донские казаки судами морем на Крым пошли".[2] Это сообщение гетмана Украины свидетельствует, что калмыки уже в 1655 г. кочевали по правобережью Волги.

Сложная международная обстановка и возможность активного участия калмыков в борьбе против турецко-крымской агрессии обусловили положительное для них решение территориального вопроса и торговых затруднений. В апреле 1655 г. этот вопрос получил окончательное юридическое оформление: правительство России издало грамоту, которой разрешало калмыкам "кочевать по ногайской стороне, по Ахтубе, по Белужью и под городами, где они кочевать хотят". В то же время все воеводы "верховых и низовых городов" Поволжья получили указания, запрещавшие русским людям, башкирам и иностранцам "чинить дурно" калмыкам.[3]

Крымский хан, а также персидский шах предприняли попытку склонить калмыцких тайшей к измене Русскому государству. Царское правительство, встревоженное их происками, потребовало от калмыцких тайшей немедленной выдачи аманатов и подтверждения шерти 1655 г. В марте 1657 г. сын Дайчина Пунцук подписал новую шертную грамоту. В тот же год от них были присланы в Астрахань аманаты.[4] Вскоре Дайчин и Пунцук направили своих послов в Москву, где были окончательно решены вопросы о территории для кочевок и о торговле в поволжских городах.

Правительство России сочло необходимым расширить и закрепить права калмыцких феодалов на пользование степными пространствами Поволжья; оно разрешило им кочевку по обеим сторо-

---

[1] Калмыцкие дела, 1655, № 1, л. 101, 108; № 2.

[2] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее: Акты ЮЗР). СПб, 1889. Т. 9. С. 566.

[3] Калмыцкие дела, 1655, № 1, л. 110, 111.

[4] Там же, 1657, № 1, л. 1–6, 12–20, 133–148. См.: Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений... С. 64–69.

нам р. Волги и беспошлинную торговлю под Астраханью, под Черным Яром, под Царицыном, под Саратовом и Самарой. В Калмыцком фонде за 1657 г. в деле № 2 имеются документы, в которых изложены просьбы калмыцких тайшей. В статье первой указано, что Дайчин со своими людьми учинился в "вечном холопстве и на том шертовал и аманаты дал". Статья вторая гласила: "...чтобы великий государь пожаловал и велел им летом кочевать от Астрахани вверх по Волге по обе стороны и на перевозах бы их нигде не задерживать, а зимой бы им кочевать в Мочагах".[1] После шерти 1657 г. в царской грамоте от 6 июля правительство выражало согласие разрешить калмыкам кочевать по обеим сторонам р. Волги. Пределы кочевий были определены следующим образом: "кочевать по крымской стороне до Царицына, а по ногайской стороне – до Самары". Зимой калмыкам позволялось кочевать "в мочагах или в иных местах".[2] Беспошлинная торговля разрешалась калмыкам в Черном Яре, в Царицыне, Саратове и в Самаре.[3]

Таким образом, шертные грамоты 1655 и 1657 гг. являются важнейшими историческими актами, по которым правительство России предоставляло калмыкам полупустующие степные пространства Поволжья. Военная служба калмыков, как уже установлено, началась в 1657 г., когда калмыки выступили в поход под Азов и нанесли большой урон татарским феодалам, состоявшим под протекторатом Турции.[4]

По сообщению Ф. Бюллера, в те времена "большая часть губерний Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской состояла из обширных степей, заселенных очень мало, или совсем не заселенных; следовательно, по тогдашним обстоятельствам подданство калмыков (вернее, их поселение на юго-востоке страны – *М. К.*) могло быть весьма полезно для России, как народа, который мог ограждать границы ея, и потому им оказано было, как тогда, так и впоследствии времени, особое покровительство..."[5]

Так завершилось положительное решение территориального вопроса калмыков, ясно определилась постоянная, узаконенная

---

[1] Калмыцкие дела, 1657, № 2. "Приезд в Москву калмыцких послов Кучук Тархана и Бакбаши: 1) с донесением от калмыцких тайшей об учинении ими присяги со всеми улусами в вечном Российскому государству подданства и о даче им в Астрахань аманатов; 2) с прошением давать им государственное жалованье".

Мочаги – побережье Каспия, поросшее камышом.

[2] Преображенская П. С. Из истории... С. 52; Калмыцкие дела, 1657, № 2, л. 57.

[3] Калмыцкие дела, 1657, № 2, л. 41, 42.

[4] Пальмов Н. Н. Этюды... Ч. IV. С. 8.

[5] Бюллер Ф. Указ. соч. С. 16.

территория калмыцких кочевий в Поволжье, что, в свою очередь, отражало процесс становления Калмыцкого государства в составе России, явственно свидетельствовало о появлении одного из признаков государственности.

3. Факторы, обусловившие образование ханства

Внутренние социально-экономические и политические отношения калмыков в XVII в. – недостаточно исследованная область их истории. Несмотря на это, автор пытается, основываясь на показаниях источников, представить краткий обзор внутренних отношений в калмыцком обществе с целью выявления факторов, обусловивших образование Калмыцкого ханства в составе России.

Длительное время господствовавшая в литературе версия о том, что у калмыков вплоть до XIX столетия сохранялись родоплеменные отношения, была опровергнута исследованиями Б. Я. Владимирцова, Г. З. Минкина, И. Я. Златкина и других советских ученых. Обоснованность их концепции, утверждавшей, что калмыки пришли в степи Приуралья и Поволжья, имея давно сложившийся феодальный общественный строй с довольно развитыми правовыми установлениями, получившими дальнейшее развитие в "Великом Уложении" 1640 г., не может вызывать сомнений.

Калмыцкое население Приуралья и Поволжья делилось на феодальные уделы – улусы, которые в свою очередь распадались на более мелкие уделы – аймаки. Аймак управлялся зайсангом[1] и делился на несколько хотонов; каждый хотон составлял первичную административно-хозяйственную единицу аймака и состоял из нескольких кочевых семей, связанных главным образом общим хозяйствованием на данной пастбищной территории. Возглавлялся хотон старостой.[2]

В военное время от аймака выставлялся "о-двуконь" отряд, который носил название хошун.[3] Во главе улусов стояли в качестве их наследственных собственников, а также военных предводителей, "ике нойод" (великие князья), носившие обычно древний титул китайского происхождения – тайши. Очень часто они величались старинными монгольскими наименованиями: "батыр" –

---

[1] Цзай-сян (удельный правитель). См.: Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов.

[2] Pallas P. S. Reise... S. 328, 329.

[3] Монголо-ойратские законы 1640 г. ... С. 4 (21).

доблестный воин, "мерген" – меткий стрелок, "цецен" – мудрый, вещий, "орлюк" – витязь, полководец и т. п. Иногда их просто называли "хошучи", что означало "начальник хошуна".

С общественно-экономической точки зрения аймак можно рассматривать как кочевую сеньорию – основную феодальную единицу. В распоряжении крупных князей и зайсангов находились улусные и аймачные чиновники[1] (нутук отокин тушимет, аймакин тушимет), по-видимому, тоже наследственные, которые вели дела военные, административные и податные. Каждый из них имел должностное название: "дарга" (начальник), "демчи" (главный сборщик податей или помощник начальника), "заргачи" (судья), "шуленга" (сборщик податей или заготовитель), "елчи" (эмиссар, гонец).[2] В разное время и в разных аймаках (отоках) и улусах названные чины имели большее или меньшее значение и, быть может, не всегда были в полном числе.

Зайсанги, табунанги,[3] а также некоторые чиновники и военачальники составляли категорию людей "бага нойод", т. е. малых князей или малых господ.

В XVII столетии крупные территориально-политические объединения калмыков носили наименование "тангч". Об этом свидетельствует "Биография Зая-Пандиты", просветителя, религиозного и политического деятеля XVII в., в которой крупные группировки хошутских и джунгарских феодалов известны под названием "Хошоут тангч", "Зюнгарин тангч".[4] По-видимому, значение этого слова было тождественно русскому понятию "государственное образование". Во главе таких государственных образований (тангч) стояли наследственные правители (олон ами нойод), носившие высший феодальный титул "хунтайджи" или "хан". Калмыки, поселившиеся в Приуралье и в Поволжье, образовали новое территориально-политическое объединение в составе России, которое получило наименование "Хальмг тангч".

Калмыцкая феодальная знать для обоснования своих прав на господствующее положение создавала с помощью церкви ореол большой знатности и даже святости себе и своим предкам. Так, например, хошутские и хойтские нойоны говорили, что они ведут свое происхождение от "золотого рода" Чингисхана, торгутские тайши считали, что они потомки кереитского Ван-хана, который будто бы "одной кости с Чингис-ханом", о джунгарских и дербетских нойонах был сложен миф об их небесном происхождении.

---

1 Монголо-ойратские законы 1640 г. ... С. 4.

2 Там же. С. 5–6.

3 Табунанг: 1) княжеский зять; 2) министр при главном князе.

4 Ratnabhadra. S. 6, 31.

Все большие и малые калмыцкие господа относили себя к категории людей "белой кости". Для маскировки эксплуатации и затушевывания классовых противоречий они всячески поддерживали и культивировали в сознании своих подданных пережитки родоплеменных отношений. Так называемый "родовой момент" искусно использовался феодалами и имел немаловажное значение в общественной жизни калмыков, он длительное время притуплял классовый антагонизм в калмыцком обществе.

В конце XVI – в первой четверти XVII столетий калмыцкие феодалы приняли ламаистскую веру, которая способствовала укреплению их господства. Они покровительствовали проповедникам, содействовали обращению своих подданных в ламаизм, поощряли их вступление в духовное сословие рядом льгот и привилегий, освобождая их от некоторых податей и повинностей. У калмыков стали создаваться буддийские монастыри (сюме и киит, впоследствии хурулы). Ламы и монастыри получали от калмыцких тайшей земельные пожалования (цысаи или джиса) и крепостных людей – шабинеров. Так образовалось сословие духовных феодалов, которое отвечало своим покровителям тем, что идеологически укрепляло феодальное господство нойонов: оно ввело в обычай величать их детьми тенгриев (небожителей) и утверждало, что владельцами они стали за добрые дела в прошлых перерождениях.[1]

Ламаистская церковь в Калмыкии имела сложную иерархию. Главными ее руководителями были ламы (верховные первосвященники), цорджи (старшие священнослужители), бакши (наставники), гецулы (священнослужители), эмчи-гелюны (лекари-священнослужители), заягачи (гадатели, предсказатели) и т. п. Верховным лицом в ламаистской церкви был тибетский Далай-лама, который в XVII–XVIII вв. имел среди монголов и ойратов своих наместников – хутухт. Первым хутухтой среди ойратов был Инзан Римбочен, затем – Рабчжамба[2] Зая-Пандита, который в 1648 г. создал калмыцкую письменность, написал ряд церковных и светских произведений и перевел на калмыцкий язык с тибетского немало церковных и светских сочинений.

Эксплуатируемые массы калмыков назывались "людьми черной кости" или просто чернью (харачуд). К ним относились податные крепостные (албату или хара кюмюн), крепостные слуги (кетечи, кетечинр) и рабы (бол, богол). "Черные люди" были в полной экономической и личной зависимости от нойонов (эзен) на том

---

[1] Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. С. 184, 185.

[2] Рабчжамба (тибет.) – ученая степень, даваемая духовным лицам.

основании, что земли, угодья и основная масса скота находились в прямой собственности нойона, который распоряжался крепостными по своему желанию, мог их продать, подарить, обменять, но не имел права безнаказанно лишить жизни.

Служба и повинности крепостных скотоводов своему феодальному владельцу в основном состояли из натуральной повинности скотом и продуктами скотоводства, пастушеской повинности (уход и содержание господского скота), службы при ставке феодала, службы в его ополчении и участия в организуемых господами облавных охотах, почтовой гоньбы и доставки продовольствия проезжающим гонцам нойонов, участия в судебных процессах в качестве господского представителя.

Церковные феодалы эксплуатировали в качестве крепостных шабинеров, а также подаренных им слуг и учеников (банди, манжи).

Феодальные цепи, сковывавшие трудящихся калмыков, были весьма тяжелы, но разобщенность населения, делившегося на множество групп с сильно выраженными родовыми пережитками, разрозненность кочевий, пропаганда ламаистской церкви, темнота и невежество затрудняли народную борьбу против гнета господ и облегчали последним задачу держать народ в строгом повиновении.

Господство калмыцких феодалов надежно охранялось статьями "Великого Уложения": "Кто оскорбит главного князя, – гласил закон, – того разорить; кто оскорбит чиновных князей (иямату нойод) или табунангов, с того взять один девяток; кто ударит, с того взять пять девяток. Кто оскорбит малых князей (бага нойод) или табунангов, с того взять пять (скотин), если сильно побьет, взять три девятка".[1]

Чиновники также находились под защитой закона: "Кто оскорбит словами придворного служителя или шуленгу, с того взять лошадь и овцу, если сильно побьет, взять десяток, за малые побои взять пять скотин. Кто из чиновных князей и табунангов, сановников (управителей), из малых князей и табунангов, демчеев и шуленг побьет кого-либо ради (исполнения) распоряжений, приказаний и законов государя, то в этом нет вины; если кто после побоев и умрет, то и тогда в вину не ставить".[2]

Указанные санкции свидетельствуют о наличии классовых противоречий в тогдашнем калмыцком обществе. Известны случаи, когда подвластных, вышедших из повиновения, тайши не только разоряли, но и продавали в рабство.[3]

---

[1] Монголо-ойратские законы 1640 г.... С. 5.

[2] Там же. С. 5, 6.

[3] Калмыцкие дела, 1635, № 1, с. 13. См.: Вестник Калм. НИИЯЛИ. Элиста, 1963. С. 15, 16.

Главной распространенной формой протеста крепостных против гнета была самовольная откочевка, бегство от феодала. Среди поволжских калмыков второй половины XVII в. участились случаи ухода крепостных калмыков в русские поселения, главным образом на Дон. Общаясь с русскими "беглыми" или, как они именовались властями, "воровскими" людьми, они часто принимали участие в их выступлениях как против русских, так и калмыцких крепостников.[1]

Скот составлял главное богатство калмыков. Это богатство распределялось неравномерно. Подавляющая масса скота принадлежала сравнительно небольшому числу нойонских хозяйств. Но главную экономическую основу политического господства нойонов составляла их полная собственность на землю, пастбищные угодья, являвшиеся решающим средством производства кочевых скотоводов. В руках нойонов находились скот и пастбища – основные средства производства и существования кочевого общества калмыков.

Земля предопределяет и обусловливает скотоводческое производство и воспроизводство. Если земледелец непосредственно обрабатывает землю сам при помощи орудий труда, то скотовод пользуется ею опосредованно, т. е. через скот. В этом состоит особенность землепользования кочевников.

Если землепашество развивает производственный опыт крестьянина, стимулирует усовершенствование орудий производства, обеспечивает разделение труда, создает в конечном счете меньшую зависимость человека от природы, то кочевое скотоводство, его производство и воспроизводство требует постоянной смены пастбищ как в зимнее, так и в летнее время; производительность такого хозяйства почти целиком зависит от капризов природы. Трудовая деятельность скотовода выражалась прежде всего в уходе за скотом в степи и выращивании молодняка, а также переработке продуктов животноводства. Кочевой скотоводческий процесс не требовал сколько-нибудь значительного применения механических орудий труда. По своему характеру он был экстенсивным.

Естественный рост поголовья скота в Джунгарии создавал в начале XVII в. своеобразную земельную тесноту, которая усиливалась в результате бесконечного дробления феодальных владений. Процессы экономического развития неотлагательно требовали ввода в хозяйственный оборот новых пастбищных территорий. Отсутствие пастбищных резервов внутри ойратских владений толкало их

---

[1] См.: Калмыцкие дела, 1667, № 1; 1683, № 2.

правителей на путь взаимной борьбы и внешней экспансии. Военные неудачи на внешних фронтах имели своим результатом дальнейшее сокращение пастбищных территорий, что в свою очередь вело к обострению внутренней межфеодальной борьбы. К началу XVII столетия в Джунгарии возник политический и земельный кризис, выход из которого часть ойратских владельцев искала в перекочевке в малонаселенные Иртышские, Ишимские и Тобольские степи.

Поселение калмыков в степях Приуралья и Поволжья, как известно, было одним из следствий развивавшегося кризиса. Степи эти находились либо под контролем, либо во владении Российского государства. Правительство России разрешало калмыкам кочевку по "государевым землям" при условии принятия ими русского подданства. Препятствия субъективного характера – нежелание калмыцких феодалов согласиться с неизбежным ограничением их самостоятельности и самовластия, с умалением их престижа, их недоверие к России, к ее правительству и местным властям – были преодолены далеко не сразу. Поэтому вхождение калмыков в состав России протекало неровно и негладко. Оно растянулось на целое полустолетие и представляло собой строго обусловленный процесс, начало которому было положено в 1608–1609 гг., завершение этого процесса связано с русско-калмыцкими соглашениями 1655 и 1657 годов, т. е. окончательным решением территориальной проблемы калмыков, пришедших в Россию.

Калмыцкие тайши, руководимые Дайчином, получили от правительства России земли Поволжья и междуречья в обмен на обязательство нести военную службу. Распределялись они между калмыцкими тайшами особыми владениями, нутуками, границы которых хотя и были определены, но часто нарушались, что вызывало бесконечные конфликты и новые разграничения.

Поволжские калмыки на первых порах почти не занимались земледелием, а их ремесленное производство было весьма не развито, поэтому они всегда нуждались в продуктах ремесла и земледелия. Торговый обмен был необходим им как воздух. Утратив торговые пути к китайским рынкам, откочевавшие из Джунгарии калмыки в первое время поддерживали торговые связи с Бухарой, Хивой, Ургенчем и Кызылбашем. Наиболее близкими и наиболее постоянными были русские рынки Сибири, Приуралья, Поволжья и Центра России. Калмыки продавали на этих рынках скот, главным образом лошадей, шерсть, кошмы и изделия из кожи (кожаные сосуды, шубы и т. д.). Покупали же они ткани (камку, сукна, парчу, атлас), оружие, боевые припасы и металлоизделия, хлеб, соль, меха и другие товары.

В 50–60-х годах XVII в. калмыки установили прочные торговые

связи с населением Астрахани, Черного Яра, Царицына, Саратова, Самары и Уфы. Правда, в города доступ калмыкам еще не был позволен: торговать с ними предписывалось за надолбами у городских стен и за рекой Белой, что возле Уфы. Правительство России уделяло видное место торговому обмену с калмыками и обычно предоставляло им беспошлинную торговлю.

Ремесло у калмыков не достигло самостоятельного значения и преимущественно носило домашний характер. Калмыцкие ремесленники владели кузнечным делом, изготовляли холодное оружие, стремена, удила, домашнюю утварь, предметы украшения для седел и уздечек и т. д. Кузнец почтительно назывался "дарханом". Мастера по дереву (модочи) изготовляли остовы юрт, расписные двери, деревянные высокие сосуды для хранения и переработки молочных продуктов, деревянные чаши и другие предметы. Кожа шла на изготовление сбруи, седел и сосудов для араки (бортха).

Классовые противоречия, экономическое и политическое положение калмыков, обособившихся от Джунгарии и поселившихся в степных просторах Приуралья и Поволжья, порождали необходимость централизации общеполитической власти во вновь складывавшемся калмыцком феодальном обществе. Объективные обстоятельства требовали сосредоточения власти в руках одного деятельного лица, которое могло бы вступать в сношения с русскими властями как выразитель интересов и глава калмыцких феодалов, добиваясь положительного решения жизненно важных для них задач, в первую очередь выделения для них территории для кочевания.

Архивные материалы РГАДА и калмыцкие хроники говорят, что таким видным правителем поволжских калмыков становится в середине XVII в. сын Хо-Орлюка – Дайчин, он же Шукур Дайчин.

Хо-Орлюк был номинальным правителем калмыков, пришедших к Волге, он едва ли стремился преодолеть феодальную разобщенность правителей улусов и аймаков, не предпринимал шагов к образованию обособленного Калмыцкого государства. Иначе вел себя Дайчин. В "отписке" астраханского воеводы в Посольский приказ за 1633 г., когда калмыки только что появились в междуречье на Узени, говорится, что Дайчин во время переговоров с ногайскими и едисанскими мурзами не без бахвальства говорил им: "А отец ево Урлюк тайша в их землях царь, да и он де Дайчин тайша вскоре учинится царь же".[1]

---

[1] Ногайские дела, 1633, № 1, л. 144.

. Главенствующая роль Дайчина среди волжских калмыков отмечается также в "отписке" астраханского воеводы в Посольский приказ за 1635 г.: "А владеет де всеми калмыцкими улусы и алтыульскими мурзы Дайчин тайша".[1]

Нет сомнения в том, что поселение калмыков в Приуралье и в междуречье, а затем в Поволжье связано с активной военной деятельностью Дайчина и его сподвижников.

Социально-экономические условия жизни калмыков, борьба за мирное разрешение территориальной проблемы, вассальная военная служба русскому царю, сложная международная обстановка – все это объективно способствовало усилению личной власти Дайчина. Мелкие и средние калмыцкие феодалы и отдельные крупные нойоны, а также некоторые ногайские и едисанские мурзы, примкнувшие к калмыкам, обнаруживали заинтересованность в закреплении и расширении выделенных кочевий, а также в налаживании торгового обмена в России. Они превращались в социальную опору политики, направленной к централизации политической власти в Калмыкии в руках одного деятельного лица.

Предположение крупного исследователя истории калмыцкого народа профессора Н. Н. Пальмова о том, что Дайчин "единственное спасение усматривал в централизации власти",[2] исторически оправдано, оно находит подтверждение в русских и калмыцких источниках.

Возвышение Дайчина, как свидетельствуют документы, началось с появлением калмыков в Приуралье и образованием калмыцко-татарской группировки под его главенством. Его зависимость от воли родителя Хо-Орлюка уже в те годы была номинальной. Родственные и неродственные тайши группировки Дайчина не пользовались внешне-политической самостоятельностью. Так, например, князь Абул-Газы (Абал Касим), эмигрировавший из Ургенча, в 1641 г. нашел себе политическое убежище в улусах Шункея-тайши. Он просил калмыцкого тайшу оказать ему военную помощь в борьбе за власть. Но, как сообщает астраханский воевода князь Одоевский, Шункай (Чункей) тайша не мог самостоятельно удовлетворить просьбу именитого гостя: "Чункей тайша говорил ему, Абыл Касиму, что он без указу брата своего Дайчин тайша ему, Абыл Касиму царевичу, ратных людей на юргенского Исфандеяра царя дати не смеет потому, что они, калмыцкие люди, с юргенским Исфандеяром царем в миру и в совете".[3]

---

[1] Калмыцкие дела, 1635, № 1, л. 16.

[2] Пальмов Н. Н. Очерки... С. 17.

[3] Калмыцкие дела, 1641, № 1, л. 13, 16.

Стремление Дайчина образовать особую политическую группировку калмыков под своим главенством значительно укрепилось после его первого хождения в Тибет на "богомолье" (1643–1647 гг.).[1] В 1646 г. Дайчин проезжал Джунгарию и был невольным свидетелем острой политической и военной борьбы между Батуром-хунтайджи и Кунделеном Убаши (в русских документах он иногда также именуется "контайша"). Первый прилагал много усилий к тому, чтобы подчинить своему влиянию всех ойратских правителей. Второй возглавлял оппозиционно настроенных тайшей. В тот год в ур. Ухарлик произошло крупное столкновение войск Батура-хунтайджи и Кунделена Убаши. Войска последнего потерпели полную неудачу. Сражение при Ухарлике, как сообщает биограф Зая-Пандиты Ратнабхадра, произошло на глазах торгутского Дайчина.[2] Сам он также подвергся нападению, во время которого у него была побита свита и взята в плен жена.[3]

Централизаторские усилия Батура-хунтайджи, направленные на преодоление политической раздробленности в Джунгарии, по-видимому, укрепили Дайчина в мысли о необходимости создания отдельного территориально-политического объединения под протекторатом России в пределах Приуралья и Поволжья. Вполне оправдано предположение Ф. Бюллера о том, что "покровительство русского правительства должно было принесть Дайчину выгоды и становилось почти необходимостью".[4] Об этом свидетельствует вся его последующая политическая деятельность.

Вернувшись из Тибета в свои улусы, Дайчин достиг положительного решения территориальной проблемы калмыков, он окружил себя сподвижниками, которые хотя и не отличались знатностью происхождения, но поддерживали его политический курс. Отдельные мелкие феодалы и улусные люди за особые заслуги перед правителем и успешное исполнение даваемых им поручений получали от него либо титул "зайсанг", либо звание "дархан" (тархан). Например, в калмыцких делах РГАДА за 1644–1645 гг. Чекула,[5] Кулачи, Дуралы и другие люди значатся в документах как "черные улусные люди", а в 1660 г. и после они фигурируют как зайсанги или дарханы.

Своих противников и "непослушников" Дайчин разорял и изгонял из пределов Поволжья и Приуралья. Габан Шараб сообщает, что "Дайчин тайша племянника (?) и младшего своего Ельдена разорил, а второго брата Лайзана преследовал".[6]

---

1 Второе хождение на "мольбище" Дайчин-тайша совершил в 1653–1655 гг. См.: Калмыцкие дела, 1653, № 1; 1655, № 1, л. 18, 33.

2 Ratnabhadra. S. 8–9.

3 Архив ЛОИИ, Астрахан. приказ, избр. д. 3022.

4 Бюллер Ф. Указ. соч. С. 15.

5 Церен Чихула (см.: История Калмыцких ханов. С. 18).

6 Габан Шараб. Указ. соч. Л. 207.

Русский путешественник и исследователь второй половины XVIII в. П. И. Рычков подтверждает и дополняет сообщение Габан Шараба: "Лаузан, поссорясь с ним (Дайчином – *М. К.*), откочевал за Яик к реке Оре и намеревался идти к Тибету, где Далай ламы резиденция. Тогда оный Шокур (Дайчин – *М. К.*) находившихся под владением лаузановым калмык всех в свою власть привлек".[1]

Анонимная "История Калмыцких ханов" в свою очередь подтверждает и уточняет указанные сведения: она сообщает, что Шукур Дайчин отобрал у братьев Ельдена и Лаузана подвластных ногайских татар, затем завладел их улусными людьми; после смерти отца ему перешло звание "ахалакчи тайши", т. е. главенствующего тайши. Ельден с остатками подвластных людей удалился к Кукунору, Лаузан же, после длительной борьбы с братом, ушел на восток.[2]

Таковы сообщения Габан Шараба, П. И. Рычкова и автора "Истории Калмыцких ханов" о действиях Дайчина, направленных на усиление его личной власти.

Русские архивные материалы не только подтверждают, но и в какой-то степени дополняют вышеупомянутые сведения.

Актовые материалы царского правительства, в частности Калмыцкие и Ногайские дела второй четверти XVII в., изобилуют сведениями о положительной роли Дайчина в деле урегулирования русско-калмыцких отношений. Имя Ельдена-тайши после 1649 г. в делах не встречается. В "отписке" астраханского воеводы за 1661 г. сообщается, что братья Дайчина-тайши – Ельден и Санжи летом умерли в Джунгарии.[3]

Относительно Лаузана известно, что царское правительство до 1665 г. в равной мере сносилось как с Дайчином, так и с Лаузаном и, вероятно, знало о существовании противоречий, возникших между братьями на почве политических разногласий. После 1655 г. спор между братьями стал решаться силой оружия. За "непослушание" и нарушение присяги, данной правительству России, Дайчин стал преследовать Лаузана, захватил его ногайских татар, а в 1658 г. разгромил его отряды, заставив самого бежать за Яик.[4]

---

[1] Рычков П. И. Топография Оренбургская. С. 125.

[2] История... С. 11, 12.

[3] Калмыцкие дела, 1661, № 1, л. 56. Предположение Ю. Лыткина о том, что Ельден (Иельден) удалился к Гуши-хану, не находит подтверждений (см.: История Калмыцких ханов, примеч. 8).

[4] Калмыцкие дела, 1657, № 1, л. 151; 1658, № 2, л. 46. "И посланники Бонайко с товарищи говорили: прислали де их Дайчин и Мазин (по-видимому, Мончак) тайши и приказывали им говорить, что в прошлых годах Лаузан тайша ходил под Астрахань и учинил негораздо и Дайчин де тайша для того ходил за ним, Лаузаном, в погоню войною..."

В следующем году Лаузан, собравшись с силами, напал на улусы старшего брата и причинил ему серьезный ущерб. Но Дайчин разгромил войска Лаузана и снова изгнал его за Яик.[1] По-видимому, после вторичного изгнания из пределов Поволжья сыновья Лаузана – Галдама и Доржи – собирались снова вступить в борьбу с дядей, но отец приказал им отступиться от своих намерений. Габан Шараб сообщает, что Лаузан просил сыновей не нападать на старшего брата, потому что они "не в состоянии сохранить в целостности нутук торгутов".[2]

В 1660 г. Лаузан с сыновьями был убит людьми хошутского Аблая Тайши.[3] Жена Лаузана Чечен-Каныш в 1662 г. пустилась в бегство от дальних калмыков и с сотней подвластных вернулась к волжским торгутам.[4]

Такова судьба противников политики Дайчина, которые не хотели ему подчиняться и поддерживать его политический курс. Сущность политики Дайчина верно определена П. С. Преображенской: "А в 50-е годы, когда Дайчин был главным тайшой, он действовал более осмотрительно и дальновидно, чем другие тайши, для которых удачный военный набег часто был самоцелью. Дайчин не мог не понимать, что ссора с Россией способна нанести только вред калмыкам, а дружба и мирные отношения с сильным соседним государством сулят определенные выгоды".[5]

Нет сомнения в том, что начиная с 1658 г., т. е. с момента бегства Лаузана за Яик, Дайчин становится единым правителем над всеми волжскими и приуральскими калмыками и присоединившимися татарами.

Начиная с 1642 г. к Волге из Джунгарии стали приходить дербеты, общая численность которых, по данным Миллера, достигала 7 тысяч человек. В 1660 г. в Поволжье пришла еще одна партия дербетов, возглавляемая братьями Аючеем и Аюкеем (дети Далая-тайши). К тому времени известный нам Солом-Церен достиг совершеннолетия и, по-видимому, был признан правителем волжских дербетов. Он подтвердил свое подданство России и стал сподвижником Дайчина.[6]

---

[1] Калмыцкие дела, 1659, № 2, л. 4, 5.

[2] См.: История Калмыцких ханов. Примеч. 8.

[3] Калмыцкие дела, 1661, № 1, л. 56. Вот что сообщает о кончине Лаузана находившийся с ним едисанский татарин А. Уразов: "А Лаузан де тайшу убили во 168-м году летом дальние калмыцкие люди аблатайшина улуса, а с ними же с Лаузаном убили ево сынов Доржи да Калдаму".

[4] Калмыцкие дела, 1662, № 1, л. 7.

[5] Преображенская П. С. Указ. соч. С. 58.

[6] Калмыцкие дела, 1660–1661, № 4, л. 62, 80; № 5, л. 5, 22; 1661, № 2, л. 1–2. Анонимный автор "Истории Калмыцких ханов", Н. Нефедьев, Ф. Бюллер и др. исследователи истории калмыцкого народа ошибочно считают, что дербеты, возглавляемые Солом-Цереном, пришли к торгутам в 1674 г.

Став фактически правителем приуральских и приволжских калмыков, Дайчин к 1650 г. был наделен тибетским Далай-ламой ханским титулом и соответствующей печатью. Однако ж, как сообщает Габан Шараб, Дайчин не принял символов верховной власти из рук высшего лица ламаистской церкви, не желая, по-видимому, возбуждать недовольства царского правительства. Однако есть основания считать, что вассалы Дайчина хотели видеть своего сюзерена ханом и величать его этим титулом. Батур-Убуши Тюмень пишет: "Когда Богдо Геген пожаловал торгутскому Дайчину ханское титло и тамгу, тот обратно отослал и сказал: подобных мне нойонов много, – как я буду ханом? Ойратские нойоны восхваляли его и просили его принять ханское титло".[1]

В русских архивных документах за 1651 г. сохранилась переписка Дайчина с правительством царя Алексея Михайловича, где встречаются письма, в которых Дайчин величается ханом, т. е. "ево величество калмыцким и татарским самодержцем и многих людей государем и обладателем". Эти письма в Москве были признаны "не попригожу написанные".[2]

Царское правительство не допускало, чтобы их вассал величался подобным образом. Сообразуясь с этим, писари Дайчина некоторое время не решались в письмах называть его ханом или "царем". Только через несколько лет, уже в 1661 г., когда калмыки окончательно получили право пользования степями Приуралья и Поволжья и принимали активное участие в войне России против турецких и крымских феодалов, Дайчин в калмыцких документах снова величался ханом. Например: в Калмыцком деле № 2 за 1661 г. хранятся два калмыцких письма, которые привлекают внимание исследователя следующей манерой обращения Дайчина к царю: "Вы, белый хан, повелеваете в добром здравии, здесь же я, Дайчин хан и вместе мы, два хана, пребываем в добром здравии". Другой документ имеет надпись: "Эне бичик Дайчин хан буйю" – "это письмо Дайчин хана".[3] Живую картину высокого общественного положения Дайчина можно представить по отчету царского посланника дьяка Ивана Горохова.[4] Подъезжая к ставке Дайчина, Иван Горохов увидел следующее: "Перед избой поставлена палата, а в ней сидят и около ее человек двести. А от Дайчиновой избы от дверей стояло человек с пятнадцать в кафтанах камчатых[5] и

---

[1] Тюмень Батур-Убуши. Указ. соч. С. 30.

[2] Калмыцкие дела, 1651, № 3, л. 11.

[3] Там же, 1661, № 2, л. 30–32. Тексты написаны старокалмыцким письмом.

[4] Отчет дьяка И. Горохова о поездке в калмыцкие улусы для заключения договора о войне с Крымом. См.: Калмыцкие дела, 1660–1661, № 5.

[5] Камка – узорчатая шелковая ткань.

отласных, да два человека ходили с мечи. А как в избу вошли – и Дайчин тайша сидит против дверей у стены на своем месте. А место послано выше аршина кругом по сажени да покрыто коврами и положены подушки в изголовья. А около места поставлены скрыни[1] писаные китайского дерева, а на коленях у него шуба на соболях. А на Дайчине кафтан – тмо-зеленый[2] киндяк, и в руках держит четки. Да в той же избе сидят по земле около его на коврах ближние люди его и владельцы в шубах и в кафтанах камчатских и отласных человек з двадцать, да стоят человек з десять. А в избе наряжено около её кругом сажень з двадцать прикрыты стены камками золотыми китайскими, изнавешел в избе вверх репьи – такие же камки разных цветов. А где Дайчин тайша сидит, и за ним на стене камка китайская ж, на ней две челюсти звериные натканы золотом китайского дела. А на земле стоит таган железный, в тагане три кружки серебряные золоченные, мерою мало не в ведро, да поставлены на скамье чаница цельные. А у дверей стоят два человека".[3]

Из сделанного нами краткого обзора социально-экономической и политической обстановки вытекает, что складывавшееся в первой половине XVII в. на юго-востоке России калмыцкое общество было обществом классовым, с явно выраженным феодально-иерархическим строем. С решением территориальной проблемы и налаживанием торгового обмена был тесно связан процесс централизации власти, первые успехи которого проявились в 50-е годы XVII столетия, положив начало формированию особой калмыцкой государственности в форме ханства в составе России. Процесс складывания калмыцкой государственности в указанной форме облегчался еще и тем, что встречал поддержку со стороны властей царской России, заинтересованной в использовании калмыцкого войска для нужд обороны Российской державы. Подробно об этом будет сказано ниже.

Первым объединителем калмыков, их первым всекалмыцким правителем был Дайчин, опиравшийся главным образом на средних и мелких нойонов, а также на массы улусных людей, чьим интересам соответствовали вхождение в состав России и образование Калмыцкого государства в привычной для них форме ханства.

---

[1] Скрыня – ларец, сундук.

[2] Тмо-зеленый – темно-зеленый.

[3] Калмыцкие дела, 1660, № 5, л. 49–51.

4. Образование Калмыцкого ханства

К середине XVII столетия заметно усилилась турецко-крымская экспансия в южные части России. Крымский хан Магомет Гирей при активной поддержке турецкого султана открыто посягал на донские и другие "украинные" земли. В 1650 г. астраханский воевода И. Голицын сообщил правительству, что "идет де крымский царь с ратными людьми под Терский городок", а оттуда "итти им под Казан". Люди крымского хана пытались разведать водный путь к Казани.[1]

В это же время в Москву поступили сведения с Дона о том, "что крымский царь со многою крымскою ратью и с черкасы и со всеми ногайскими улусными людьми идет войною к ним на Дон..." Донские атаманы, учитывая, что калмыки ныне "под государевою высокою рукою в послушанье", послали двух татар "в калмыцкие улусы к тайшам просить калмыцких воинских людей донскому войску на помощь".[2]

Московское правительство содействовало заключению военного союза донских казаков с калмыками против Крыма. Соответствующий договор между ними был заключен в апреле 1650 г.[3] Крымский хан в связи с этим пытался установить военный союз с запорожцами, однако последние не поддержали его намерение.[4] По этим и по другим причинам экспансионистские замыслы крымского хана не были осуществлены. Приведенные факты дают вместе с тем основание считать, что уже с начала 50-х годов XVII в. царское правительство и его местные органы стали проявлять свою заинтересованность в возможном использовании калмыцких войск для укрепления обороны юго-востока России.

После воссоединения Украины с Россией (1654 г.) началась длительная русско-польская война, в которой, как известно, на стороне Польши приняли участие Швеция, Турция и ее вассальные государства – Молдавия и Крымское ханство. Вскоре после подписания калмыцкими тайшами шерти 1655 г., согласно которой они обязывались нести военную службу в пользу России, правительство послало к ним сына боярского З. Волкова и дьяка И. Горохова с целью призвать калмыцких тайшей к участию в войне с Крымом.

---

1 Калмыцкие дела, 1650, № 1, ч. 2, л. 334–335. "А что де, государь, речка Камышенка пала в реку Волгу и крымский де царь послал людей своих, а с ними четыре аги и запорожских черкас и велел им тою речку досмотреть, чтоб в ту речку из Дону воду пропустить, и тою б де рекою из Дону судами итти на Волгу".

2 Там же, л. 351, 352.

3 РГВИА, ф. ВУА, ч. 1, № 18416, примеч. 10.

4 Калмыцкие дела, 1650, № 1, ч. 2, л. 358.

План действий царского правительства сводился к подготовке совместного выступления стрелецких полков русской армии с донским казачеством, калмыками и запорожским войском.[1]

Осуществление этого плана временно затормозилось вследствие открытого выступления крымско-турецких войск на южные и юго-восточные уезды русского многонационального государства. Крымский хан, наряду с этим, надеясь нарушить узы, связывающие калмыков с Россией, неоднократно пытался склонить калмыцкого правителя Дайчина на сторону антирусской коалиции.

В этой связи необходимо отметить ошибочность утверждения Ф. Бюллера, что Дайчин, "не стесняясь данной присягой (шерть 1655 г. – *М. К.*), обратил своих подвластных на другие места за добычей" и якобы "стал давать своих людей в помощь крымскому хану и входить с ним в дружественные сношения".[2] Фактов, подтверждающих его утверждение, не обнаружено.

В 1657 г. крымский хан прислал Дайчину и его сыну Мончаку (Пунцуку) письмо, в котором предлагал союз и дружбу. На это правитель калмыков ответил, что он находится в вечном послушании и подданстве России и по этой причине не может вступить в контакты с крымским ханом.[3]

В следующем году в ставку правителя калмыков прибыло большое посольство крымского хана в сопровождении более 300 всадников. С посольством прибыл также обоз с богатыми дарами и "литовским ясырем" для обмена на лошадей. Послы Крыма пытались настроить калмыцких феодалов против России, соблазняя их дарами, но успеха не имели. Тогда они стали глумиться над Дайчином из-за того, что тот дал в Астрахань аманатов, чем якобы себя "обесчестил". Но и эта провокация не удалась. О неудачах крымского хана царский представитель Г. Есипов докладывал: "Дайчин тайша с крымским царем никакова соединения не учинил и крымским и азовским людям торговать у себя и лошадей им продавать не велел".[4] Тогда недруги Дайчина составили ложный донос, будто бы Дайчин-тайша вошел в тайное соглашение с правителем Крыма. Калмыцкий правитель обратился к правительству России, требуя, чтобы оно оградило его от лжецов и оскорбителей. Желая продемонстрировать свою верность Российскому государству, Дайчин-тайша приказал пригнать в Москву на царс-

---

[1] Калмыцкие дела, 1655, № 1, л. 86, 88, 94; № 2, л. 19, 30.

[2] Бюллер Ф. Указ. соч. С. 15.

[3] Калмыцкие дела, 1657, № 1, л. 133, 135, 148, 152.

[4] Там же, 1658, № 1, л. 75, 76, 83 (из статейного списка Г. Есипова).

кое имя 20 тысяч лошадей, после чего не без гордости заявил Г. Есипову, что крымский хан его боится и почитает, а "Большого и Малого нагая и Казыевского улуса мурзы присылают ему ясак", однако, несмотря на это, он, Дайчин-тайша, "свыше всего рад великого государя премногой милости и жалованью".[1]

В конце 1658 г. ногайские и кумыкские мурзы Северного Кавказа по наущению агентов персидского шаха намеревались завладеть Терским городком – форпостом России на Кавказе, однако сведения, полученные мурзами о соединении калмыков с государевыми людьми, предотвратили антирусское выступление на юге.[2]

В 1659 г. правитель Крыма предпринял ряд новых шагов к тому, чтобы склонить Дайчина и его приближенных на сторону антирусской коалиции. Последняя из попыток этого рода была самой значительной по богатству приношений: послы Крыма хотели преподнести Дайчину-тайше и его приближенным 40 тысяч золотых, "золотое дерево с корольком", 40 соболиных шуб, 40 хорьковых шуб, 40 куньих шуб, 40 беличьих шуб, 40 кусков атласа, 40 кусков камки, и при этом было обещано "по 40 тысяч рублев жалованья на все годы". Однако даже эти богатые дары и посулы не соблазнили калмыков. Они ответили, что тайши "с ним, с крымским ханом, в соединении быть не могут, и великого де государя под городы войною итти не хотят же, а жалованья им не надобно". Ответ мотивировался тем, что они "у великого государя учинились в вечном подданстве и по своей вере шерть учинили и аманат в Астрахань дали, и они де шерти своей нарушать не хотят".[3]

Так потерпели провал все провокационные акты крымского хана, рассчитывавшего посеять раздор и недоверие между русскими властями и калмыками. Как уже отмечалось, калмыки в 1657 г. ходили под Азов, а в 1659 г. в Москве было получено сообщение о том, что "на хана крымского калмыки со многими войски в Крым з донскими казаки пошли".[4] Так началась активная военная служба калмыков Российскому государству.

В 1660 г. Украина (Малороссия) подверглась военному нападению с двух сторон: с запада вторгся король польский, с юга – хан крымский. Развернувшиеся военные действия у Конотопа, Брес-

---

[1] Калмыцкие дела, 1658, № 1, л. 94.
[2] Там же, л. 101.
[3] Астрахан. губерн. ведомости. 1843. № 20. С. 150; № 151. Столбец Астрахан. губерн. правления, № 16.
[4] Акты ЮЗР. Т. 15. СПб, 1892. С. 389.

лавля, Умани, Могилева не принесли успехов русско-украинской армии. Решающие бои завязались подо Львовом. Поход войск царского воеводы В. Б. Шереметева и гетмана Украины Ю. Хмельницкого (сын Богдана Хмельницкого) оказался неудачным. Русско-украинская армия отступила в район г. Чуднова, где попала в окружение и была наголову разгромлена польско-крымскими захватчиками. Воевода Шереметев попал в плен к крымским феодалам.[1]

Положение Московского государства после поражения русско-украинских войск под Чудновом оказалось затруднительным. Обстановку того времени известный русский историк С. Соловьев описал следующим образом: "Сильно испугала Москву весть о Конотопском поражении, еще больший ужас навела весть о Чудновском. Тогда истреблена была часть войска, сгибли вожди молодые; теперь целое войско, опора власти царской в Малороссии, не существует..."

Далее С. Соловьев повествует: "... теперь боялись, что наступающая зима постелет гладкий путь Полякам и Крымцам, и нет больше войска, которое бы можно было противупоставить им; с другой стороны может явиться под Москвою войско Литовское... и какое ручательство, что Швед не захочет воспользоваться бедою Москвы..."

Опасная обстановка сложилась и на Дону: в борьбу против России открыто вступил турецкий султан, который выслал из Царьграда под Азов 33 корабля с 10-тысячной армией, боеприпасами и артиллерией. В то же время из Крыма в Азов прибыл крымский хан с 40-тысячной армией и с 10-ю тысячами рабочих людей. Турецко-крымские феодалы воздвигли в устье Дона и Донца каменные укрепления. Военные силы царских воевод и донских атаманов были малочисленны и находились главным образом в Черкасске, где было 3 тысячи казаков да 7 тысяч государевых людей.[2] Войсковой атаман К. Яковлев обратился за помощью к правительству и установил контакты с правителем калмыков Дайчином и его сыном Мончаком.

Таковы сведения о международном и военном положении Московского государства в лето 1660 г. Обстановка требовала принятия экстренных мер для собирания вооруженных сил против польских и крымско-турецких войск. На юго-восток России правительство отправило боярина князя Григория Сунчелеевича Черкасского.

---

[1] Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. II. СПб, 1861. С. 122, 123.

[2] Соловьев С. Указ. соч. С. 123.

Ближайшим сподвижником и помощником, главным образом по калмыцким делам, стал его племянник Каспулат Муцалович Черкасский. Царское правительство рассчитывало организовать на юго-востоке единое выступление стрелецких полков низовых городов Поволжья с донскими казаками, калмыками и кабардинскими людьми, состоявшими в русском подданстве. Вскоре для ведения калмыцких дел в Москве был создан Калмыцкий приказ.[1]

Чтобы сблизиться с правящей верхушкой калмыцких феодалов, князь Каспулат Черкасский некоторое время прожил в калмыцких улусах, отдал в жены Мончаку свою сестру, а через год сын Мончака – Аюка женился на младшей сестре К. Черкасского – Абухане.[2]

По заданию Москвы князь Каспулат Черкасский уговорил калмыцкого правителя Дайчина, чтобы тот оказал дипломатическое давление на крымского хана с целью заставить последнего отказаться от помощи польскому королю. С назначением К. Черкасского в качестве поверенного по калмыцким делам институт калмыцких аманатов был ликвидирован. В декабре 1660 г. к правителю калмыков прибыл дьяк Иван Горохов с целью вручить ему указ царя Алексея Михайловича, "чтобы Дайчин тайша послал к крымскому хану спрещение, чтобы крымский хан от польского короля отстал и помочи ему не чинил"; в противном случае Дайчин-тайша должен послать войска на крымские улусы.[3]

Для согласования совместных действий Донского войска с государевыми людьми и калмыками в ставку Дайчина, где находились дьяк И. Горохов и князь К. Черкасский, прибыли казачьи представители Федор Будан и Степан Разин.[4]

Все дела по организации войск в помощь русской армии вел по поручению Дайчина Мончак. Он в 1661 г. подписал шертную грамоту и роспись ратных людей, отправляемых на Крым. При этом Мончак заявил: "Как де бумага склеена, так бы калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно".[5]

В том же году калмыцкие войска численностью до 10 тысяч всадников выступили в поход против крымско-турецких феодалов. Дайчин-тайша снарядил 5000 воинов под командованием Чекулы-

---

1 "Приказ калмыцких дел" в 1662 г. возглавлялся князем В. Г. Ромодановским и дьяком И. Гороховым (см.: Калмыцкие дела, 1662, № 1, л. 52).

2 Калмыцкие дела, 1660, декабрь–сентябрь; 1661, № 4, л. 8, 14; Астрахан. губерн. ведомости. 1843. № 21. С. 155–167; Калмыцкие дела, 1663, № 1, л. 76; Русский биографический словарь. СПб, 1905. С. 209, 210, 216, 217.

3 Калмыцкие дела, 1660–1661, № 5, л. 40.

4 Там же, 1660, № 5, л. 68; № 5, л. 29; Донские дела, 1661, № 1, л. 4.

5 Преображенская П. С. Указ. соч. С. 75–76.

Зайсанга и Эсен-Дархана, его сын Мончак послал 1000 человек во главе с Усман-Батырем, дербетский князь Солом-Церен снарядил 1000 всадников, племянники Дайчина Манжин и Даир – по 1000 воинов, а Дугар – 500; дербетские тайши братья Аючей и Аюкей послали 500 человек.[1]

Осенью 1661 г. астраханский воевода князь Г. С. Черкасский докладывал правительству о боевых действиях калмыков: "Дайчин и Мончак тайши послали ратных людей под Крым и Азов и под Басней. А Манжин тайша ходил на Малые и Большого ногая улусы, которые кочуют под Кабардой и под Кумыки".[2] Под Азовом, за Днепром и под Крымом калмыцкие полки одержали ряд побед над крымскими феодалами. Об одной из них астраханский воевода докладывал в Москву: "Калмыцкого Мончака тайши ратные люди Будан и Черен, да Серен с товарищи убили под Крымом крымского Сары-мурзу, который хаживал на твои, великого государя, украинские города войною со многими крымскими людьми, да крымских людей, которые с ним ис Крыма выезжали на бой, побили семь тысяч и много крымские улусы в полон поймали и животиные стада отогнали".[3]

В целях организации нового наступления калмыков на крымские улусы астраханский воевода Г. С. Черкасский в ноябре 1661 г. собрал в ур. Берекете съезд калмыцких тайшей и присоединившихся к ним ногайских, едисанских, енбулуцких и малибашских мурз. Калмыцкое представительство возглавлял Мончак-тайша, он дал клятву астраханскому воеводе за себя, за своего отца, за племянника Манжина Ялбу, за всех калмыцких тайшей и татарских мурз в том, что будет "в вечном послушании и на государевой службе". После съезда калмыцкие и татарские войска вновь отправились в поход на Крым.

За Днепром и в Крыму отряды Мончака с запорожскими и донскими казаками одержали ряд крупных побед над войсками крымского хана. За ревностное служение правительству России Мончак получает похвалы и вознаграждения.

В 1662 г. за нарушение присяги, данной им в 1661 г. за всех тайшей, Мончак выдает царским властям своего двоюродного брата Чжалбу (Ялбу) Манжина и идет на решительную ссору со своим отцом Дайчином,[4] который в это время встал на путь острой

---

1 Калмыцкие дела, 1660–1661, № 4, л. 77–81.
2 Там же, 1661, № 1, л. 114, 116; Астрахан. губерн. ведомости. 1843. № 20–21.
3 Там же, 1662, № 1, л. 23, 24, 51–53.
4 Там же, л. 23, 24, 51–53, 62–66, 80–85.

борьбы против правительства России в связи с "задором", учиненным его племянником Чжалбой (Ялбой) на Тереке и под Астраханью. Дайчин потребовал освобождения Чжалбы, получив отказ, стал готовиться выступить против астраханского воеводы. Но его планы не нашли поддержки ни у Мончака, ни у Солом-Церена, ни у других тайшей. Фактически все крупные калмыцкие тайши объединились вокруг Мончака, а Дайчин оказался в одиночестве. Вскоре он примкнул к восставшим против русских властей башкирским феодалам,[1] но через полтора года отошел от них и помог царским воеводам подавить их выступления. Снискав себе таким образом прощение у царя, Дайчин в 1664 г. снова включился в борьбу с крымскими феодалами.[2]

Достигнув единовластия, Дайчин подготовил своему преемнику Мончаку неограниченное правление над калмыцкими тайшами и народными массами. В 1664 г. он самоустранился от управления народом по старости лет. В последующие годы его роль в политической жизни калмыков постепенно сошла на нет. Мончак, став полновластным правителем, поддерживаемый правительством, проявлял большое радение в военной службе Российскому государству.

Летом 1663 г. астраханский воевода князь Г. С. Черкасский встретился в Сарпинских песках с Мончаком и другими тайшами, сюда же прибыли послы Кунделена Убаши и его сына Доржи, которые заявили воеводе, что их тайши "хотят быть в подданстве и во всяком послушании так же, что и Мончак тайша". Они обещали служить русскому государю и посылать своих людей на Крым. Соединившись с улусами Мончака, хошутско-дербетская группировка Кунделена Убаши вошла в состав Калмыцкого государства, признав над собой как непосредственную власть Мончака, так и верховную власть Московского правительства. Таким образом, Калмыцкое государство в 1663 г. пополнилось новым количеством поселенцев, число которых точно установить невозможно.[3]

По настоянию воеводы Г. С. Черкасского летом, осенью и зимой 1663 г. Мончак снова посылал на крымского хана большое количество ратных людей, которые неоднократно совершали набеги на Перекоп, на Таманский полуостров и на Кубань, за что правитель-

---

[1] Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Истор. зап. Кн. 24.

[2] Калмыцкие дела, 1664, № 1, л. 62–66, 86–88.

[3] Там же, 1663, № 1, л. 235–236. "А ныне де тайши Кунделен Убаша и Доржи, а с ними калмыцких их людей сто тысяч человек со всем своим кочевьем пришли и уехали кочевать с Мончаком тайшею вместе". Здесь число поселенцев явно преувеличено. Кунделен Убаши вскоре скончался, его улусы, по-видимому, перешли под власть дербетского князя Солом-Церена.

ство России вознаградило калмыков новым пожалованием – правами кочевки в пределах Придонья. В Калмыцком деле № 1 за 1663 г. имеется много сведений о военных успехах калмыцких отрядов. Например, осенью того же года отряд Дувара (Дуара, Дугара) тайши под командованием Доржи проник на Перекоп, уничтожил заслоны, отнял у крымских мурз знамя и отогнал четыреста лошадей. Дербетский князь Солом-Церен послал отряд Батыра Шербета, который у "Молошных вод" соединился с донскими казаками под руководством Степана Рази (Разина) и с "запорожскими черкасы". Отсюда они двинулись на Перекоп, взяли огромное количество пленных "з головщиком Ссафар-Кызы-Агою".[1]

В Калмыцком деле № 2 от 1664 г. имеется сообщение Аюки-тайши и Мончака о том, что в "Азове сидит турский паша", посланный с целью объединить единоверцев – мусульман: крымских, астраханских, уфимских и казанских татар с башкирами – и направить их против Москвы. Крымский хан делал попытки втянуть и Мончака в эту коалицию, но успеха не имел.[2] О степени доверия царского правительства к калмыцким тайшам можно судить по указу царя, повелевшего своим сановникам "писать Мончаку, чтоб он кочевал... по Волге и по Дону и под Донскими вершинами, которые ближе под Крым и под Азов, и ратных людей высылать".[3]

За верную службу России Мончак и его сподвижники получили от правительства России благодарственную грамоту: "А ныне нам, великому государю, ведомо учинилось, что ты ж, Мончак тайша, служа нам, в. г., послал на Крымского хана и на его улусы своих калмыцких людей войною, и мы, в. г., наше ц. в., за твою к нам, в. г., верную службу и послушанью жалуем тебя, милостиво похволяем".

Дербетский владелец Солом-Церен, сподвижник Мончака, также получил похвальную грамоту следующего содержания: "А мы, в. г., наше ц. в., учнем тебя Солом Серена тайшу и улусных твоих людей за твою к нам, в. г., верную службу и впредь жаловать нашего царского величества жалованьем, и служба твоя у нас, в. г., забвенна николи не будет".

---

[1] Калмыцкие дела, 1663, № 1, л. 96, 99, 133, 218, 237, 239.

[2] Там же, 1664, № 2, л. 2–15. "А крымской де хан присылает к нему, Мончаку тайше, людей своих беспрестанно, чтоб он с ним, ханом, был в соединенье, а великого государя людем войне, и от того де крымский хан сулит ему, Мончаку, подарки больше, он де Мончак для великого государя милости в том крымскому хану отказал" (л. 15).

[3] Там же, л. 26–31.

"Милостивое слово за верную службу" получили Дугар, Батыр Шербет, Бок, Лабача и другие тайши.[1]

Верная служба калмыков России в борьбе с крымско-турецкой агрессией была весьма ощутимой. Вклад Калмыцкого государства, образовавшегося и существовавшего в составе России, в ее борьбу с недругами имел существенное значение и должным образом оценивался ее правительством. Последнее не только разрешило калмыкам кочевку в Придонье, но и приняло меры к укреплению позиций их правителя Мончака, которого оно летом 1664 г. официально признало верховным правителем калмыцкого народа и наделило его символами государственной власти – "серебряной с позолотой, украшенной яшмами, булавой и белым с красной каймой царским знаменем", а также ценными подношениями.[2]

Булава давалась правителям отдельных народов России как символ власти. Имели ее гетман войска Запорожского в Малороссии и старший атаман войска Донского. В 1664 г. получил ее и правитель калмыков Мончак. Что касается знамени, то оно должно было олицетворять общность государственных интересов русских и калмыков.

Если в 1655–1657 гг. был решен территориальный вопрос, то с получением царской булавы и знамени юридически завершилось образование Калмыцкого ханства. Главная причина такого развития событий состояла в том, что калмыцкие тайши защищали южные границы Русского государства.

Так документами Калмыцких дел Российского государственного архива древних актов (РГАДА) засвидетельствовано фактическое и юридическое оформление Калмыцкого государства (ханства) в составе централизованной многонациональной Российской державы.

Правители Калмыцкого ханства сохраняли полную самостоятельность в управлении внутренними делами и имели некоторую, контролируемую правительством России, свободу внешних сношений. Царское правительство само признавало своеобразие вассальной зависимости калмыцких феодалов. Порядок сношений с их правителями, как отмечал Г. Котошихин, напоминал процедуру дипломатических сношений с зарубежными государствами. К ним слали и от них принимали послов и посольства. На дипломатических приемах и в других подобных случаях калмыцкие правители приравнивались к крымским ханам.[3]

---

[1] Калмыцкие дела, 1664, № 2, л. 33–53.

[2] Там же, № 3, л. 59–99, 131.

[3] Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 41, 42, 76, 77, 82.

Выводы

1. Объединительный съезд князей и ханов в 1640 г. в Джунгарии не ликвидировал противоречий и междоусобную борьбу среди ойратских феодалов. Вернувшиеся в пределы Приуралья и междуречья Хо-Орлюк и другие тайши, вступив в контакт с ногайскими мурзами, предприняли в 1644 г. авантюристические вылазки на Северный Кавказ.

Расправившись с волнениями ногайских татар на "крымской" стороне р. Волги, правительство России в 1644 г. покарало калмыков в Кабарде, где погиб Хо-Орлюк, затем в междуречье и оттеснило их за Яик, на Орь, Иргиз, Оил и Илек, в связи с чем стал ощущаться недостаток пастбищных территорий. В результате многие тайши намеревались вернуться в Джунгарию, однако джунгарские феодалы, помня "кровь и недружбу", предъявили им ультимативные требования, лишавшие торгутских тайшей политической и экономической самостоятельности. Так возник кризис, угрожавший самим основам существования калмыцких владений.

2. Выход из кризиса, подсказываемый обстановкой, вынуждал тайшей искать примирения с Россией и разрешения снова кочевать в Приуралье и в междуречье. С этой целью по указанию Дайчина в 1645 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство.

Переговоры калмыков с правительством России велись с перерывами в течение многих лет. Русские власти добивались "прямого холопства" калмыков с выдачей заложников, т. е. полного подчинения царским властям России. Заложничество и ограничение политической самостоятельности в первое время решительно отклонялось тайшами, что влекло за собою задержку в нормализации русско-калмыцких отношений. В начале 50-х гг. XVII столетия обострились противоречия России с Крымом и Турцией, назрела реальная необходимость привлечения калмыков к борьбе с "недругами" России на юго-востоке. Так сложились условия, ускорившие положительное решение территориальной проблемы калмыков.

Шертная грамота 1655 г. юридически закрепила состояние "вечного послушания" калмыков и частично решила территориальную проблему. Шерть и царская грамота 1657 г. явились такими актами правительства, которые полностью решили территориальную проблему и укрепили торговые связи калмыков в России. Основой такого рода взаимоотношений послужило то обстоятельство, что калмыки не были побеждены силой русского оружия, но в силу исторической необходимости признали над собой государственную власть страны, где поселились.

3. Россия предоставила калмыкам территорию, постоянный торговый обмен и сохранила их самоуправление. В свою очередь,

калмыки должны были быть "в холопстве", т. е. в подданстве, и нести военную службу в пользу России. Таким образом, установившаяся общность территории, стабилизация регулярного обмена, вассальная служба калмыцких тайшей обусловили образование калмыцкого феодального политического объединения в виде особого ханства в составе России. Наличие сравнительно развитых форм феодальных отношений, элементов централизованной власти, системы правовых норм, ламаистской церковной организации, сложившейся письменности и языка, своеобразного быта и психического склада обеспечило калмыкам автономное существование в русской многонациональной централизованной государственной системе.

4. Положение трудящихся калмыков, опутанных оковами феодальной эксплуатации, было весьма тяжелым. Лишенные прав, принужденные выполнять хозяйственные и военные повинности в пользу феодалов, разоряемые феодальными войнами и внутренними распрями, "черные улусные люди" приходили в отчаяние. В этих условиях они находили выход из тягостного состояния лишь в самовольной откочевке или бегстве к соседним оседлым жителям. Политический и земельный кризис 1644–1645 гг. толкал эксплуатируемых и обездоленных простолюдинов на путь перехода "под государево имя".

Бедственное положение народных масс своеобразно отразилось в одном из молитвенных благопожеланий калмыков: "... да пошлет вам (Будда – *М. К.*) вечное блаженство с миром без войны, со здравьем без боли, с зимой без снега, с пастбищем, покрытым богатой растительностью!.." Классическим документом феодальной эпохи является "Великое Уложение" 1640 г. В нем имеются убедительные иллюстрации противоположности социальных интересов в калмыцком обществе.[1]

5. Решение территориальной проблемы приволжских калмыков находилось в прямой зависимости от усиливавшейся тенденции сосредоточения политической власти в руках одного деятельного лица, способного преодолеть сепаратизм и местничество других крупных феодалов, вступать в разного рода отношения с властями, нести ответственность за судьбы, дела и поступки своих подчиненных.

Как свидетельствуют архивные материалы и калмыцкие хроники, таким повелителем стал Дайчин, который сумел объединить все улусы торгутских владельцев под своей властью и укрепить феодально-иерархическое устройство калмыков, поселившихся в сте-

---

[1] Монголо-ойратские законы 1640 г. ... С. 4–6.

пях Приуралья и Поволжья. Получив социальную опору в лице мелких феодалов и улусных людей, стихийно ощущавших выгоды от вступления "под государеву руку", Дайчин-тайша вытеснил из пределов предоставленной калмыкам территории всех оппозиционно настроенных тайшей (Мерген-Тэмена, Ельдена, Лаузана и др.) и принял в качестве вассалов дербетского князя Солом-Церена, ногайских, едисанских, туркменских, алтыульских и других мурз, присоединившихся к калмыкам.

По традициям кочевых и полуоседлых народов Востока верховные правители крупных феодально-политических групп обычно носили титул хана. Дайчин-тайша, как сообщают калмыцкие историки Габан Шараб и Батур-Убуши Тюмень, также получил этот титул. В Калмыцких делах РГАДА имеются письма на русском и калмыцком языках, в которых Дайчин значится ханом, т. е. "государем и калмыцким обладателем". Эти документы дают фактические основания считать Дайчина первым единовластным правителем калмыков.

6. Неблагоприятно сложившаяся для Русского государства в середине XVII столетия международная обстановка, недостаток русских вооруженных сил на юго-востоке страны создали настоятельную необходимость использования военной силы калмыков для борьбы с Турцией и Крымом. Калмыки оправдали доверие Русского государства. За успешную военную службу русские власти расширили им зону кочевок, включив в нее степные пространства Придонья, предоставили им беспошлинную торговлю в российских городах; главные тайши награждались жалованьем и ценными дарами.

Правительство не упустило случая использовать политический просчет Дайчина в пользу его сына Мончака (Пунцука), оказавшегося более преданным интересам России. Чтобы укрепить его политическое положение, русское правительство в 1664 г. наделило Мончака атрибутами государственной власти – булавой и царским знаменем, а также полномочиями правителя калмыцкого народа.

Образование Калмыцкого государства (ханства) в составе России не было явлением случайным. Калмыки, поселившиеся в степных пределах Приуралья и Поволжья, не представляли собой "дикую орду", как это было принято считать в буржуазной историографии. Они пришли в Россию с определенно сложившимися феодально-иерархическими и государственными традициями и принесли с собой солидный багаж культурного наследия своих предков.

В процессе развития тесных сношений с русским абсолютистским государством калмыцкое феодальное общество приобретало отчетливо выраженную монархическую структуру. Правительство России важным политическим актом 1664 г. оформило фактичес-

кое и формально-юридическое существование вассального государственного образования (ханства) калмыков в составе многонационального централизованного Русского государства.

Существует мнение, что Калмыцкое государство образовалось в период правления Аюки-хана. Сопоставление событий, развивавшихся при Аюке и до него, показывает, что он, как правитель, восстанавливал то, что сделали до него дед Дайчин и отец Мончак. Иногда правительство ставило ему в пример деятельность его предков, которые верно служили России. Аюка, так же как Дайчин и Мончак, вел упорную борьбу с "непослушными тайшами", добивался упрочения централизованного управления и достиг наибольшего могущества и широкой популярности. Что касается калмыцкой государственности, то она возникла до него. История Калмыцкого государства в период правления Аюки есть расцвет ханства, продолжение его истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История прихода калмыков в Россию и образования Калмыцкого государства в степях Приуралья и Поволжья еще недостаточно исследована. В исторической литературе по этим вопросам имеются противоречивые концепции. До сих пор в зарубежной и русской литературе имеет место концепция об "экспансионистском" характере движения калмыков к Волге, о роли Калмыцкого государства на юго-востоке России как "западной окраины" Джунгарского царства.

Богатый фактический материал, извлеченный из архивных данных России XVII столетия, дает возможность составить достоверную историю образования Калмыцкого государства в составе России, разобраться в истинных причинах и обстоятельствах, обусловивших его рождение и последующее развитие.

История образования Калмыцкого государства вскрывает обусловленный процесс откочевки на северо-запад и запад от Джунгарии отдельных групп ойратских феодалов, вызванный особенностями экономической жизни кочевников, их "земельной теснотой", а также факторами, связанными с межфеодальной борьбой и внутренними усобицами.

Подобное состояние переживали не только ойраты, но и казахи, монголы, татары, словом, все кочевые народы Центральной Азии.

Во второй половине XVI и в первой половине XVII вв. Россия расширила свои территориальные владения в Западной Сибири, в Приуралье и в Поволжье. Подверглось разгрому Сибирское царство татар. Пришли к полному упадку орды Большого и Малого Ногая. Прииртышские, Ишимские и Тобольские земли, затем земли Приуралья и Поволжья оказались малозаселенными.

Правительство России имело прямой интерес предоставлять эти земли в пользование тем пришельцам, которые соглашались принять русское подданство и служить на благо Русского государства. Так в 1608–1609 гг. было положено начало вхождению калмыков в подданство России и их постепенному движению на запад.

Мнения исследователей о том, что вступление калмыков в

подданство России произошло в 1655 г.[1] *или в 1661 г.,*[2] *несостоятельны. Вхождение калмыков в состав России совершалось не вдруг, не сразу, а представляло собою сложный и длительный процесс.*

Факты говорят, что приход калмыков к Волге не был результатом нашествия или экспансии с целью осуществления "плана восстановления Юаньской империи". Как свидетельствуют документы, калмыки также не были "случайными забродниками".[3] *Их приход на Волгу являлся результатом объективно-исторической необходимости.*

Постоянными обитателями Приуралья, затем Поволжья калмыки сделались не сразу. Оправданы сомнения Н. Н. Пальмова относительно продолжительности и прочности поселения калмыков в Прикаспии в 30-е гг. "Новая обстановка, — писал он, — могла внушить им всяческие опасения, а связи с Дальним Востоком окончательно не прервались и тяга туда продолжала существовать".[4] *Крупные калмыцкие нойоны и духовенство накануне 1640 г. предприняли шаги к преодолению междоусобий. Но съезд князей 1640 г. не оправдал надежд, не восстановил их единства, он не мог остановить объективного процесса дальнейшего углубления феодального раздробления. Вскоре снова вспыхнули межфеодальные распри, возобновились войны.*

Карательные меры царского правительства 1644 г., крайне усложнившие положение калмыков, создали новую обстановку и имели важные последствия. Московское правительство стало настойчиво требовать от тайшей, чтобы они перешли от полуподданства к полному подданству России. Решение жизненно важной для калмыков территориальной проблемы, т. е. получение достаточных пастбищных территорий, было поставлено в зависимость от выполнения этих требований Московского правительства. Тайши не сразу пришли к единому мнению по этому вопросу. Однако последовательный политический курс Дайчина в конце концов одержал победу. Он добился положительного решения территориальной проблемы, изгнал оппозиционно настроенных тайшей и тем самым обеспечил фактическое образование Калмыцкого ханства. Его дело завершил Пунцук (Мончак).

---

1 Иакинф (Бичурин). Указ. соч.; Новолетов М. Указ. соч; Бюллер Ф. Указ. соч. и др.

2 Пальмов Н. Н. Этюды... Ч. III. С. VIII.

3 Там же. С. 2.

4 Там же. С. 1.

Прав был А. М. Позднеев, утверждавший, что "правление Дайчина, равно как и сына его Пунцука, замечательно в истории астраханских калмыков, главным образом, объединением и сплочением во едино многочисленных калмыцких поколений, откочевавших из Зюнгарии".[1]

Образование Калмыцкого ханства в составе России определялось как внутренними, так и внешними причинами. Классовая структура общества, борьба за централизацию политической власти в нем, обострение классовых противоречий, необходимость решения территориальной проблемы объективно способствовали возвышению Дайчина и его преемника Пунцука (Мончака). Необходимость общения с Русским абсолютистским государством и необходимость участия калмыков в борьбе с внешними общими с Россией противниками объективно усиливали в калмыцком обществе тенденции к централизации политической власти. В конце 50-х и в начале 60-х гг. XVII в. калмыцкое общество, возникшее на юго-востоке России, уже обнаруживало основные признаки государственности: официально определилась территория кочевий, ясно выразились черты монархической власти, укрепились феодально-иерархические устои.

В 1660—1664 гг., в трудное для России время, калмыки, успешно выполнявшие вассальную службу, вступили в борьбу против крымско-турецких войск вместе с донскими казаками, запорожцами, кабардинцами, внесли свой вклад в победу России над ее недругами.

Так у калмыков, как и у других народов, входивших в состав Русского централизованного государства, складывались с ними общность исторических судеб, общность территории, общность политических и экономических интересов в рамках единой страны.

---

[1] Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношения к России ... С. 148.

ПРИЛОЖЕНИЯ

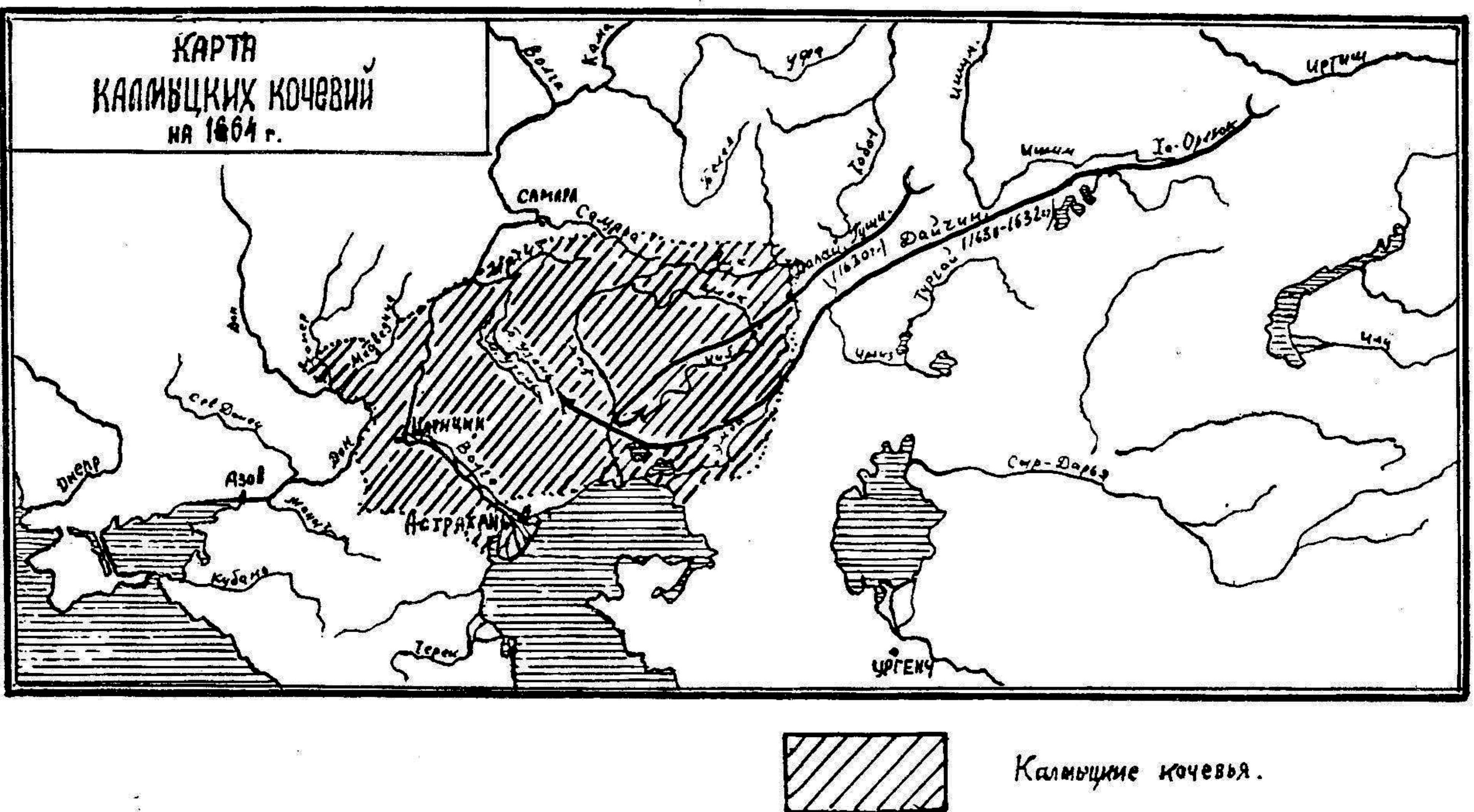

СХЕМА
калмыцких кочевий на 1664 г., составленная автором

Письмо Дайчина царю Алексею Михайловичу, 1661 г.

Перевод (краткий): "Вы, белый хан, повелеваете всеми в добром здравии, и я – Дайчин-хан,по милости божьей, пребываю здесь в добром здравии, и оба мы живем в мире и согласии; когда нужно, решаем важные дела. Давно Вы воюете с Крымом. Теперь мы с Вами решаем судьбы своих владений. После того как Ваши представители дьяк Иван (И. Горохов – *М. К.*) и Казбулат (кабардинский князь Черкасский – *М. К.*) благополучно прибыли к нам с Вашей Грамотой, Ваше повеление мы приняли к исполнению. Посла нашего просим отправить без всякой задержки".

РГАДА, Калмыцкие дела, 1661, № 2, л. 32.

Описание (в русской палеографии) царского знамени и булавы, врученных в 1664 г. Мончаку:

"Знамя писано по белой камке. В средине орел двоеглавый, под орлом – месяц, около орла – круг, в кругу – на коне человек с копьем прободает змия. Писано с обе стороны. У знамени – камка алого цвета, по камке писаны травы золотом и серебром и цветными краски.

Булава серебряная, золоченая, резная, с камнями и з бирюзами".

РГАДА, Калмыцкие дела, 1664, № 3, л. 131.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Кичиков Мерген Лиджинович

ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Редактор *В. Л. Теленгидова*
Художник *С. Э. Котинов*
Художественный редактор *С. А. Бадендаев*
Технический редактор *К. П. Белова*

ЛР № 010037
ИБ № 1529

Сдано в набор 09.09.94. Подписано в печать 17.11.94. Формат 60 x 84/16.
Бумага офсетная № 2. Гарнитура Школьная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,44. Усл. кр.-отт. 7,69. Уч.-изд. л. 7,64.
Тираж 8000 экз. Заказ 2851. "С" 031. Заказное.

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 243, Дом печати

АПП "Джангар" Республики Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

Кичиков М. Л.

К 461 Образование Калмыцкого ханства: Пособие для учителя по изуч. курса истории Калмыкии. — 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А. Н. Команджаева, Н. Н. Убушаева. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. — 123 с.

ISBN 5-7539-0308-8

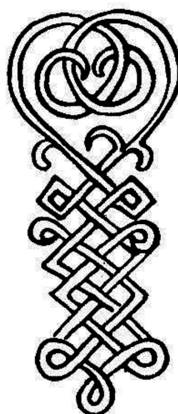
Работа посвящена одному из важнейших этапов в истории калмыцкого народа — периоду вхождения в состав Российского государства и образования собственной государственности в форме Калмыцкого ханства. После историографического обзора, знакомящего с различными точками зрения на причины и историю переселения калмыков в Приуралье и Поволжье в XVII в., автор излагает свою версию, основанную на анализе источников, документов, исследований.

Данное пособие для учителя можно рекомендовать также учащимся старших классов и студентам.

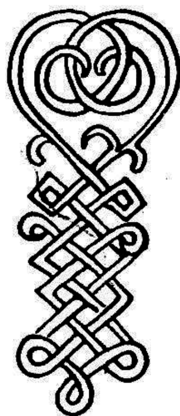
К $\frac{4306020600 - 031}{М\ 126(03)-94}$ Без объявл.

ББК 63.3(2)4(2Р–6Ка)

Элиста * Калмыцкое книжное издательство * 1994